

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

5

СЕНТЯБРЬ–ОКТЯБРЬ

"Н А У К А"

МОСКВА - 2001

СО Д Е Р Ж А Н И Е

А.А. З а л и з н я к, В.Л. Я н и н (Москва). Новгородский кодекс первой четверти XI в. – древнейшая книга Руси.....	3
М.Н. Б о г о л ю б о в (Санкт-Петербург). Иранские этимологии (К выходу в свет Этимологического словаря иранских языков В.С. Расторгуевой, Д.И. Эдельман. Т. 1. М. 2000. 327 с., * ¹ <i>a-</i> – * ² <i>āz-</i>).....	26
А.К. М а т в е е в (Екатеринбург). Мерянская проблема и лингвистическое картографирование.....	32
М.В. З а в ь я л о в а (Москва). Исследование речевых механизмов при билингвизме (на материале ассоциативного эксперимента с литовско-русскими билингвами).....	60
Р.З. М у р я с о в (Уфа). Некоторые проблемы контрастивной аспектологии.....	86

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Р е ц е н з и и

В.Д. Д е в к и н (Москва). Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 10 Bänden	113
Н.А. К у п и н а (Екатеринбург). <i>М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект</i>	121
М.М. М а к о в с к и й (Москва). <i>В.В. Левицкий. Этимологический словарь германских языков</i>	124
В.С. Б а е в с к и й (Смоленск). <i>Н. Павлович. Словарь поэтических образов</i>	138
А.И. Д о м а ш н е в. <i>W. Schmidt. Geschichte der deutschen Sprache</i>	141

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки.....	145
---------------------------	-----

Р Е Д К О Л Л Е Г И Я :

Ю.Д. Апресян, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, В.З. Демьянков, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Ю.Н. Караулов,

А.Е. Кибрик (зам. главного редактора), М.М. Маковский (отв. секретарь),

А.М. Молдован, Т.М. Николаева (зам. главного редактора),

Ю.В. Откупщиков, О.Н. Трубачев (главный редактор),

А.М. Шербак

Зав. отделами: *М.М. Маковский, Г.В. Строкова, М.М. Коробова*

Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

А д р е с р е д а к ц и и: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2

Институт русского языка им. В.В. Виноградова,

редакция журнала "Вопросы языкознания"

Тел. 201-25-16

© 2001 г. А. А. ЗАЛИЗНЯК, В. Л. ЯНИН

НОВГОРОДСКИЙ КОДЕКС ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XI В. – ДРЕВНЕЙШАЯ КНИГА РУСИ

Настоящая статья продолжает серию предшествующих публикаций в “Вопросах языкознания”, посвященных итогам очередного сезона новгородских раскопок. Как и другие статьи этой серии, она представляет собой предварительную публикацию новооткрытых текстов, цель которой состоит в том, чтобы ознакомить лингвистическую общественность с этими текстами без существенного промедления. Соответственно, публикуемые тексты сопровождаются лишь весьма краткими комментариями, которые, разумеется, никоим образом не могут исчерпать всей лингвистической, текстологической и литературно-исторической проблематики, связанной с новыми находками.

В данном случае, ввиду уникальных особенностей главной находки сезона, о которой рассказывается ниже, мы публикуем не все содержащиеся в ней тексты, а только наиболее надежно читаемую их часть.

Ежегодно открываемые в процессе раскопок древности Великого Новгорода не перестают поражать воображение. Новгородская археологическая экспедиция, основанная А. В. Арциховским в 1932 г., работает почти семьдесят лет, но не было полевого сезона, результаты которого не ставили бы новые, подчас совершенно неожиданные проблемы. С момента обнаружения первых берестяных грамот в 1951 г. расширение научной программы экспедиционных работ стало базироваться на нерасторжимом единстве вещественных и письменных источников. Среди последних вновь открываемые берестяные тексты персонифицировали исследуемые жилые комплексы X–XV веков, открыв исследователям имена их владельцев и прочих жителей древних усадеб.

Начиная с 1973 г. раскопочные работы были сосредоточены в Людином конце Софийской стороны, на раскопе, получившем название Троицкого, по расположенной по соседству средневековой церкви. К концу полевого сезона 2000 г. исследованная площадь этого раскопа превысила 6000 кв. м. Здесь были вскрыты многоярусные мостовые трех древних улиц — Черницыной, Пробойной и Ярышевой — и исследованы древности четырнадцати усадеб. В последние шесть лет главным объектом исследования стала усадьба Е (руководит этими работами А. Н. Сорокин), резко отличающаяся от соседних дворов громадными размерами. Она имеет площадь около 1200 кв. м, что вдвое, а порой втрое превосходит площадь соседних весьма элитарных усадеб. Раскопками 1998 и 1999 гг. было выяснено, что усадьба Е имела не жилое, а общественное назначение. Во второй — четвертой четвертях XII века здесь размещался “сместной” суд князя и посадника [Янин, Зализняк 1999], а во второй трети XI — первой четверти XII веков усадьба Е служила местом, куда стекались государственные доходы Новгорода и где они распределялись по принадлежности статьям бюджета [Янин 2000].

Сезон 2000 года начался приятной неожиданностью. В слое первой половины XI века был найден один из самых древних ныне известных берестяных документов — небольшой лист бересты, на обеих сторонах которого процарапаны изображения человеческих фигур. Изображение на одной стороне опознается как образ Иисуса Христа; имеется также надпись: ИС ХС. Фигура на другой стороне обозначена хорошо читаемой надписью варвара и стоящей перед ней буквой а в кружке — обычным сокращением греческого ἁγίος 'святой'. Образ св. Варвары передан в полном соответствии с канонами: святая в короне держит в руке мученический крест.

Находка сразу же породила проблему. Усадьба Е, на которой она была обнаружена, находится на древней Черницыной улице, которая получила свое название от некогда расположенного на ней девичьего монастыря св. Варвары. Разумеется, в первой трети XI века никакого монастыря здесь быть еще не могло: самые ранние монастыри на Руси возникают лишь во второй половине XI века, а новгородский Варварин монастырь впервые упомянут в летописи под 1138 годом, т. е. более чем на сто лет позднее нашей находки. Известно, что культ св. Варвары был широко распространен в славянском мире. Но если в отдаленных от моря зонах она оберегала прежде всего тех, кто работал под землей, то на славянском побережье южной Балтики, с которым у Новгорода обнаруживаются и другие многообразные связи, св. Варвару считали покровительницей рыбаков и мореходов. Отметим, что в тех слоях, в которых обнаружена эта находка, предметы, связанные с рыболовством, встречены в изобилии.

Под изображением св. Варвары на бересте процарапана, правда, довольно неумело, дата (без титла): 2--3. К сожалению, с двумя средними знаками связаны сложности. Второй знак — это либо искаженное ф (без левой дуги), либо, как предположил С. Г. Болотов, латинское D; в обоих случаях цифровое значение знака — «500». Третий знак — л или о, т. е. «30» или «70». Таким образом, усматривается дата 6537 (= 1029 год н. э.) или 6577 (= 1069 год н. э.). Стратиграфической датировке лучше соответствует первая из этих дат.

Но главная находка сезона была впереди. 13 июля 2000 г. на Троицком-XII раскопе из напластований 1 четверти XI века была извлечена уникальная находка — древняя книга (кодекс) с текстом, написанным по воску. Кодекс представляет собой так наз. триптих: он состоит из трех деревянных (липовых) дощечек размером 19×15×1 см. Каждая дощечка имеет прямоугольное углубление (15×11,5 см), залитое воском; средняя дощечка имеет такие углубления с двух сторон. Таким образом, кодекс содержит четыре восковых страницы (так наз. церы). Внешние стороны первой и последней дощечек играют роль "обложек". Дощечки имеют на краях отверстия, в которые вставлены деревянные штыри для соединения их в единый комплект.

Хорошо известно, что церы — навошенные деревянные таблички — широко употреблялись для письма в древней Греции и Риме, а также в средневековой Западной Европе. Иногда соединялись в кодекс пять и более дощечек, образуя так наз. полиптих, но чаще бытовали, как и в нашем случае, соединения трех дощечек — триптихи. Орудием письма на церах служили стилосы — металлические или костяные стержни, заостренные для писания по воску на одном конце и снабженные плоской лопаточкой для стирания написанного на другом. Иногда (в Италии, Румынии, Германии, Польше и других странах) находили кодексы с сохранившимся на воске текстом. Что касается средневековой Руси, то в литературе долгое время существовало высказанное в 1928 г. мнение крупнейшего палеографа академика Е. Ф. Карского о том, что Русь не знала письма по воску. Это мнение стало сомнительным

после многочисленных находок в Новгороде и других древнерусских городах стилосов (на Руси они назывались писалами). Эти инструменты (их в одном только Новгороде найдено около 250) имеют обязательную лопаточку, бесполезную для берестяного письма. Когда же стали находиться в новгородских раскопках и сами церы, стала окончательно ясна ошибочность мнения Е. Ф. Карского. Всего до 2000 г. было найдено 12 цер, некоторые из них на обороте и на бортиках снабжены азбукой, что указывает на их использование в обучении письму. На одной цере сохранились остатки воска с фрагментами написанного. Все прежние находки имеют небольшой размер, будучи подобиями позднейших записных книжек [Рыбина 1994].

К сожалению, кодекс в момент находки получил повреждение. Уже начатая и ныне продолжающаяся работа по его реставрации должна вернуть его к состоянию, близкому к первоначальному. Исключительная сложность реставрации в данном случае связана прежде всего с тем, что невозможно сохранить оба элемента кодекса — дерево и воск, — предварительно их не разделив.

Дело в том, что сохранность кодекса, пролежавшего в земле около тысячи лет, обеспечена тем, что его дощечки насквозь пропитаны влагой, в силу чего к ним не было доступа воздуха и, следовательно, отсутствовали условия жизнедеятельности микроорганизмов, вызывающих процессы гниения. Опыт стабилизации мокрой древесины древних деревянных изделий диктует использование полиэтиленгликолей для замещения вытесняемой ими влаги — процедура, требующая длительного использования термостатов и противопоказанная восковому покрытию цер. В мировой реставрационной практике задача, вставшая перед экспедицией, была беспрецедентной. И счастьем для экспедиции стало согласие В. И. Поветкина принять на себя операции по предварительному перенесению воска на другую основу и по сборке бесчисленных мельчайших фрагментов воска с тем, чтобы восполнить, насколько это возможно, лакуны восковых табличек. В. И. Поветкин — новгородский художник и скульптор, обладающий золотыми руками и многолетним опытом восстановления древних музыкальных инструментов по их ископаемым остаткам, добился в реставрации цер блистательного успеха.

Датировка кодекса определяется в первую очередь тем, что он лежал в полуметре от края и на 30 см ниже сруба, получившего надежную дендрохронологическую дату: 1036 г. Средняя скорость нарастания культурного слоя в Новгороде — около 1 см в год. Таким образом, наиболее вероятное время попадания кодекса в землю — первые 15–20 лет XI века. Для повышения надежности эти рамки следует слегка расширить; это дает нам интервал: последние годы X — первая четверть XI века.

Разумеется, кодекс мог быть в обращении уже довольно долгое время, прежде чем он был потерян. Судя по тому, что ныне уже известно о том, как писец производил записи в этом кодексе, этот интервал мог быть велик (например, одно-два десятилетия или даже еще больше).

В октябре 2000 г. в лаборатории имени Ангстрема отделения ионной физики университета Упсалы Й. Посснерг произвел предварительный радиоуглеродный анализ воска из данного кодекса. В ноябре там же был проведен полный анализ по более детализированной методике. Результат: при уровне надежности в 68,2% основной из возможных датирующих интервалов (на который приходится 84% вероятности) таков: 980–1050 гг. (т. е. 1015 ± 35). Этот результат вполне согласуется с археологическими данными.

Таким образом, найдена древнейшая ныне известная книга древней Руси. Она как минимум на несколько десятилетий старше, чем самая ранняя датированная

книга древней Руси — Остромирово евангелие 1056–1057 гг. Правда, некоторые недатированные книги Руси, традиционно относимые к XI в., как иногда предполагают, могут быть и несколько старше Остромирова евангелия, но к столь раннему времени, как новонайденный кодекс, ни одну из них не относят даже гипотетически.

Следует учитывать, что Остромирово евангелие — самая ранняя точно датированная книга не только Руси, но и всего славянского мира. Ни одна из старославянских книг не имеет даты в тексте. Все они датируются лишь по косвенным данным (палеографическим и лингвистическим) — обычно лишь с точностью до столетия. В частности, самые древние старославянские книги, писанные кириллицей, — Супрасльский кодекс и Саввина книга — традиционно датируются XI веком; но даже и столь широкую датировку нельзя считать вполне гарантированной.

Понятно, сколь ценно то, что новонайденный кодекс имеет гораздо более узкую дату — порядка четверти века. И эта дата такова, что он оказывается самой ранней славянской книгой с относительно узкой датой. Более ранними славянскими датированными документами являются лишь некоторые древнеболгарские надписи X в.; но надписи — это существенно иная категория письменных памятников.

Мы будем далее называть новонайденную книгу Новгородским кодексом.

Структура Новгородского кодекса и его язык

На нынешнем этапе изучения данного памятника уже известно, что он содержит два рода текстов: 1) основной текст — легко и надежно читаемый (за вычетом отдельных букв) текст на воске; 2) «скрытые» тексты — восстанавливаемые с чрезвычайным трудом и без полной надежности; это тексты, непосредственно процарапанные по дереву или сохранившиеся в виде слабых отпечатков на деревянной подложке воска, возникавших при письме по воску. Общая длина «скрытых» текстов во много раз больше, чем длина основного текста. К настоящему моменту удалось восстановить лишь меньшую их часть.

Настоящая статья посвящена в первую очередь основному тексту Новгородского кодекса. Что касается «скрытых» текстов, то здесь мы ограничиваемся лишь самыми общими сведениями и несколькими иллюстрациями — как потому, что объем статьи не позволяет поступить иначе, так и потому, что изучение этих текстов еще весьма далеко от завершения. Для лингвистического анализа именно основной текст представляет первостепенную ценность, поскольку, в отличие от «скрытых» текстов, здесь чтение столь же надежно, как в рукописях на пергамене.

Все тексты Новгородского кодекса написаны одним и тем же почерком.

Основной текст кодекса составляют псалмы, а именно, два полных псалма: 75 и 76 — и фрагмент псалма 67 (с середины стиха 4 по середину стиха 6). Псалмы 75 и 76 — заключительная часть 10-й кафизмы псалтыри.

В кодексе текст псалма 76 заканчивается немного ниже середины четвертой страницы. Далее идет пустое пространство в 4–5 строк со следами затертого текста, после чего следуют 6 строк из псалма 67.

Вопрос о том, какую роль играли в кодексе строки из псалма 67, на первом этапе изучения памятника оставался неясным. Можно было предполагать, в частности, что эти строки составляли часть заключающей кафизму молитвы, но было непонятно, почему они начинаются с полуфразы. Разгадка пришла позднее, когда удалось установить, что затертый текст — это предшествующие стихи того же псалма 67. При этом, однако, начало этого псалма оказалось под нынешним текстом псалма 76. Таким образом, выяснилось, что нынешний текст написан поверх затертого пре-

жного текста, содержавшего псалом 67 (и предшествующие ему). Последний отрезок прежнего текста писец оставил нестертым: для его новой записи “расчищенного” места уже хватало.

Это значит, что писец не рассматривал данный кодекс как окончательно изготовленную книгу, которую остается лишь поставить на полку. Это была для него как бы книга “с бегущим текстом”, функциональный аналог грифельной доски.

Может быть, перед нами просто ученические упражнения, состоявшие в том, чтобы последовательно списывать одну часть псалтыри за другой? Но такая версия должна быть немедленно отвергнута: почерк и весь характер письма неоспоримо свидетельствуют о том, что писал опытный мастер. Его рука безупречно тверда, каждая буква имеет совершенно устойчивое начертание, почти как в печатных книгах — это первейший признак каллиграфического мастерства. Такой человек мог быть учителем письма, но никак не учеником.

Естественно было бы предположить, что кодекс писал южнославянский книжник, прибывший на Русь, еще совсем недавно принявшую христианство, с миссионерской целью.

Действительно, язык Новгородского кодекса — в основе своей старославянский. Однако характер ошибок, допущенных нашим писцом при списывании со старославянского оригинала, однозначно свидетельствует о том, что он был не болгарин и не серб, а восточный славянин (т. е. русский в том смысле, в котором этот термин используется применительно к древнерусской эпохе).

Эти ошибки состоят в смешении знаков для носовых и неносовых гласных, а именно, ѣ с оу и ѡ с ѡ (или ѡ). Вот материал основного текста (цифры означают страницы кодекса):

оу вместо ѣ: ороужіе 1, обрѣтоу 1 (3 множ. аориста), сѣмоутиша сѡ 4;

ѣ вместо оу: Бѣ 2 (“Богу”), глѣм(лѡѡ)хъ сѡ 2;

ѡ вместо ѡ: твоѡ 4 (2 раза И. множ. жен. и 1 раз В. множ. муж.);

ѡ вместо ѡ (после шипящей): оу҃снѣша 1 (но здесь ѡ не вполне надежно);

ѡ вместо ѡ: землѡ 1, 4 (И. ед.), (о)у(бо)ѡша сѡ 3.

Смешения ѣ с ю не встретилось (но и общий объем материала для этих букв очень ограничен).

Указанные ошибки выступают на фоне полностью господствующих этимологически правильных написаний. Подсчитывать проценты в рамках сравнительно небольшого документа, вдобавок в условиях, когда некоторые буквы читаются без полной уверенности, — занятие ненадежное. Поэтому лишь в качестве ориентировочных приводим получаемые при таких подсчетах цифры: на месте этимологических ѣ, ѣ знак для носовой гласной отмечен в 8% случаев, обратная замена — в 6%; на месте этимологического ѡ знак для носовой гласной отмечен в 8% случаев (причем почти все примеры приходятся на позицию после [j]), обратная замена — в 11% (причем все примеры приходятся на позицию не после [j]).

Показания Новгородского кодекса являются, таким образом, важным дополнительным свидетельством в пользу известного тезиса о том, что в начале XI века в древнерусском языке носовых гласных уже не было.

Писец кодекса несомненно считал правильным воспроизводить знаки для носовых и неносовых гласных, представленные в протографе; отмеченные выше ошибки возникали лишь в силу временного ослабления внимания.

Картина смешения знаков для носовых и неносовых гласных в Новгородском кодексе в целом вполне сходна с той, которая наблюдается в Остромировом евангелии и других древнейших рукописях русского происхождения.

Важнейшая особенность графики Новгородского кодекса состоит в том, что он написан по одноеровой системе: вместо двух разных букв — ѝ и ѥ — в нем употребляется только одна, а именно ѝ. Вот некоторые примеры: бранѝ, неразумѝни, богатѝства, наковѝлѝ, страшѝнѝ, възкрѝсетѝ, прѝвѝа, сѝконѝча, милостѝ, пѝтѝ, (вѝ) людѝхѝ, стѝза, вѝдовицѝ.

Одноеровая графическая система до сих пор была засвидетельствована на Руси лишь в нескольких фрагментах книжных памятников XI в. и некоторых надписях, а также в части берестяных грамот XI — I пол. XII в. В отличие от большинства других книжных памятников, в Новгородском кодексе одноеровая графическая система проведена со стопроцентной последовательностью (как в основном тексте, так и в “скрытых”).

Графика Новгородского кодекса свидетельствует о том, что, вопреки традиционным представлениям, в начальный период русской письменности одноеровая система играла весьма существенную роль. Лишь позднее, во 2-й половине XI в. (а как раз к этой эпохе относятся почти все известные до сих пор древнерусские памятники XI в.), одноеровая система была почти полностью вытеснена (по крайней мере в книжном письме) двуеровой, т. е. обычной для всей последующей русской письменности.

Становится ясно, что даже Остромирово евангелие, которое традиционно рассматривается как образец самого первоначального состояния русской письменности, в действительности отражает уже значительно продвинутый этап ее развития, а именно этап, когда в практике русского книжного письма уже решительно было отдано предпочтение той из двух пришедших извне графических систем, которая лучше соответствовала древнерусской фонологической системе. Заметим, что берестяные грамоты, сохраняющие, в силу их общего консерватизма, одноеровую систему дольше, чем все другие источники, оказались в очередной раз носителями древнейших особенностей русской письменности.

Из прочих графических особенностей кодекса отметим лишь наиболее существенные. Из йотированных букв регулярно используются ѡ, ю и ѡ. Буква к полностью отсутствует; на ее месте совершенно последовательно выступает простое ѣ. Буква ѡ встретилась в основном тексте всего один раз (в прочих случаях на ее месте здесь находим ѡ); но в “скрытых” текстах она представлена широко.

Зело (z) встречается только в качестве цифры; соответственно, в к(ѝ)назѝ, стѝзи и т. п. всегда находим з.

Буква ѣ встречается, но весьма редко, а именно, она иногда заменяет второе и в последовательности ии, например: сѡщии, вѝ начинаниѝхѝ.

Регулярно используется диграф оу. Простое у в основном тексте не встретилось (в “скрытых” текстах оно отмечено в некоторых иностранных географических названиях в качестве соответствия греческому υ).

Регулярно используются буквы щ и ѝ. Написание шт не встретилось; написание ѝи отмечено только в двусмысленном примере сирѝихѝ 4 (где в принципе могло быть как [ры], так и [рѝи]).

Буква ѡ, подобно простому у, встретилась только в “скрытых” текстах в иностранных именах собственных. Буква ф один раз отмечена в основном тексте и многократно в “скрытых”.

Диграф Ѡ крайне редок; в основном тексте он встретился один раз: Ѡврѝже са (нормальный способ записи морфемы “от” — отѝ). Омега без т не встретилась.

Важную особенность Новгородского кодекса, отмечаемую также в ряде других древнейших памятниках русского происхождения, в частности, в Изборниках 1073 и

1076 гг., составляет спорадическое смешение букв ж и ѣ, например, сѣдѣа 'судья', отъѣмѣжцоумоу. Очевидно, первопричиной здесь является соответствующее южнославянское фонетическое смешение, отразившееся в протографе кодекса. Но для русского писца это была уже просто графическая особенность. Скорее всего он просто точно следовал в этом отношении своему протографу; но в принципе он мог также усвоить и общее представление о том, что эти буквы до некоторой степени взаимозаменяемы.

Не претендуя на полноту, дадим также краткий обзор языковых особенностей кодекса.

Отразившееся в кодексе состояние редуцированных можно охарактеризовать так. Сильные редуцированные еще находятся в своем первоначальном состоянии: никаких примеров их "прояснения" нет вообще. Процесс падения слабых редуцированных уже начался, но продвинулся лишь незначительно. Группы словоформ, где ѣ на письме уже иногда отсутствует, — в основном те же, которые хорошо известны по другим памятникам XI века. Это прежде всего кто, что, основы мног-, княз-, вс-, дн-, створ-. Сверх этого в основном тексте отмечены только: оуспѣша 1, всѣд'шю 1 (где на месте одного из двух отсутствующих на письме редуцированных выставлен заменяющий его ерик), вѣмѣт ми 2; особо стоит основа оупразн- (где -зн- имеет, по-видимому, праславянский возраст).

Данную картину явно следует связывать с южнославянским языковым состоянием, но не с древнерусским. Писец кодекса, как и другие русские писцы XI века, находился в ситуации постоянного расхождения между собственным произношением (где все редуцированные еще сохранялись) и написаниями протографа. Написания типа кто, мног- могли появляться под его стилосом как в силу прямого копирования оригинала, так и в силу сложившегося у него представления о таких условных написаниях как более престижных по сравнению с прямой записью собственного произношения. Любопытно, что в основном тексте кодекса почти все примеры пропуска редуцированного приходятся на первые две страницы (причем больше всего их на первой странице), тогда как на вторых двух страницах отмечено всего три таких примера (кто, множества и многахъ). Можно предположить, что, начавши заполнять эти четыре страницы, писец работал с максимальным вниманием (к протографу и/или к правилам престижного написания), но к середине работы его внимание уже притупилось и он, сам того не замечая, стал чаще записывать слова просто по звучанию.

В связи с редуцированными представляет значительный интерес одно частное явление, отмеченное в "скрытых" текстах кодекса (в основном тексте для него, к сожалению, не оказалось материала). Поскольку мы не рассматриваем здесь эти тексты подробно, ограничимся лишь простым указанием на само явление. Оно состоит в частом появлении вставного ѣ в группе «согласная + сонант». Отмечены, в частности: есмъ (совершенно регулярно), вѣтъръ, огънъ, жизнь, любезънъ, къзънъ, жзълъ, вѣскликънѣтѣ, прѣмъкънѣтѣ и ряд других. Наличие значительного числа примеров этого рода в столь раннем памятнике позволит уточнить существующие представления о механизме и хронологических рамках исторической эволюции редуцированных.

Из прочих фонетических явлений следует указать регулярное появление правильных старославянских рефлексов для *Тѣт: оумъча, ѡврѣже са, вѣскръбѣхъ, прѣвѣа, оудръжитъ, мѣзѣа и др.

Особо отметим единичные *иѡковѡ* (вместо *иѡковѡѡ* или *иѡковѡѡѡ*) и *гѣѣ* (вместо *гѣѡѡ*), очевидно, восходящие к южнославянскому протографу.

Представляет интерес написание *всѣд'шон*, с *о*. Вполне возможно, что оно принадлежало уже протографу.

В морфологии никаких русизмов нет. Т. ед. муж. регулярно имеет *-омъ*, *-емъ*, Р. ед. и И. В. множ. жен. (мягкого склонения) — *-ѡ*. Имперфект — нестяженный, например, *кльцаашѣ*. Между тем членные прилагательные — регулярно стяженные, например, *вѣшънаго*, *страшъноумоу*, *въ свѣтъмъ* (о двусмысленном *сиръихъ* см. выше). Окончание *-тъ* в презенсе в условиях одноеровой графики, разумеется, неинформативно.

Оценивая язык памятника в целом, следует констатировать, что русизмы в нем выступают в сущности лишь в форме ошибок (причем сравнительно редких) в выборе знаков для носовых и неносовых гласных. В отличие от Остромирова евангелия и других памятников 2 половины XI века, здесь еще нет ничего, что можно было бы интерпретировать как проявление формирующихся новых, русифицированных норм в сфере орфографии или морфологии.

Как и использование одноеровой графической системы, этот факт свидетельствует о том, что памятник принадлежит к более древнему и качественно иному периоду развития русской письменности, чем памятники 2 половины XI века. Это, так сказать, еще лишь “утробная ступень” формирования русского извода славянской письменности. Этого извода как системы на данном этапе еще нет. В сущности перед нами еще просто старославянский текст с некоторым числом ошибок.

Весьма интересен вопрос о том, был ли писец новгородцем или приезжим (например, из Киева). К сожалению, бесспорных лингвистических признаков новгородского или киевского происхождения писца в тексте нет. Существенно, однако, то, что в тексте полностью отсутствует характерное для Новгорода смешение *ц* и *ч*. Понятно, что такая картина в принципе может объясняться как неновгородским происхождением писца, так и просто его хорошей орфографической выучкой. Но в тексте значительной длины не допустить в этом отношении ни единой ошибки цокающему писцу было все же очень трудно; особенно трудно представить себе такой результат у писца, который в других пунктах орфографии все же время от времени допускает ошибки. Между тем в Новгородском кодексе безупречное этимологическое распределение *ц* и *ч* соблюдено не только в основном тексте (сравнительно коротком), но и во всех прочитанных к настоящему моменту “скрытых” текстах (образующих гораздо более мощный массив). Предполагать, что древненовгородский диалект в начале XI века еще не был цокающим, нет никаких серьезных оснований. Соответственно, новгородское происхождение писца представляется маловероятным (что, разумеется, не означает, что кодекс непременно был привезен извне: приезжий писец вполне мог работать и в Новгороде).

В тексте имеется, правда, одна любопытная ошибка: *просвѣщаѣси тѣ* вместо *просвѣщаѣши тѣ*, — которая в принципе могла бы быть проявлением характерного для псковских говоров смешения [*с'*] и [*ш*]. Однако в памятнике, где нет смешения *ц* и *ч*, единичное написание такого рода осторожнее всё же расценивать как ошибку под влиянием привычного сочетания *ѣси тѣ* (например, в силу контаминации с близким по смыслу *просвѣщаѡѡ ѣси тѣ*).

В рамках настоящей публикации мы не считаем уместным подробно разбирать палеографические особенности кодекса. Отметим лишь, что с точки зрения палеографии он представляет первостепенный интерес. Ведь, как мы уже говорили, почти

все древнейшие рукописи не имеют даты. А палеографы датируют такие рукописи исключительно на основе их сравнения с немногочисленными датированными. И вот перед нами новый памятник с достаточно узкой датой, причем самой ранней из имеющихся ныне (если не считать надписей). Понятно, что теперь именно Новгородский кодекс станет новой точкой отсчета для палеографических оценок и, возможно, приведет к пересмотру многих из них.

Оказалось, что Новгородский кодекс обнаруживает определенные палеографические сходства, с одной стороны, с книжными памятниками XI в., писанными на пергамене, с другой — с древнейшими берестяными грамотами. При этом, однако, нет полного совпадения ни с теми, ни с другими, т. е. письмо на воске обладало и определенной палеографической спецификой. Характерно, что в ряде пунктов, где Новгородский кодекс расходится по палеографии с рукописями XI в. на пергамене (например, в начертании буквы Р), он вполне сходен с древнеболгарскими надписями X в. Кодекс позволил также понять, откуда взялись палеографические отличия берестяного письма от книжного, которые отмечаются с самого начала письменной эпохи, т. е. уже в берестяных грамотах XI в. Оказалось, что по крайней мере в части случаев эти черты “унаследованы” от письма на воске.

Основной текст Новгородского кодекса

Ниже воспроизводится основной текст Новгородского кодекса, т.е. текст, сохранившийся на воске. При этом в качестве вспомогательных используются также некоторые сведения, полученные в процессе восстановления “скрытых” текстов.

При воспроизведении текстов используются следующие условные приемы.

Основной текст (на воске) передается обычным славянским шрифтом.

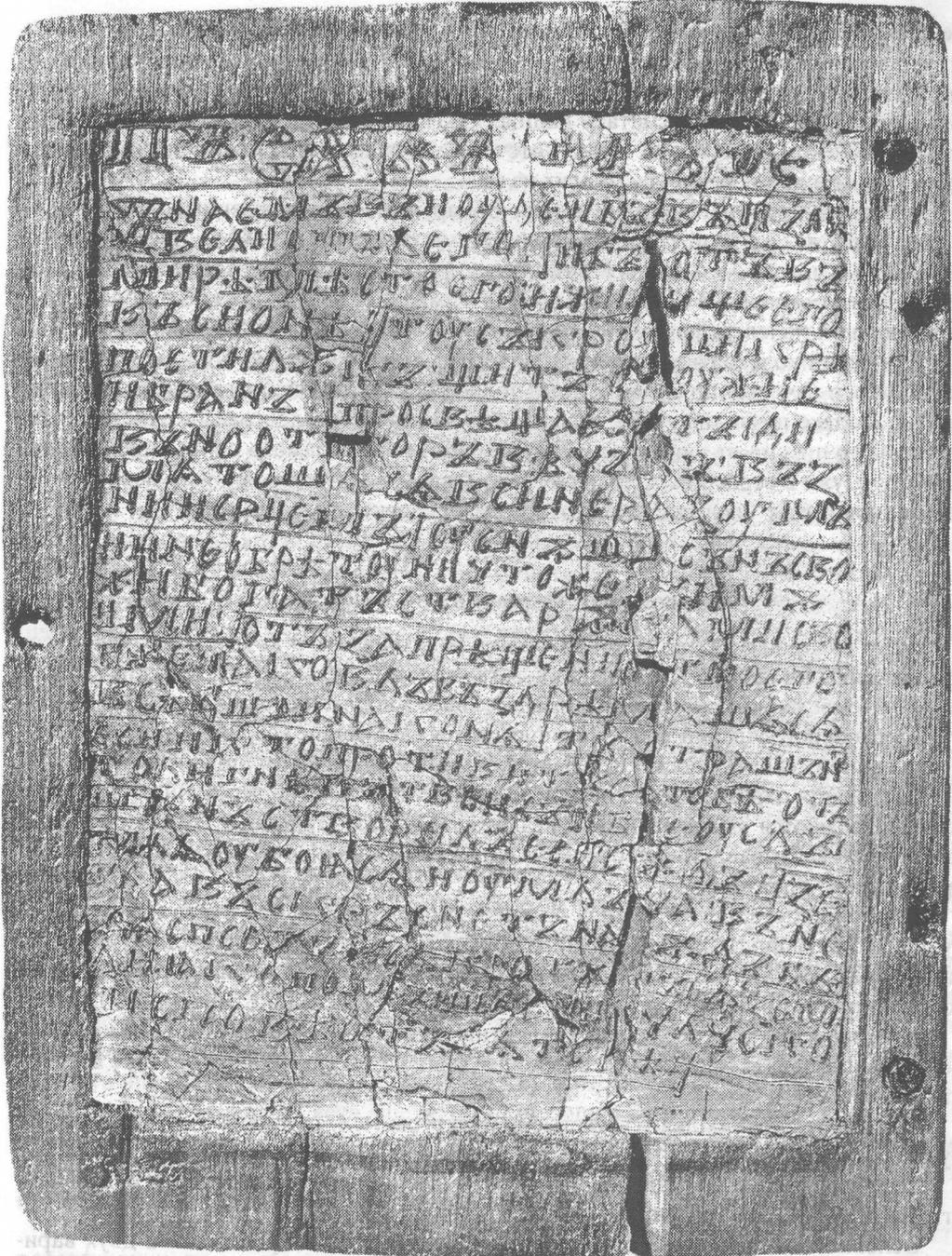
Тексты, процарапанные по дереву или отпечатавшиеся на деревянной подложке воска, передаются уменьшенным светлым славянским шрифтом. Этот шрифт уже сам по себе указывает, таким образом, на несколько меньшую степень надежности видимого прочтения.

Точка под буквой (для у, х и ц — над буквой) означает, что буква идентифицируется неоднозначно (из-за частичного обрыва или из-за общей плохой видимости); выбор предложенного прочтения (из двух или нескольких возможных) сделан с учетом контекста. Во многих работах (в частности, в публикациях берестяных грамот) в том же значении употребляются квадратные скобки. Но в данном случае мы предпочли использовать иной прием, в меньшей степени затрудняющий цельное восприятие текста.

В круглых скобках даются чистые конъектуры (т. е. полностью отсутствующие буквы).

Текст разграфлен ломаными линиями на секции, соответствующие отдельным стихам псалмов. Это графление ниже воспроизведено.

Основной текст на воске для большей наглядности воспроизведен в двух вариантах: без учета отпечатков на деревянной подложке воска и с их учетом. Первый вариант демонстрирует читателю именно то, что непосредственно видно на воске, т. е. самую надежную составную часть содержания кодекса. Второй вариант содержит, кроме того, дополнительную информацию, обладающую, однако, меньшей надежностью.

Новгородский кодекс. Основной текст на воске. Стр. 1.

В этом варианте воспроизведения текста чистых конъектур мы не даем: лакуны обозначены дефисами.

Некоторые буквы подчеркнуты. Это буквы, читаемые на изолированных фрагментах отскочившего от доски воска (величиной не более двух букв), не смыкающихся с основными массивами сохранившегося воска и поставленных при реставрации кодекса на определенное место доски уже с учетом смысла текста. Соответственно, они несколько менее надежны, чем буквы из основных массивов воска.

Комментарии по поводу особенностей написания отдельных букв см. при варианте Б.

Страница 1

- 1 ПЪ:СА:ЛЪ:МЪ : ѠЕ
- 2 Знаемъ въ иудеи БЪ : въ изли
- 3 велие има его : и бѣхъ въ
- 4 мирѣ мѣсто его : и жилище его
- 5 въ сионѣ : тоу съкроуши крѣ
- 6 пости лжкъ : щитъ ороужие
- 7 и бранъ : просвѣщаеси ты ди
- 8 вѣно отъ горъ вѣчѣнъ : вѣз
- 9 матоша са вси неразоумъ
- 10 нии срѣемъ : оуснжшд сънъ сво
- 11 и и не обрѣтоу ниуто же : вси мж
- 12 жи богатства ржками сво
- 13 ими : отъ запрѣщениа твоего
- 14 бже инаковъ въздрѣмаша са
- 15 всѣд'шои на кона : ты страшнѣ
- 16 еси и кто противитъ са тебѣ : отъ
- 17 толи гнѣвъ твои съ нѣ-е оуслы
- 18 шанъ створилъ еси сждъ : зѣ
- 19 мла оубоа са и оумлѣа : вѣне
- 20 гда възкрѣснетъ на сждъ бѣ :
- 21 да спсетъ вса кротъкъна зем
- 22 ли : како помышление ѡлѣско
- 23 исповѣстъ са тебѣ :

- 1 и отълѣкъ помышлениа оупраѣ
 2 знитъ са тебѣ оѣ-цаите са и въѣ
 3 здадите гви бж --шем-- вси сжѣ
 4 шиї окрстъ его при---жтѣ дары :
 5 страшъноумоу - отъѣ-лжцоуѣ
 6 моу дхѣи князем- страшъноумѣ
 7 оу пауче -рѣ з-мънѣх- _____
 8 пѣсѣ-ѣмѣ ѡ-
 9 Глас-мѣ м-и-- к- --- --зѣваѣ
 10 хѣ : гл--ѡ-ѣ м-им- -- --- и вънаѣ
 11 т ми : вѣ днѣ п-чѣли ---- бѣ вѣѣ
 12 зискахѣ : р-ка-а мои-а ношиж
 13 прѣдѣ нимѣ - н- п-----нѣ быхѣ : _____
 14 ѡврѣже са оу--ш-ти --- моя : поѣ
 15 манжхѣ бѣ и възв-----хѣ са : вѣѣ
 16 скрѣбѣхѣ изнем--- --- мои :
 17 вариста стражѣб- --- -ѡи : сѣѣ
 18 матохѣ са и не глахѣ : п-----лихѣ
 19 дни прѣвѣа : и лѣт- --у-наа поѣ
 20 манжхѣ и поучихѣ -ѣ ----ж срдѣ
 21 цемѣ моимѣ глжм---хѣ са : _____
 22 и клѣцааше дхѣ -ѡ-

- 1 ѣда вѣ вѣкѣ отъри---ѣ гѣ
 2 и не при--житѣ бл--ѡволиѣ
 3 ти пакѣи : ли до конѣца миѣ
 4 лостѣ своиѣ отъсѣчетѣ : сѣѣ
 5 конѣча глаголы отъ рода
 6 вѣ родѣ : ѣда забѣдетѣ поѣ
 7 миловати бѣ : ли оудрѣжитѣ
 8 вѣ гнѣвѣ -вои щедроты свои
 9 и рѣхѣ нѣнѣ научахѣ : си измѣѣ
 10 на десница въшнѣаго : помаѣ
 11 нжхѣ дѣла гнѣ : како пома^{нж} отъ заѣ
 12 чала ѡудеса твоа : и поучихѣ
 13 са вѣ в--ѣ-ѣ дѣлѣхѣ твоихѣ
 14 и вѣ науч-наниихѣ твоихѣ поѣ

15 ГЛОУМАЖ -А БЖЕ ВЪ СВѢТѢМЪ ПЪ
 16 ЖТЪ Т-ОИ КТО БЪ ВЕЛИИ ЮКО БЪ
 17 НАШЪ : ТЪ Е-И Б- ТВОРАИ ЧОУДЕЪ
 18 СА : СЪ----- ЕСИ -- ЛЮДЪХЪ СИ
 19 -Ж ---ИЖ ИЗБА---Ъ ЕСИ МЪШЪ
 20 ЦЕЖ ЛЮДИ ТВ-А --- -ЮКОВНА : ИФ
 21 СИФ-ВЪИ -ИД--- -А ВОДЪИ БЪ
 22 ВИДЪ-- -- -ОДЪИ - ----АША СА :

Страница 4

1 СЪМОУТИША СА --ЗДЪНЫ МНО
 2 ЖЪСТВА ШОУМА --ДЪ : ГЛАСЪ ДА
 3 ША ОБЛАЦИ ИБО СТРЕЛЪИ ТВОА ПРЪ
 4 ХОДАТЪ : ГЛАСЪ ГРОМА ТВОЕГО
 5 ВЪ КОЛЕСИ ОСВѢТИША МЛЪНИ
 6 А ТВОА ВЪСЕЛЕНЖИЖ : ПОДВИ
 7 ЖА СА И ТРЕПЕТЪНА БЪЖТЪ
 8 ЗЕМЛА : ВЪ -ОРИ ПЖТЪ ТВОИ :
 9 И СТЪЗА Т-ОЮ ВЪ ВОДАХЪ
 10 МНОГАХЪ - СТОП- ТВОЮ НЕ
 11 ПОЗНАЖТЪ -- -ЗВЕЛЪ Е
 12 СИ ЮК- ОБ-ЦА ЛЮД- ТВОЮ
 13 РЖКОЖ МОСЕОВОЖ И ДРА
 14 НЕЖ :

Нижестроки 14 — пустое пространство в 4–5 строк со следами затертого текста, после него следуют шесть строк прежнего текста (из псалма 67), оставшиеся незатертыми (их нумерация определяется составом прежнего заполнения данной страницы, первые 20 строк которого представляют собой “скрытый” текст).

*21 НАСАДАТЪ СА ВЪ ВЕСЕЛИИ : ПОИТЕ БЪУ
 *22 ВЪСПОИТЕ ИМНИ ЕГО : ПЖ-Ъ СЪТВОРИ
 *23 ТЕ ВЪШЪДЪШОУМОУ НА ЗА-АДЪИ :
 *24 ГЪ ИМА ЕМОУ И РАДОУИТЕ СА ПРЪДЪ НИМЪ
 *25 СЪМАТЖТЪ СА ОТЪ ЛИЦА ЕГО ОЦА СИ
 *26 РЪИХЪ И СЖДИА ВЪДОВИЦЪ :

Буквы, читаемые только на дереве, даны уменьшенным шрифтом. Если на воске поврежденная буква читается неоднозначно, но ее отпечаток на дереве восполняет недостающие элементы и дает однозначное чтение, то такая буква дается нормальным шрифтом, без каких-либо помет.

В данном варианте мы даем для лакун конъектуры (в круглых скобках) — во всех случаях, где выбор конъектуры с нашей точки зрения очевиден.

Выделение каких-либо букв с помощью подчеркивания в данном варианте не применяется.

В квадратных скобках указаны номера стихов по принятой ныне нумерации.

Страница 1

- 1 ПЪ:СА:ЛЪ:МЪ : ѠЄ
- 2 [2] Знаемъ въ иоудеи бѣ : въ изли
- 3 велие има его : [3] и бѣсть въ
- 4 мирѣ мѣсто его : и жилище его
- 5 въ сионѣ : [4] тоу съкроуши крѣ
- 6 пости лжкѣ : щитѣ оружие
- 7 и бранѣ : [5] просвѣщаси ты ди
- 8 вѣно отъ горѣ вѣчнѣ : [6] вѣз
- 9 матоша са вси неразоумѣ
- 10 нии срѣемъ : оуснѣша¹ сѣнѣ сво
- 11 и и не обрѣтоу ниуто же : вси мѣ
- 12 жи богатѣства рѣками сво
- 13 ими : [7] отъ запрѣщениа твоего
- 14 бже иаковлѣ въздрѣмаша са
- 15 всѣд²шои² на кона : [8] ты страшнѣ
- 16 еси и кто противитѣ са тебѣ : отъ
- 17 толи гнѣвѣ твои [9] съ нѣсе оуслы
- 18 шанѣ³ створилѣ еси сѣдѣ : зѣ
- 19 мла оубою са и оумлѣча : [10] вѣне
- 20 гда възкрѣснетѣ на сѣдѣ бѣ :
- 21 да спсѣтъ вса кротѣкыа зем
- 22 ли : [11] яко помышление члѣско
- 23 исповѣсть са тебѣ :

¹ От последней буквы на воске сохранилась только верхняя часть; она такая же, как у а (не как у Ѡ).

² Буква Ѡ, возможно, переправлена из полузатертого и.

³ Буква после ш ненадежна; возможно, это а, переправленное из Ѡ.

- 1 и отълѣкъ помышления оупра
- 2 знить са тебѣ : [12] обѣщайте са и въ
- 3 здадите гви бж нашему : вси сж
- 4 ший окрстъ его принесжтъ дары :
- 5 [13] страшъноумоу и отъемлжцоу
- 6 моу дхъ княземъ : страшъноум
- 7 оу пауче црв земныхъ :
- 8 ПЪСАЛЪМЪ ДС
- 9 [2] Гласомъ моимъ къ Г-- възъва
- 10 хъ : гласомъ моимъ къ боу и въна
- 11 т ми : [3] въ днѣ печали моеа ба въ
- 12 зискахъ : ржкама моима ношиж
- 13 прѣдъ нимъ и не прѣвѣщенъ быхъ :
- 14 ѿврже са оутѣшити дша моя : [4] по
- 15 манжхъ ба и възвеселихъ са : въ
- 16 скръбѣхъ изнеможе дхъ мой : ⁴
- 17 [5] вариста стражъбы очи мои : съ
- 18 матохъ са и не глахъ : [6] помыслихъ
- 19 дни прѣвна : и лѣта възънама по
- 20 манжхъ и поучихъ са : [7] ношиж срд
- 21 цемъ моимъ глжмладохъ са :
- 22 и клъцааше дхъ мой :

- 1 [8] еда въ вѣкъ отъринетъ гв
- 2 и не приложитъ бл(а)говолн
- 3 ти пакы : [9] ли до конъца ми
- 4 лостъ своиж отъсѣуетъ : съ
- 5 конъча глаголы отъ рода
- 6 въ родъ : [10] еда забждетъ по
- 7 миловати бѣ : ли оудрѣжитъ
- 8 въ гнѣвъ свои щедроты своа
- 9 [11] и рѣхъ нзинѣ научхъ : си измѣ
- 10 на десница⁵ възшннго : [12] пома
- 11 нжхъ дѣла гнѣ : яко пома^{ниж} отъ за
- 12 уала чоудеса твоа : [13] и поучихъ

⁴ Двоегочие стоит поверх затертого ба (в котором буква а втиснута с трудом).

⁵ Вместо с писец вначале написал е, а затем исправил ошибку, слегка подтерев язычок.

13 СА ВЪ ВЪСѢХЪ ДѢЛѢХЪ ТВОИХЪ
 14 И ВЪ НАУЧИНАНИИХЪ ТВОИХЪ ПОѢ
 15 ГЛОУМАЖ СА : [14] БЖЕ ВЪ СВѢТѢМЪ ПѢ⁶
 16 ЖТЪ ТВОИ : КТО БѢ ВЕЛИИ ЯКО БѢ
 17 НАШЪ : [15] ТЪ ЕСИ БѢ ТВОРАИ ЧОУДЕѢ
 18 СА : СЪКАЗАЛЪ ЕСИ ВЪ ЛЮДЪХЪ СИѢ
 19 ЛЖ (ТВОИ)Ж : [16] ИЗБАВИЛЪ ЕСИ МЫШЪѢ
 20 ЦЕИЖ ЛЮДИ ТВОА : СНЪИ ИАКОВИА : ИОѢ
 21 СИФОВЪИ : [17] ВИДѢША ТА ВОДЪИ БѢ
 22 ВИДѢША ТА ВОДЪИ И ОУБОАША СА :

Страница 4

1 СЪМОУТИША СА БЕЗДЪНИИ [18] МНОѢ
 2 ЖЪСТВА ШОУМА ВОДЪ : ГЛАСЪ ДАѢ
 3 ША ОБЛАЦИ ИЕО СТРЕЛЪИ ТВОА ПРѢѢ
 4 ХОДАТЪ : [19] ГЛАСЪ ГРОМА ТВОЕГО
 5 ВЪ КОЛЕСИ : ОСВѢТИША МЛЪНИИѢ
 6 А ТВОА ВЪСЕЛЕНЖИЖ : ПОДВИѢ
 7 ЖА СА И ТРЕПЕТЪНА БЪИСТЪ
 8 ЗЕМЛА : [20] ВЪ МОРИ ПЖТЪ ТВОИ :
 9 И СТЪЗА ТВОА ВЪ ВОДАХЪ
 10 МНОГАХЪ И СТОПЪИ ТВОА НЕ
 11 ПОЗНАИЖТЪ СА : [21] ИЗВЕЛЪ ЕѢ
 12 СИ ЯКО ОБЪЦА ЛЮДИ ТВОА
 13 РЖКОИЖ МОСЕОВОИЖ И АРАѢ
 14 НЕИЖ :

Незатертый конец прежнего текста (из псалма 67):

*21 НАСЛАДАТЪ СА ВЪ ВЕСЕЛИИ : [5] ПОИТЕ БѢОУ
 *22 ВЪСПОИТЕ ИМНИ ЕГО : ПЖТЪ СЪТВОРИѢ
 *23 ТЕ ВЪШЪДЪШОУМОУ НА ЗАПАДЪИ :
 *24 ГЪ ИМА ЕМОУ И РАДОУИТЕ СА ПРѢДЪ НИМЪ
 *25 [6] СЪМАТЖТЪ СА ОТЪ ЛИЦА ЕГО ОЦА СИѢ
 *26 РЪИХЪ И СЪЖДИА ВЪДОВИЦЪ :

⁶ После п, по-видимому, затерт ж (который плохо уместился).

Совокупность псалмов, содержащихся в Новгородском кодексе (как в основном его тексте, так и в числе “скрытых” текстов), мы будем называть Новгородской псалтырью.

Интересные результаты сулит текстологическое сравнение Новгородской псалтыри с другими древнейшими, а также и более поздними псалтырями. Для полного осуществления этой работы потребуется длительное время, но уже сейчас можно сказать, что, во-первых, текст Новгородской псалтыри не совпадает полностью ни с одной из других известных псалтырей, во-вторых, в нем в большинстве случаев выступают варианты, свойственные самым древним спискам псалтыри, в-третьих, в целом ряде пунктов в нем обнаруживаются такие варианты, которые характерны для псалтырей, писанных именно на Руси (как древнейших, так и более поздних).

Здесь мы коротко рассмотрим только данные основного текста кодекса. Ниже дана сводка важнейших разночтений лексического и синтаксического характера между основным текстом Новгородской псалтыри и девятью другими известными псалтырями:

Син. — Синайская псалтырь (ст.-слав., XI в.);

Бол. — Болонская псалтырь (болгарского происхождения, XIII в.);

Бычк. — Бычковская псалтырь (точнее, Бычковско-Альтбауэровско-Лантовская, русского происхождения, с некоторыми следами цоканья, XI в.);

Чуд. — Чудовская псалтырь (русского происхождения, XI в.);

Симон. — Симоновская псалтырь (русского происхождения, с отражением цоканья, до 1280 г.);

Нор. — Норовская псалтырь (болгарского происхождения, XIV в.);

Киев. — Киевская псалтырь (русского происхождения, 1397 г.);

Генн. — псалтырь из Геннадиевской библии (Новгород, 1499 г.);

Синод. — псалтырь из так наз. Синодальной библии (XVIII в.).

Разночтения, состоящие в том, что одна из этих псалтырей (или две поздних) отклоняются от единого показания всех остальных, не приводятся. Мы позволили себе также некоторые мелкие упрощения, не влияющие на общую картину.

Единицы текста приводятся в нормализованном старославянском виде. Плюс означает чтение, совпадающее с Новгородской псалтырью, минус — не совпадающее (если таких чтений два или три, то второе и третье из них символизируются в таблице знаком минус с пометой 2 и 3). Совпадение понимается в текстологическом смысле, т. е. возможное фонетическое и морфологическое варьирование не принимается во внимание.

Разночтения приводятся не в порядке их появления в тексте, а по типам соотношения между разными списками. В начальный раздел сводки помещены строки с минимальным числом плюсов (т. е. такие, где чтение Новгородской псалтыри является редким). Второй ее раздел составляют строки с плюсами в более древних списках и минусами в позднейших, третий раздел — остальные строки.

Заметим, что из двух чтений, которые не представлены ни в одной из привлеченных для сравнения девяти псалтырей, чтение *ИЗНЕМОЖЕ* 76.4 все же обнаружено в еще одной псалтыри, а именно, в составе библии Франциска Скорины (где стоит и *ИЗНЕМОЖЕ*).

Как видно из сводки, наибольшее количество показательных текстологических схождений основной текст Новгородской псалтыри имеет с Бычковской и Чудовской псалтырями. Там, где разночтения разделяют ранние и поздние списки псалтырей, Новгородская псалтырь за одним исключением (*НИЧ(Ь)ТО ЖЕ* 75.6) всегда совпадает с ранними списками.

Сводка разночтений

	Чтения Новгородской псалтыри	Разночтения	Син.	Бол.	Бычк.	Чуд.	Симон.	Нор.	Киев.	Генн.	Синод.
75.3	ОУТѢШИТИ	ОУТѢШИТИ СЯ ОУТѢШЕНИИ	-	-	-	-2	-	-	-	-	-
76.4	ИЗНЕМОЖЕ	И ПРѢНЕМОЖЕ И НЕ ПРѢМОЖЕ И МАЛОДОУШЬСТВОВА	-2	-	-	-2	-	-3	-	-	-3
76.9	ГЛАГОЛЪ	ГЛАГОЛЪ	-	-	+	-	-	-	-	-	-
76.13	ПООУЧИХЪ СЯ	ПООУЧИХ СЯ ПОГЛОУМЛѢХ СЯ	-	-	+	-	-	-2	-	-	-
76.17	МЪНОЖЬСТВА	МЪНОЖЬСТВОМЪ МЪНОЖЬСТВО	-2	-	+	-2	-	-	-	-	-2
76.16	МЪШЬЦЕИ	МЪШЬЦЕИ СВОЕИ	-	-	-	-	+	-	-	-	-
75.6	СЪНЪ СВОИ	СЪНЪМЪ СВОИМЪ	-	-	-	+	-	-	+	-	-
75.12	ОБѢЩАНТЕ СЯ	ПОМОЛИТЕ СЯ	-	+	-	+	-	-	-	-	-
76.10	ВЪ ГНѢВЪ СВОИ	ВЪ ГНѢВѢ СВОЕМЪ	+	+	-	-	-	-	-	-	-
75.11	ОТЪЛѢКЪ	ОСТАНЪКЪ	+	+	-	+	-	-	-	-	-
75.11	ОУПРАЗНИТИ СЯ	ПРАЗНУЕТЪ ПРАЗНЬСТВИТИ	+	+	-2	+	-2	-	-	-	-
76.8	ВЪ ВѢКЪ	ВЪ ВѢКЪ	+	+	+	+	-	-	-	-	-
75.10	ДА СЪПАСЕТЪ	СЪПАСТИ ДА ОУПАСЕТЪ	-2	+	+	+	+	-	-	-	-
76.5	ВАРИТЕ, -ТА	ПРѢДЪВАРИТЕ, -ТА	+	+	+	+	+	-	-	-	-
76.10	ПОММОЛАТИ	ОУЩЕДРИТИ	+	+	+	+	+	-	-	-	-
76.20	ПЖТЪ ТВОИ	ПЖТИЕ ТВОИ	+	+	+	+	+	-	-	-	-
67.5	ПОИТЕ БОГОУ ВЪС- ПОИТЕ ИМЕНИ ЕГО	ВЪСПОИТЕ БОГОУ ПОИ- ТЕ ИМЕНИ ЕГО	+	+	+	+	+	-	-	-	-
75.2	ЗНАЕМЪ	ВѢДОМЪ	+	+	+	+	+	+	-	-	-
75.8	ПРОТИВИТИ СЯ	ПРОТИВОСТАНЕТИ	+	+	+	+	+	+	-	-	-
75.9	ОУСАШАНЪ	САШАНЪ	+	+	+	+	+	+	-	-	-
75.6	ВЪЗМАТОША СЯ	ВЪЗМЖИША СЯ СЪМАТОША СЯ СЪМЖИША СЯ	+	+	+	+	+	+	-	-3	-2
75.10	ВЪСКРЪСНЕТИ	ВЪСТАТИ	+	+	+	+	+	-	+	-	-
76.21	ИЗВЕЛЪ	НАСТАВИЛЪ	+	+	+	+	+	-	+	-	-
67.5	ИМА ЕМОУ	ИМА ЕГО	+	+	+	+	+	-	-	-	+
76.7	КЛѢЦАШЕ	ВЪЗДЪХАШЕ ТЪЖАШЕ	+	+	+	-	+	+	+	-2	-2
75.2	ВЕЛМЕ	ВЕЛМО	+	+	-	+	-	-	+	+	+
75.4	КРѢПОСТИ	КРѢПОСТЬ КРѢПОСТИИ	-	+	-2	-	-2	+	+	+	+
76.12	ОТЪ ЗАЧАЛА	ОТЪ НАЧАЛА ОТЪ НАЧАТЪКА	+	-	+	-2	+	-	+	+	-
76.12	ЧЮДЕСА ТВОЯ	ЧЮДЕСЪ ТВОИХЪ	+	-	+	+	+	-	+	-	+
75.11	ЧЛОВѢЧЬСКО	ЧЛОВѢЧЕ ЧЛОВѢКА	-	-	+	+	+	+	-2	+	+
75.6	НИЧЬТО ЖЕ	НИЧЬСО ЖЕ, -ЧЕС-	-	-	-	-	+	+	+	-	+

Текст на воске сохранился в Новгородской псалтыри столь превосходно, что его чтение не составляет особого труда. Но некоторые фрагменты растрескавшегося воска утрачены, и пришлось искать способы как-то восполнить образовавшиеся по этой причине лакуны. В ходе дополнительного обследования памятника удалось установить, что, помимо хорошо видимого текста на воске, кодекс содержит также некоторые следы других текстов — правда, столь слабые, что в течение первых недель работы над памятником они вообще не были замечены. Все эти тексты написаны тем же почерком, что и основной текст на воске.

Выше уже говорилось о том, что на воске кое-где различимы некоторые следы затертого прежнего текста. Сверх этого выяснилось, что имеются следы надписей, процарапанных на верхних и нижних частях деревянных рамок, которые служат как бы полями для восковых табличек, а также на деревянных “обложках” кодекса. Правда, дерево здесь очень сильно истерто, так что от букв сохранились лишь едва различимые штрихи.

Обнаруженные надписи оказались изречениями о благотворности чтения псалтыри (позднее к ним добавились еще различные заголовки, азбука, числовой ряд).

Дальнейший важный шаг в исследовании памятника состоял в том, что были обнаружены слабые отпечатки букв на деревянной подложке восковых табличек: давление от писала, врезающегося в слой воска нередко на почти всю его глубину, создавало в мягком дереве вмятины; в некоторых случаях оставались даже легкие царапины. Но выявление этих отпечатков еще сложнее, чем чтение истершихся надписей на дереве. Помимо трудности, связанной с тем, что сами отпечатки едва заметны, здесь встает еще более сложная проблема разделения разных записей, нажившихся друг на друга.

Эти трудности настолько велики, что достигнуть надежного прочтения всех прежних записей кодекса, по-видимому, невозможно. Однако, как показывают те тексты, которые уже удалось в той или иной мере восстановить, ситуация всё же отнюдь не столь безнадежна, чтобы нам оставалось лишь вообще отказаться от попыток восстановления прежних текстов кодекса.

Крайне трудоемкая и чрезвычайно медленная работа по распознаванию отпечатков букв на дереве и распутыванию отпечатков, принадлежащих разным слоям записи, уже дала первые важные результаты. Прежде всего, удалось восполнить большинство лакун в основном тексте кодекса, возникших из-за утраты кусочков воска. Таким способом был получен приведенный выше вариант Б основного текста.

Далее, внизу каждой страницы кодекса, ниже текста псалмов, обнаружили следы следующей формулы: поитѣ поитѣ по Ё раза славитѣ Ёа. По правдоподобному предположению А. А. Турилова, это не что иное, как древний вариант перевода той же ритуальной формулы, которая в каноническом дониконовском богослужении имеет вид “Аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, Боже”. Если это так, то перед нами уникальное свидетельство того, что на древнейшем этапе истории русской церкви еще могли сосуществовать варианты перевода даже основных ритуальных формул.

Важную особенность найденной формулы составляет то, что в ней выступает слово **раза**. Дело в том, что это древнерусское слово отсутствует в старославянском (равно как и в современных южнославянских языках). По-старославянски было бы сказано **дѣвашѣдѣ**, но никак не **дѣва раза**. Это значит, что использованная в кодексе формула возникла на русской почве.

Удалось восстановить также по крайней мере некоторые части тех псалмов, которые были записаны в кодексе прежде его нынешнего текста. В ходе этой работы постепенно выяснилось чрезвычайно существенное новое обстоятельство — что писец заполнял восковые страницы текстом не два раза, как представлялось на более раннем этапе исследования, а гораздо больше. Было установлено, в частности, что среди прежних текстов кодекса имелись и псалмы из других частей псалтыри, в том числе из самого ее начала.

Изучение “скрытых” текстов велось вначале по подлиннику, затем по фотографиям. Но, как было установлено позднее, наиболее эффективно их изучение по высокоточным сканировкам фотографий, выведенным на монитор компьютера. Таким способом оказалось возможным выявить целый ряд записей, совершенно неразличимых в подлиннике и на фотографиях.

В ходе многомесячной работы обнаружены следы нескольких различных непсалтырных текстов, которые писец когда-то записывал на тех же самых восковых табличках. Некоторые из них, более краткие, были записаны на этих страницах целиком, от других на эти страницы попал только какой-то фрагмент. Самые важные из этих находок — во-первых, четыре донные неизвестных сочинения апокрифического характера, которые, по-видимому, образуют единый цикл, повествующий о движении людей от закона Моисеева к закону Иисуса Христа; во-вторых, начало Апокалипсиса Иоанна Богослова (самый ранний известный донный список Апокалипсиса относится ко 2 пол. XIII в.); в-третьих, начало донного неизвестного славянского перевода трактата Иоанна Златоуста “О девстве”.

Работа по восстановлению всех этих текстов пока еще несомненно ближе к началу, чем к концу. В настоящей статье мы вынуждены ограничиться лишь простым сообщением об этой работе.

При этом, однако, для первоначального ознакомления читателей с общим характером “скрытых” текстов мы сочли возможным дать предварительную (не исключающую некоторой корректировки в ходе дальнейшей работы) публикацию четырех кратких текстов из числа восстановленных несколько более надежно, чем прочие. Это три надписи афористического характера, записанные на полях, и заключительное сочинение указанного выше цикла (среди заголовков, процарапанных на передней обложке кодекса, ему соответствует заголовок Законъ Исоуса Х҃҃а).

Необходимо только специально предупредить читателя, что в силу описанных выше особых трудностей приводимые тексты нельзя рассматривать как прочтенные в том же смысле, как читаются обычные рукописи. Это результат не прямого прочтения, а именно реконструкции; и как всякая реконструкция, она не может быть столь же достоверной, как прямое прочтение, — в ней возможны те или иные погрешности против оригинала.

Приводимые тексты и в особенности последний представляют исключительный филологический интерес. Они несомненно привлекут внимание специалистов и со временем получают обширные комментарии. Здесь мы приводим их почти без комментариев.

Отметим, что приводимые изречения о псалтыри явно не сочинены писцом, а списаны с некоторого образца. Фраза ‘странничкам недвижимое море’ с очевидностью выдает византийское происхождение текста: только в морской стране быть странником означает постоянно участвовать в переездах по морю. Но прямых аналогов этих изречений пока еще ни в славянских, ни в византийских источниках не отыскано.

О “Законе Иисуса Христа” заметим, что вопрос о том, кто именно говорит от первого лица во фразе ‘я наставлен во спасение наставлением неземных словес’, допускает несколько разных ответов. Судя по дальнейшему тексту, перед нами скорее всего слова, которые должен повторить за проповедником новообращенный; в этом случае принципиальная структура текста оказывается такой же, как в Символе веры (молитве “Верую”) и в присягах. Заключительная часть текста — это торжественное заявление об отказе от идолослужения и преданности учению Христа, по видимому, вкладываемое в уста новообращенному язычнику. В самом деле, фразы, построенные в первом лице множественного числа (работаемъ и т. д.), могли бы исходить и от проповедника, обращающегося к своим слушателям; но единственное число в сътъжжжъ си (здесь: ‘отвращаюсь’) показывает, что перед нами слова, которые должен произнести новообращенный.

Сочинение очевидным образом носит апокрифический характер. Но среди апокрифов, сохранившихся в славянских или в византийских источниках, до настоящего момента данного текста в его целостном виде не обнаружено. Можно констатировать лишь сходство отдельных мотивов.

Способ подачи текстов — несколько упрощенный. Так, не обозначены (за исключением некоторых особых случаев) разные степени надежности в реконструкции отдельных букв. Опущены также указания о точном местоположении приводимых записей в кодексе и различные комментарии технического характера, которые потребуются при будущей полноценной публикации. При воспроизведении текста знак] показывает способ разграфления текста на секции, а именно, соответствует границе между секциями.

Из надписей на полях

снѣ кънигы пѣсалътъръ
сиротамъ и вѣдовцамъ оутѣшение миръное
страницищемъ недвижное море
равнищемъ несѣдимое начинание

бе чиноу слоужьбы и часовъ же
въсѣхъ безъ отъпѣваннѣ доушъ
безъ отъ себе прогънаниѣ въсѣхъ люди
безъ отължчениѣ алъчжщихъ знаниѣ

пѣсалътъръ помощьница на къзънънъ
свѣтлоє въскръсєннє нѣоу хѣоу и отъ
поущеннє грѣховъ отъхожденнє отъ ада

- 1 законъ да познаеши крѣстианъскаго накаѣ
- 2 занага ꙗ азъ есмъ наказанъ въ спсєние
- 3 наказомъ неземныхъ словесъ ꙗ снѣ словеса ꙗ
- 4 азъ есмъ тайна несказанънага ꙗ
- 5 азъ есмъ истина и законъ и пророци ꙗ
- 6 азъ есмъ истина и пѣтъ и стѣза ꙗ
- 7 азъ есмъ законъ и пророци и таже си хъ ꙗ
- 8 азъ есмъ истина и законъ и пророци ꙗ
- 9 азъ есмъ истина спасєнага и отърадна ꙗ
- 10 азъ есмъ сѣпрѣгъ избѣранъи и любѣзънъ ꙗ
- 11 азъ есмъ двѣръ и истина и пѣтъ и стѣза ꙗ
- 12 азъ есмъ тишина дша ꙗ азъ есмъ пристанъ ꙗ
- 13 азъ есмъ сѣпрѣгъ избѣранъи и любѣзънъ ꙗ
- 14 азъ есмъ тайна несказанънага ꙗ
- 15 азъ есмъ истина и законъ и пророци ꙗ
- 16 азъ есмъ истина и тайна несказаннага ꙗ
- 17 азъ есмъ истина и тайна и законъ и пророци ꙗ
- 18 азъ есмъ истина и законъ и пророци ꙗ
- 19 азъ есмъ истина и законъ и пророци ꙗ
- 20 азъ есмъ тайна несказанънага ꙗ
- 21 азъ есмъ истина и законъ и пророци ꙗ
- 22 азъ есмъ истина и законъ и пророци ꙗ
- 23 азъ есмъ истина и законъ и пророци ꙗ
- 24 азъ есмъ истина и законъ и пророци ꙗ
- 25 снѣ словеса нѣса хѣса ꙗ сємоу работаннѣ
- 26 а не идолъскоумоу слоужєннѣ ꙗ идолъскыѣ
- 27 лѣсти сътѣжѣѣ си ꙗ не избєрѣмъ поути погыбѣѣ
- 28 ли ꙗ възсѣхъ люди избавитєля нѣса хѣса
- 29 въ възсѣхъ людѣхъ възпримѣшаго правѣѣ
- 30 дѣ ꙗ идолъскыѣ лѣстѣ развѣвѣшаго ꙗ и на земѣ
- 31 ли свѣтоє своє има оукрѣпѣвѣшаго ꙗ достоинни бѣѣ
- 32 дѣмъ ꙗ

Итак, Новгородский кодекс — это самая древняя из дошедших до нас книг древней Руси, самая ранняя из удовлетворительно датированных славянских книг. Это уникальный по структуре документ, ценность которого сопоставима только с трудностью его изучения. Новооткрытый памятник несомненно займет почетное место в истории русской письменности и культуры и привлечет к себе пристальное внимание со стороны специалистов многих наук — историков, археологов, лингвистов, литературоведов, текстологов, палеографов.

- Бол. — Болонски псалтир. Български книжовен паметник от XIII век. Фототипно издание с увод и бележки от Иван Дуйчев. София, 1968.
- Бычк. — Saint Catherine's Monastery, Mount Sinai. An Early Slavonic Psalter from Rus'. Vol. One: Photoreproduction. Edited by Moshé Altbauer. With the collaboration of Horace G. Lunt. Cambridge, Mass. 1978.
- Генн. — Specimina philologiae slavicae. Herausgegeben von Olexa Horbatsch und Gerd Freidhof. Bd 5. Auszüge aus der Gennadius-Bibel (1499). № 1: Der Psalter. In Faksimile herausgegeben von Gerd Freidhof. Frankfurt am Main 1974.
- Киев. — Киевская Псалтирь 1397 года из Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде [ОЛДП F6]. М., 1978.
- Нор. — Норовская псалтырь. Среднеболгарская рукопись XIV века. В двух частях. София, 1989.
- Рыбина 1994 — *Е. А. Рыбина*. Церы из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. Вып. 8. Новгород, 1994.
- Симон. — Древнеславянская псалтирь Симоновская до 1280 г. Труд архимандрита Амфилохия. 2-е изд. Т. 1. М., 1880.
- Син. — Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI в. Пг., 1922.
- Синод. — Библия сиречь книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1914.
- Чуд. — В. Погорелов. Псалтырь XI века. Отрывок толкования Феодорита Киррского на Псалтырь в древнеболгарском переводе. СПб., 1910.
- Янин 2000 — *В. Л. Янин*. У истоков новгородской государственности // Вестник РАН, 2000. Т. 70, № 9. С. 675–681.
- Янин, Зализняк 1999 — *В. Л. Янин, А. А. Зализняк*. Новгородские берестяные грамоты из раскопок 1998 года // Вестник РАН, 1999. Т. 69, № 7. С. 594–600.

Археологические исследования в Новгороде проводились при финансовой поддержке РФНФ (проект № 00-01-18026е).

© 2001 г. М.Н. БОГОЛЮБОВ

ИРАНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

(К выходу в свет Этимологического словаря иранских языков
В.С. Расторгуевой, Д.И. Эдельман. Т. 1. М. 2000. 327 с., *1а- – *2āž-)

Историко-этимологический словарь осетинского языка – блистательный результат десятилетий непрерывного лингвистического поиска и неутомимого труда прославленного языковеда, перешагнувшего на жизненном пути через заветные 100 лет. В.И. Абаев радовался бы – иранское языкознание в последнее время интенсивно пополняется этимологическими словарями.

Вышел в свет Этимологический словарь ваханского языка И.М. Стеблин-Каменского [Ст.-К. ЭСВЯ], с исчерпывающей полнотой представляющий лексику и формы живого языка Памира в историко-лингвистическом и в историко-культурном освещении. Издан первый том Этимологического словаря иранских языков В.С. Расторгуевой и Д.И. Эдельман [Раст., Эд. ЭСИЯ]. С его публикацией впервые широкой аудитории языковедов становится доступным общеиранский этимологический словарь, построенный по типу словарей языков индоевропейской семьи.

В статье Словаря, озаглавленной древнеиранскими глагольными корнями и именными основами, введена обширная, подчиненная заглавным лексемам, производная лексика из многочисленных иранских языков древних периодов и современности, языков литературных и бесписьменных. За первым томом последуют второй, третий, четвертый. Пожелаем В.С. Расторгуевой и Д.И. Эдельман продолжения успешно начатого дела. По мере обращения к Словарю, естественно, будут появляться разного рода дополнения. Вот и я приведу здесь несколько таких дополнений к нескольким указанным местам Словаря из разных иранских языков.

***abda-** (с. 72). В индо-иранском словарном фонде авест. *abda-* "удивительный" не стоит обособленно. Г. Бейли, по словам И. Гершевича [Gersh. Amber: 181], указал на родство авест. *abda-* с вед. *ádbhuta-* (*á-dbhuta-*) "удивительный"; "чудо" в связи с глаголом др.-инд. *dabh-* (pres. *dabhñóti*, pp. *dabdhá*), авест. *dab-* "вредить"; "обманывать". Вед. *ádbhuta-* буквально значит: "которому нельзя навредить, невредимый"; "которого не обмануть, не допускающий обмана". Вед. *ádābhya-* "тот, кого нельзя обмануть", авест. *adaoiia-* (**adabya-*) "неуязвимый": *adaoiīō ahi adaoiīō.xratuš adaoiīō.vispō.vīdnuā Yt 12, 1* – "ты неуязвим, с неуязвимым разумом, неуязвимый и всезнающий". Вед. *ádbhuta-*, будучи эпитетом богов и божественных существ, объединяет значения "неприступный, невредимый"; "божественный; замечательный, удивительный, чудесный"; "чудо".

В отличие от вед. *ádbhuta-*, причастия долженствования, в авест. *abda-* запечатлелось причастие прошедшего времени (ср.: вед. *ádabdha-* "невредимый, неуязвимый"). Форме **a-dbda-* (по Бейли авест. *abda-* < **a-dbda-* [Gersh. Amber: 181]) предпочтем форму **á-dabda-*, которая претерпела регулярное наложение слогов: **ádabda-* > **á(da)bdā-* > *abda-*.

Авест. *abda-* "удивительный" представлено не двумя [Barth. AiW: 96], а тремя примерами [Salemann. ManSt, I: 42: *ʔbduyn* "wunderbar"] – *l.dāmaṃ dāḍaṭ ahurō mazdā*

pouruca vouuca pouruca sīrāca pouruca **abdaca** pouruca frašaca pouruca bāmīiāca Yt. 19. 10 – "Творит творения Ахура Мазда, И обильные, и хороши. И обильные, и красивые. И обильные, и удивительные. И обильные, и изумляющие. И обильные, и сияющие". 2. **abdaca** īda yima aṇuhe astuuaitē sadaiiāt yaṭ īda pasēuš anumaiiehe raḍēm vaēnāite

V. 2. 24 – "и удивительным здесь, о Йима, телесному миру покажется, если завиднеется здесь след блеющего животного". 3. *uta.hē vaṇta azāni saṅhāvāca arənavāca yōi hən kəhṛa sraēšta zazāitē gaēṭhiāi tē yōi **abdōtəme*** Yt. 5. 34 – "И у него обеих жен я похищу, и Санхавак, и Арнавак. Обе прекрасные телом будут рождать, в домоводстве обе (будут) удивительнейшими."

Др.-иран. *abda-* встречается и вне авестийских текстов. Сокращенная форма на *-ya* иранского личного имени, в первой части которого находится *abda-*, представлена аккадским *ab-di-ya* [Hinz. ASN: 1] **Abdiya*^h, ср. др.-перс. *Brdiya*^h. С *abda-* образовано имя парфянина *Abdagaeses* [Justi. IrNb, I] **Abda-gaisa-* "С чудесными локонами".

Из живых западноиранских языков, по-видимому, только в талышском удержалось древнее *abda-* в прилагательном *avdjmón, ovdjmón* "удивленный, изумленный". Суффикс *-jmon* при основе *avd-, ovd-* сопоставим с исходом курдских *e'cēbmayīman, me'tēlmayīman, zendegirtīman* "удивленный, изумленный" (из *e'cēbmayī man, me'tēlmayī man, zendegirtī man* "удивляться, изумляться"). Талышские *avdjmón, ovdjmón* "удивленный, изумленный" привел Б.В. Миллер [Миллер. ТТ, 170, № XL; 180, № LXII]:

avdjmónim ba Xado kārda kōn "изумлен я сотворенными Богом делами" [№ XL].

avdjmónim, Xodo, az bašti koilion "Боже, я изумлен Твоими делами" [№ LXII].

В.И. Абаев для осет. *ævdadz*, образующего словосочетание *ævdadzy xos | ævdadzi xwasæ* 'магическое, быстро исцеляющее лекарство', предложил в качестве исходной формы две следующие: "1. *ævdadz* – старое, вышедшее из употребления числительное 'семьдесят' (др.-иран. **haptāti*, см. *ævdaj*), которому приписывалось магическое значение; 2. *ævdadz* находится в связи с ав. *abda-*, пехл. *awd* 'чудесный', 'удивительный'" [Аб. ИЭСОЯ, I: 195]. Вторую этимологию можно предпочесть первой. Авест. *abda-* является частью сохранившегося в эламской передаче личного имени *ab-da-ad-da*, др.-иран. **abdāta-*. И. Гершевич [Gersh. Amber: 181] видит в **abdāta-* регулярное двухсоставное имя с гаплогогией **ab(da)dāta-* "удивительно, чудесно созданный". Осет. *ævdadz | ævdadz* возведем к глаголу др.-иран. **abda- dā-* "творить удивительное, творить чудесное, творить чудо, исцелять (о лекарстве)". В форме *ævdadz* отразилось отвлеченное имя **ab(da)dāti-* "чудодействие". Осет. *ævdadzy xos | ævdadzi xwasæ* – "чудодействия (род. п.) лекарство, чудодейственное лекарство".

**adi*; **ā-* (с. 83, 301). Нельзя исключить, что др.-иран. *adi*, наречие-предлог, употреблялся сходно с др.-инд. *ādhi* "наверху, сверху"; "над, на", в композитах приобретал значение прилагательного, ср.: др.-инд. *adhi-deva-* "верховное божество", *adhi-sēnāpati-* "главный военачальник, главнокомандующий", *adhi-pati-* "господин", "Oberherr", получал удлинение первого гласного, ср.: вед. *ādhipatya-* "Oberherrlichkeit". Так могли появиться др.-иран. **adi-ayan-* "большой день" и **ādyayana(ka)-* "празднество, праздник". К **ādyayana(ka)-* возведем согд.-ман. ʾdyng, хор. ʾdyng, перс. *ādīna, ādīna*, тадж. *одина* "пятница". Обособившаяся основа **ād-, ād-* запечатлена как существительное в согд. ʾdh, ʾdwh "величие" и как прилагательное в согд. ʾdβy, ʾddβy, ʾdβy, ʾddβy "верховное божество"; ʾd>ʾm'n "высокий авторитет". Начало *do-* в современном таджикском *domullo*, титуле и почтительном обращении – "(высококчтимый) учитель", восходит к **ād, ād* "большой, великий, чтимый", употреблявшемся в звательной конструкции: *ād-ā mullā-yā* "о чтимый учитель!", типа ранних персидских – *xʾaš-ā jā-yā* "о приятное место!", *nēk-ā pāsuxkunandagān-ā* "о добрые ответчики!", *ā-xudā-yā* "о Боже!". Тадж. *domullo* ("учитель") извлечено из звательной конструкции *ādāmullā(yā)*.

В хорезмийских текстах "поститься" (перс. *rūzī dāštan*) передано равноценными оборотами 1) *yʾδynk βr-* и 2) *yʾmyθk βr-*, из которых при отброшенном артикле *y-* (т., *myθ* т. "день") извлекаются регулярное *ʾδynk* "праздник, пятница" и *ʾmyθk* с загадочным *ā-* в анлауте. Оба слова – *ʾδynk* и *ʾmyθk*, содержат **āδ* "большой, великий, чтимый". В *ʾmyθk* [δ] поглощен сонантом – **āmmēθik*. При *myθ* т. "день" *ʾmyθk* т., как и *ʾδynk*, значит "праздник, пятница".

³**ah-** : **as-** : **az-** "кость" (с. 96), ***ast-**, **asti** "кость, кости" (с. 232). Новообразования (с. 233). Путем сочинения основ *ast-* "кость" и *ahu-* "кость" (ср. авест. *aṇhaēna-* 'из кости, костяной') [Barth. AiW: 106; Gersh. Mithra, Yt. 10: 129] и прибавления суффиксов *-āna-*, *-dāna-* образованы ср.-перс. *ʾsthwʾnʹ*, н.-перс. *ustuxʾān* "кость", ср.-перс. *ʾstwkʾnʹ*, араб. *ʾstwdnʾ*, перс. *sutōdān* (Шахнаме), *sutūdān*, *istūdān* "оссуарий". Ср. ср.-перс. *ʾzʾnʹ azzān*, *hzʾnʹ hazzān* "оссуарий" откуда согд. *γzδʾnid*.

³**ai-** : **i-** (с. 119). К.К. Курдоев [Курдоев. Грамматика: 141, § 203] отметил, что в курдском языке "В особую группу выделяются сложные глаголы, образованные глаголами *hūn* и *kirin* и словами, которые самостоятельно не употребляются, но могут быть возведены к именам существительным или прилагательным". Среди таких сложных глаголов К.К. Курдоев привел пары: курм. *hūn hūn* – сор. *fēr hūn* "учиться"; курм. *hūn kirin* – сор. *fēr kirin* "учить". Севернокурдскому [h] может отвечать [f], ср., например, курм. *hēnik* и сор. *fēnik* "свежий, прохладный". Поскольку историческое [ê] в слоге, закрытом [n], сужается, то оба слова – *hūn* (<**hēn*) и *fēr*, являются родственными, восходящими к общему корню, но различающимися флексией основы. Мы можем предположить, что курдские *hūn* (<**hēn*) и *fēr* подверглись изменению, сходному с тем, которое в персидском языке испытало др.-иран. **aiθra-pati-*, авест. *aēθra-pati-* "учитель": **aiθra-pati-* > ср.-перс. (inscr.) *ʾyhrpt*, *ʾyhłpt* **ēhrpat*, пехл. *hērbaδ*, н.-перс. *hērbaδ*, *hīrbaδ*. Таким же путем курдские *hūn* и *fēr* вышли соответственно из основ **ēhn* **ēhr*. Оба слова, несомненно, восходят к глаголу ³**ai-** : **i-** "говорить, учить(ся)". Сохранение этого глагола в курдской лексике заслуживает внимания. Сор. *fēr* (прил.) <**ēhr* восходит к основе **aiθra-* "учение, школа" (ср. авест. *aēθrya-* "ученик"). Исходной формой курм. *hūn* (скорее сущ., чем прил.) <**ēhn* является основа имени действия **aiθna-* (>**aišna-*, *aitana-*).

¹**ap-** : **āp-** (с. 180). Предложенное И.М. Стеблин-Каменским объяснение глагола вах. *pərv(ə)u-* *pirvit-*, *pərvət-* "оказаться, достигнуть" из др.-иран. **pari-bav-* [Ст.-К. ЭСВЯ: 278] представляется более обоснованным, нежели возведение форм к **pari-ap-*. Др.-иран. *p* в ваханском сохраняется. Заметим здесь, что ягн. *vow*, *vvow* "приходить" (с. 180) не имеет связи с др.-иран. ¹**ap-**. Ягн. *vow*, *vvow* "приходить" вместе с согд. *βʾw-βāw-* "приближаться, подходить" является производным основы **bāw-* от **bū-* : *bav-* "становиться, быть", за которой закрепилось значение глагола движения. Для сравнения приведем скт. *bhū-*, у которого в среднем залоге развилось значение "достигать, доходить".

²**ap-** (182). В речи Заратуштры о двух духах-близнецах – *aṭ tā mainiū rouviīē yā yētā xʾafənā asruuātəm manahicā vacahicā śīiaoaṭanōi hī vahyō akəmśā* (Y 30, 3 ab) – трудным местом продолжает оставаться *xʾafənā*, *xʾafnā*. Ф. Юсти воспринял *xʾafnā* как наречие *sua sponte* "по доброй воле, по собственному побуждению, добровольно", и вывел его из "qa + 1.ap?" [Justi. HZ: 87]. Это объяснение *xʾafnā* (из *xʾa-* + **afna-* < лат. *opus*) отклонил Хр. Бартоломе [Barth. Zum AiW: 1863].

Его мнение о том, что в *xʾafənā*, *xʾafnā* содержится *xʾafna-* "сон; сновидение": "durch ein Traumgesicht" [Barth. AiW: 1291], возобладало. Так, Г. Гумбах передает *xʾafənā* через "the two (kinds of) dreams" [Humb. Gāthās, I: 123; II: 49]. Иное значение для *xʾafənā* предлагает С. Инслер [Insler Gāthās, 33, 165]. Он считает, что вед. *duśvāpnya-* не значит "böser Traum" и не содержит *svāpna-* "сон" [Grassmann. WRV: 619]. Он постулирует

индоиран. **svapni-* "rivalry", **svapnya-* "rivalrous", "rivalrousness" одновременно для вед. *dušvāpnya-* и авест. *axʷafnya-* (Y 62, 5). Слова *xʷafənā asruuātəm* (Y 30, 3) в чтении *xʷafənā *ā *sruuātəm* С. Инслер перевел – "(which twins) are renowned to be in conflict" [Insler. *Gāthās*, 33, 165. Addenda 332 – "(to be) in rivalry"]. Такое осмысление *xʷafnā* нашло отражение в публикациях книг М. Бойс на русском языке: "два первичных духа, близнецы, славящиеся своей противоположностью" [Бойс. *Зороастрийцы*. 1987: 29; 1994: 32].

Как и С. Инслер, я думаю, что *xʷafnā* не имеет отношения к *xʷafna-* "сон". Я также думаю, что *xʷafənā* – форма, образованная от прилагательного **xʷafna-*. В объяснении структуры этой лексемы я возвращаюсь назад на полтора столетия и по примеру Ф. Юсти делю *xʷafna-* на две части: *hu-* + **2ap-*. В **2ap-* я вижу глагол *избирать*, *предполагать* (Pok. IEW: 781), который определяется в лат. *opto* "выбирать, избирать"; "желать, стремиться", *optio* "свободный выбор"; "желание, воля", *opinio* "мнение", *opinor* "предполагать, думать", и усматривается (как возможное иранское заимствование) в тохарских А *аруāс*, В *еруас* "Verstand". Конечно, не может не смущать то обстоятельство, что при делении *xʷafnā-* на *hu-* + **2ap-*, в первой части композита приходится признать наличие *hu-*, *xʷ-* "хороший, добрый". Но мы можем обратиться к сходному случаю. Авест. *xʷāθra-* "благоденствие" из *xʷ-*, *xʷa-* "хороший, добрый" + **āθra-* от *an-* "дышать", ср.-перс. *xʷāra* "легкий", *dušxvār*, *dušvār* "трудный", н.-перс. *xʷār* "презренный, ничтожный", *dušxvār*, *dušvār* "трудный". Должно быть, постулированное С. Инслером индоиран. **svapni-* состоит из тех же частей, что и авест. *xʷapna-*, др.-иран. **xʷafna-*: *su* + **apni-*. В период Вед и Гат оба слова уже не были неологизмами. Их *su-*, *xʷ-* были частью слова, жившего своей жизнью: вед. *dušvāpnya-* "злонамеренность", авест. *xʷapnā du. nom.* "оба свободные, вольные в выборе".

at̪ tā mainiīū pouruiīē yā yēmā xʷafənā asruuātəm
manahicā vacahicā šīiaodanōi hī vahyō akəmčā (Y 30, 3 ab)

'И эти два духа, два близнеца, оба изначально свободные в выборе, прослыли: один как добрейший и один как злой – и в мысли, и в слове, и в деле'.

**2ag-* : 𐬀-. Авест. *hizvārəna* (с. 200). Уникальное *hizvārəna* (instr. sg.) "действием, работой языка"; "речью, словом" произносит Ахура-Мазда во фразе: *yam azəm yō ahurō mazdā hizvārəna uzbaire* (Yt 5, 6) "Я, Ахура-Мазда создал ее (Ардви-Суру) словом". Перс. *huzvārīš.*, термин, которым, в частности, называется чтение пехлевийского текста с замещением идеограмм реальными словами, восходит к ср.-перс. глаголу *uzvārdan* : *uzvār-* : *uzvārīšn*. Оставляя в стороне существующие объяснения этого термина ("раскрытие, уяснение"), выскажу здесь убеждение, что в *uzvārīšn* продолжается авест. *hizvārəna-* с регулярным переходом *-rn-* > *-r-* : **hizvā-arna-* > *izvār-*, *uzvār-*; *uzvār(i)dan*, *uzvārīšn*. Исторически термин подразумевал не текст, не систему письма, а устную основу текста, его озвученное чтение, произнесение.

**arga-* "цена, стоимость" (с. 219). Из двух основ *arga-* + *мага-* "дар" и суффикса *-āna-* с гаплогогией **ar(ga)magāna-* (см. выше **3ah-*) образовано н.-перс. *armaγān* "ценный дар, подарок".

ariānam-цайча-* "простор арийцев" (с. 223). Основа **цайча-* произведена от др.-инд. *vyācas-* [Mh. KEWA, III: 271; Bailey. DKhS: 280–281; Ст.-К. ЭСВЯ: 388] "вместительность; свободное пространство, простор". В текстах Авесты название местности содержит основу *vaējah-* – *aʷryānəm vaējah-* [Barth. AiW, 1313], пехл. *γурнвус*. Г. Бейли [Bailey. DKhS: 85] при ср.-перс.-турф. *wyht* "широкий, просторный" отнес авест. *vaējah-* к др.-иран. **vaig-* "to extend, expand" (<vai-* : *vi-* "to extend" с наращением *-g-*). Перс. *gunjīdan* : *binjīdan* "вместаться, помещаться" могут продолжать основу **vi-n-č-* [Henn. ST: 469 n. 3], но и основу, имеющую в исходе звонкий: **2vaig-* : *vaij-* : *vinj-* "простирается; вмещать", ср. перс. *gunj* в значениях: "вместительность, пространство, место".

adi-ū- (с. 254). Добавим здесь др.-иран. *adi-āvar-* "помощник", ср.-перс. *ay(y)ār* "помощник, друг", ср.-парф. *dywr* (inscr.) **adyāvar* "помощник", н.-перс. *yār* "друг, помощник", *yāvar* "помощник"; заимств. манд. *adiaur-a* "помощник" [Macuch. MD: 7]. Начертания Пехлевийских надписей – *hdbry*, *hdybl*, *hd[lyb]*! "друг" [Gignoux. GIPP: 23], Пехлевийской Псалтири – *hdyb'lyhy* "помощь" [Andr.-Barr. Psalmen: 129], не отличаются употреблением буквы Beth от книжного курсивного пехлевийского написания – *hdyb'l* "друг". Этот и другие примеры могут свидетельствовать, что сасанидские писцы, пользовавшиеся письмом надписей, при их составлении исходили из орфографических образцов курсивного пехлеви и находились в явной зависимости от них. Идеограмма PWN сасанидских надписей является ничем иным, как творчеством писцов, стремившихся передать пехлевийскую курсивную идеограмму P// средствами письма, в котором, в отличие от курсивного, для букв W и N имеются отдельные знаки. В арамейском языке нет предлога, который мог бы послужить основой идеограммы PWN. В согдийском тексте читали на месте истинной идеограммы 'M согдийский псевдопредлог *rm*. Идеограмма PWN вошла в практику транслитерирования текстов, написанных книжным пехлеви, из надписей, которые сами в начертании этой идеограммы исходили из курсива. По-моему буква P в идеограмме P// отражает арамейский предлог 'M, изображенный в виде лигатуры P, слитного написания двух букв: '(= w, n, r) и M. Две вертикальные черты P//, следующие за лигатурой P, аналогичны исходу -WN глагольных идеограмм.

В арамейской части библейской книги Даниила (середина II в. до Р. X.) употреблено уникальное иранское заимствование *hdbr* "советник", лат. *socius* [Vogt. Lexicon: 46]. Не ясно, восходит ли *hdbr* к самостоятельно образованному **hada-bāra-* «"Gehilfe", wörtlich "Mitträger"» [Hinz. ASN: 109] или, может быть, является позднеарамейской передачей (с протетическим *h-* и арам. β на месте иран. *v*) парфянского деривата др.-иран. **adi-āvar-* "помощник".

***1auš-: uš-: aṣah-: ṣah-** (с. 262). При скт. *raviḥ-* m. "солнце" и арм. *arev*, род. пад. *arev-u* "солнце" [Mh. KEWA 18: 46] ожидалось бы древнеиранские параллели типа **(a)rav-*: **ruv-*: **ru-*. Авест. *ušuruiiē* (Y. 32: 16), не получившее удовлетворительного объяснения, представим здесь как *uš^uruiiē*, образованное сочетанием двух основ с суффиксом *-ya-* существительного: **uš^u-ruv-ya-*, **uš^u-ruv-ya-* "солнечное сияние"; ср. авест. *hvarə.xšaēta-* "сияющее солнце". Авест. *ušuruiiē* дат., местн. пад. ед. ч. – "солнечному сиянию, в солнечном сиянии". Станс 16 включает Гату 32 Заратуштры. В ее первом стансе Пророк сказал о торжестве его вероучения, но в последующих он говорит о пагубности греха, лжи, губительных силах, о том, что сам Ахура-Мазда отверг притязания прежних божеств, сказав им: *šiiāomam airi daibitānā yāiš + asrūdūm būmiiā haptaiθē* (Y 32, 3) – "Скверны вот дела ваши, которыми вы прославились в Седьмой части Земли". Тревога за будущее своих последователей не покидает Заратуштру, и он призывает к творцу:

hamēm taṭ vahištācīt	yē ušuruiiē siiascīt dahmahiiā	
xšaiiaš mazdā hurā	yehiiā mā aiθišcīt duuaēθā	
hiiat aēnarjhē drəguuatō	ēānū išiiēng aṅhaiiā	(Y 32, 16)

"О Мазда Ахура, покоящийся в солнечном сиянии,
властитель благонравного, боязнь за которого меня тревожит!
Пошли могучих по следу преступления лживого.
(1а) Самым лучшим (делом) будет это".

Примечания к переводу. *siias-cīt* и без *cīt* – **syō*, **sayō* adj. от *sī-* "покоиться, пребывать". *išiiēng* pl. acc. от *išya-* "сильный, могучий". *aṅhaiiā* – 2.sg. imper. **āhaya* от *hai-* "посылать" [Bailey. DKhS: 482; Pok. IEW: 890].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аб. ИЭСОЯ – *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л., 1958; Т. II. Л., 1973; III. Л., 1979; Т. IV. Л., 1989. Указатель. М., 1995.
- Бойс. Зороастрийцы – *Бойс Мэри.* Зороастрийцы. Верования и обычаи / Перевод с английского и примечания Стеблин-Каменского И.М. М., 1987 (то же, 3-е изд., полностью перераб.). СПб., 1994.
- Курдюев. Грамматика. – *Курдюев К.К.* Грамматика курдского языка на материале диалектов курманджи и сорани. М., 1978.
- Миллер. ТТ – *Миллер Б.В.* Тальшские тексты. М., 1930.
- Раст., Эд. ЭСИЯ – *Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. Т. I. М., 2000.
- Ст.-К. ЭСВЯ – *Стеблин-Каменский И.М.* Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.
- Andr.-Barr. Psalmen – *Andreas F.C., Barr K.* Bruchstücke einer Pehlevi-Übersetzung der Psalmen. SPAW., Berlin, 1933.
- Bailey. DKhS – *Bailey H.W.* Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1979.
- Barth. AiW – *Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904 (repr. Berlin; New York, 1979).
- Barth. Zum AiW – *Bartholomae Chr.* Zum Altiranischen Wörterbuch. Strassburg, 1906.
- Gersh. Amber – *Gershevitch I.* Amber at Persepolis. *Studia classica et orientalia Antonino Pagliaro odlati.* II. Roma, 1969.
- Gersh. Mithra – *Gershevitch I.* The Avestan Hymn to Mithra. Oxford, 1959.
- Gignoux. GIPP – *Gignoux Ph.* Glossaire des inscriptions Pehlevies et Parthes. London; Bradford, 1972.
- Grassmann. WRV – *Grassmann H.* Wörterbuch zum Rig-Veda. Leipzig, 1873.
- Henn. ST – *Henning W.B.* Sogdian Tales. BSOS. XI, 1943-46.
- Hinz. ASN – *Hinz W.* Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, 1975.
- Humb. Gāthās – *Humbach Helmut.* The Gāthās of Zarathushtra. Pp. I, II. Heidelberg, 1991.
- Insler. Gāthās – *Insler S.* The Gāthās of Zarathustra. Leiden, Téhéran; Liège, 1975.
- Justi. HZ – *Justi F.* Handbuch der Zendsprache. Leipzig, 1864 (Nachdruck 1969).
- Justi. IrNb – *Justi F.* Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895 (Printed in Germany, 1963).
- Macuch M.D. – *Macuch R.* A Mandaic dictionary. Oxford, 1963.
- Mh. KEWA – *Mayrhofer M.* Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1953–1975.
- Pok. IEW – *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
- Salemann. ManSt – *Salemann C.* Manichaeische Studien. I. // *Записки ИАН.* Т. VIII. № 10. СПб., 1908.
- Vogt. Lexicon – *Vogt E.* Lexicon linguae aramaicae Veteris Testamenti. Roma, 1971.

© 2001 г. А.К. МАТВЕЕВ

**МЕРЯНСКАЯ ПРОБЛЕМА И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ
КАРТОГРАФИРОВАНИЕ***

В дискуссии о топонимии мери, затрагивающей и происхождение субстратных названий Русского Севера (РС), поднимаются все новые вопросы, решение которых во многом будет зависеть от определенности позиций, качества материалов и адекватности методов. Но уже ясно, что сердцевина спора – отделение мерянской топонимии от немерянской, т.е. идентификация мерянских формантов и типовых основ. Успешное изучение топонимических реликтов на территории исторических мерянских земель (ИМЗ) полностью зависит от решения этой проблемы. Только выявление и интерпретация мерянских формантов и типовых основ создаст базу для надежной этимологизации всего массива предположительно мерянских топонимов. Само собой разумеется, что таким путем будет приобретен и эталон для поиска мерянских элементов на РС (ср. [Матвеев 1966: 4–5]). Короче говоря, необходимо установить некий минимум исходных данных, который получил бы своего рода "консенсус" и стал точкой отсчета для дальнейших исследований.

В статьях А. Альквист [Альквист 1997; 2000а; 2000б], опубликованных в "Вопросах языкознания", приводится обильный материал, но при анализе субстратных названий даже очень многочисленные факты не обладают доказательной силой, если они не верифицированы должным образом и не образуют систему или какой-либо ее фрагмент. Поэтому изучение топонимии должно основываться на объективных методиках, иначе можно получить искаженную или даже вообще ложную картину. Одной из таких объективных методик, как хорошо известно, является картографирование формантов и основ географических названий с последующим анализом ареалов. В статьях А. Альквист топонимические карты отсутствуют¹, а простое перечисление множества разнородных фактов иногда не столько проясняет, сколько усложняет общую картину. Между тем топонимическая карта наглядна и нередко может положить конец спору.

Картографирование топонимии ИМЗ позволило получить новые доказательства принадлежности ряда формантов и основ мерянскому языку. Эта статья посвящена результатам картографирования лимнонимов: во-первых, субстратных названий озер на территории ИМЗ не так много, что позволяет уже сейчас прийти к определенным выводам, которые облегчат изучение наиболее значительного класса топонимов – многоформенной, разновременной и гетерогенной гидронимии, во-вторых, в связи с тем, что предпринята попытка выделить субсубстратные домерянские лимнонимы [Альквист 1997:34; 2000а: 20, 23, 30]. Опыт стратификации топонимии ИМЗ естественно привлекает большое внимание, так как существование субсубстрата в лимнонимии предполагает субсубстрат и в гидронимии. Поэтому вопрос о происхождении лимнонимов ИМЗ становится принципиально важным: его решение открыло бы новые перспективы.

* Исследование проводится при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант 00-15-98836 – поддержка ведущих научных школ).

¹ К ним, разумеется, не относится "Карта реконструкции береговой линии оз. Неро" В.А. Низовцева [Альквист 2000а: 19].

По мнению А. Альквист [Альквист 2000а: 18–26], для названий озер ИМЗ характерны два основных термина – субстратный, засвидетельствованный в основе *яxр* и форманте (*V*)*xр*(*V*) и субсубстратный, представленный в форманте *Vр*(*V*). Географические названия с этими терминами и обсуждаются в нашей статье. На территории ИМЗ распространены также лимнонимы с формантами *кор*, *кур*, *кура* и т.п., но они не будут рассматриваться, поскольку функционируют и как названия рек. Для сопоставления с лимнонимами привлекаются некоторые другие субстратные топонимические типы и, кроме того, такой лингвоэтнический индикатор летописной мери, как русские этнотопонимы, образованные от названия этого племени.

1. РУССКИЕ ЭТНОТОПОНИМЫ, ПРОИЗВОДНЫЕ ОТ *МЕРЯ*

Со времен первых исследователей мерянской проблемы А.С. Уварова и Д.А. Корсакова этнотопонимы, образованные от слова *меря*, используются археологами, историками и лингвистами для определения границ расселения этого летописного племени. Особенно часто *Мерские станы* можно видеть на археологических картах. Таким образом, эта методика для установления мерянского лингвоэтнического ареала применяется уже давно, но сколько-нибудь полная карта этнотопонимов, производных от *меря*, насколько известно, не была составлена. На карте 1 воспроизведены все выявленные названия этого типа.

Фактически подобных наименований много больше. Но, во-первых, не учитывались многочисленные названия типа *Мериново*, хотя при *Чудь* > *Чудин* > *Чудинов* > *Чудиново*, казалось бы, можно ожидать и *Меря* > *Мерин* > *Меринов* > *Мериново*. Однако совпадение с русским *мерин*, широко распространенным в топонимии, исключает возможность использования таких названий в лингвоэтнической диагностике, ср. показательный пример – болото *Мериново* в Нейском районе Костромской области с параллельными наименованиями *Мериньё* и *Кобылье*. Кроме того, от *меря* явно образовывались этноантропонимы *Мерец*, *Мерич*, *Мерько*. Во-вторых, непродуктивно использовать и несомненные этноантропонимы (*Мерько*, *Мерецков* и т.п.), а также производные от них этноантропотопонимы (ручей *Мерьков*, луг *Меричевых Чища* и т.п.): они могут принадлежать мигрантам. Все эти названия – источник ценной информации, но их картографирование может исказить действительный ареал. Поэтому они тоже не учитывались.

Таким образом, картографировались только этнотопонимы, омонимичные с этнонимом (*Меря*, уменьшительное *Мерка*), и относительные прилагательные в субстантивированной форме (*Мерская*) или в сочетаниях с географическим термином (*Мерский стан*, *Мерское болото*). Примерно так же, безотносительно к вопросам картографирования, рассматривает эти названия и А.И. Попов [Попов 1974: 15].

В соответствии с установленными критериями в ИМЗ было выявлено 16 этнотопонимов, образованных непосредственно от этнонима *меря*, т.е. достаточно надежных с точки зрения лингвоэтнической идентификации, и обладающих точной или относительно точной географической привязкой. Кроме того, на карте отмечены места обитания мери по летописи (у озер Неро и Клещино). Картографирование показало, что по данным этнотопонимии меря в период контактов с русским населением, занимала южную часть современной Ярославской области, запад Владимирской, северо-восточную половину Московской, крайний юго-восток Тверской, небольшую заволжскую часть Ивановской и запад Костромской вплоть до бассейна Унжи.

Разумеется, действительная картина была несколько иной. Этнотопонимы сохраняются обычно в зонах маргинального или внутрорегионального контакта между пришельцами и аборигенами в местах более или менее длительного процесса ассимиляции. Но этнотопонимы могут и не возникнуть, несмотря на этноязыковой контакт. Фактически мерянский ареал был несколько больше. Так, он несомненно охватывал северную часть Ярославской области в бассейне Шексны (Пошехонье). Вместе с тем

Карта 1. Этнотопонимы ИМЗ.

- Ⓜ Этнотопонимы, производные от *меря*.
- Δ Места обитания летописной мери.

примечательно, что территория современной Ивановской области, за исключением небольшого участка на левобережье Волги, а также восток Владимирской не входят в зону этнотопонимии, производной от *меря*.

Ареал этнотопонимов, образованных от *меря*, должен учитываться не только при установлении мест былого пребывания мери, но и при выявлении топонимов мерянского происхождения.

2. ТОПОНИМЫ С ОСНОВОЙ ЯХР "ОЗЕРО"

Указание на объект может содержаться как в основе, так и в форманте субстратного топонима. Первое в языке-источнике реализуется в словосочетаниях и словосложениях, аффиксальных производных, географических терминах в функции топонимов, а в языке-реципиенте очень часто встречается при утрате географического термина-детерминанта в процессе освоения субстратных названий. Второе свойственно только словосочетаниям и словосложениям языка-источника, которые воспринимаются в

языке заимствования как непроемкие основы и начинают там новую жизнь. Частотность того или иного способа топонимобразования в языке-источнике обуславливается как продуктивностью топонимических моделей, так и географическими факторами, но в языке-реципиенте она уже зависит и от особенностей освоения, а также степени сохранности субстратной топонимии. Всем этим и объясняются различия в представленности того или иного типа субстратных названий на определенной территории и возникновение лакун, иногда обширных. Сказанное в полной мере относится и к топонимии ИМЗ.

В северной части Волго-Окского междуречья и в Костромском крае озер сравнительно мало, и они не образуют таких скоплений, как старичные озера бассейна Клязьмы. Именно поэтому там не было условий для сохранения лимнонимов с озерным формантом. В то же время на этой обширной территории довольно много названий с основой *яхр*, которую в свое время выявил М. Фасмер, сравнивая топонимы *Яхробол*, *Яхра*, *Яхренга*, *Яхрянка*, *Яхрома* [Vasmer 1935: 585]. Впоследствии названия ИМЗ и РС с основами *яхр*, *ягр*, *явр* были сопоставлены с фин. *järvi*, саам. *jaw're*, марийск. *jär*, *jer*, морд. *e'ke* "озеро", причем эта этимология была подтверждена сравнением с реалиями [Попов 1948: 173; 1965: 118–119; 1974:18; Матвеев 1965б], а топонимы с основой *яхр*, характерные для ИМЗ, стали рассматриваться как мерянские [Попов 1974: 18; Седов 1974: 32]. К этой точке зрения присоединился и О.Б. Ткаченко [Ткаченко 1985: 181].

А. Альквист считает, что названия с основами *яхр*, *ягр* "можно действительно с большей вероятностью связывать с имеющимся теперь или в мерянское время озером" [Альквист 2000а: 24], но нигде не говорит о том, что эти названия мерянские (см. [Альквист 1997: 29–30; 2000а: 24–25]). Альквист приводит топонимы *Яхробол*, *Яхрома* (4 названия), *Яхромино*, а также *Ягренево* [Альквист 2000а: 24–25]. В другой работе упомянуты еще *Яхрово* и *Ягорба* [Альквист 2000а: 29].

Следует, однако, различать названия с основами *яхр* и *ягр*. Основа *яхр* характерна для топонимии ИМЗ, а *ягр* для РС (*Ягрема*, *Ягорова*, *Ягрыши* и др.). Колебания *яхр* ~ *ягр* в ИМЗ (*Яхрома* ~ **Ягрома*) и *ягр* ~ *яхр* на РС (*Ягрема* ~ **Яхрема*) не засвидетельствованы. Исключения объяснимы: *Ягорба* относится к северной части Пошехонья, смежной с РС, а многочисленные гидронимы *Яхреньга* (9 названий) на юго-востоке РС восходят к **Ягреньга*. Они возникли в результате диссимиляции заднеязычных смычных. Это подтверждается тем, что в зоне, где распространены гидронимы *Яхреньга*, зафиксировано 10 речек и ручьев с названием *Ягрыши*, которому соответствует саам. *яврыши* "озерко" [Попов 1948: 173].

Что касается наименования населенного пункта *Ягренево* близ Переславля-Залеского, то оно образовано от фамилии *Ягрнев*, засвидетельствованной в документе XV в., относящемся к Переславскому уезду [Акты 1952: 70]. Отантропонимическое или отантропотопонимическое происхождение этого ойконима подтверждается и названием деревни *Ягренево* Бежецкого уезда, зафиксированном также в документах XV в. [Акты 1952: 111, 268, 446]. Деревня *Ягренево* близ города Бежецка (Тверская область) существует и в настоящее время. Трудно сказать, связаны ли эти ойконимы с основой *ягр*, но к озерным названиям с основой *яхр* они не имеют отношения.

Среди топонимов с основой *яхр*, засвидетельствованных в ИМЗ, также не все следует картографировать. Наименование пустоши *Яхрово*, в 1627–1628 гг. относившейся к сельцу Никольскому Шуромского стана [Смирнов 1929: 89], локализуется достаточно точно, так как известно местонахождение населенных пунктов Шурма и Никольское в Московской области. Однако посессивная форма названия и отсутствие адекватных сведений об объекте (пустошь!) делают проблематичной целесообразность его картографирования. Но поскольку пустошь *Яхрово* находилась в непосредственной близости от реки *Яхрома*, можно не учитывать этот топоним без ущерба для точности ареала. Другой случай – деревня *Яхромино* Калязинского района Тверской области на берегу реки Жабня. А. Альквист приводит это название, подчеркивая, что рядом с

деревней есть болото, которое "во время весеннего паводка превращается в озеро" [Альквист 2000а: 24]. Населенный пункт точно локализован, но посессиивная форма и ненадежность сведений о водном объекте наводят на мысль о том, что в основе названия оттопонимический антропоним – фамилия *Яхромин*. Эту фамилию и обнаруживаем в документе начала XVI в., относящемся к Жабенской волости Кашинского уезда, где упомянут крестьянин Якуш *Яхромин* [Акты 1964: 182]. Естественно, что вторичное название картографировать нецелесообразно.

К названиям с основами *яxр* и *ягp*, А. Альквист считает возможным присоединить и ряд топонимов ИМЗ с деформированным анлаутом. Это побуждает нас остановиться на некоторых вопросах типологии фонетического освоения субстратных названий. Как полагает Альквист, *яxр*, *ягp* может трансформироваться в *xр*, *кp*, *гp*, *дp*, а также в *xар* в результате метатезы [Альквист 2000а: 24–26]. Следует различать три случая предполагаемой эволюции.

1. **Отпадение анлаута я (ja)**. В мерянском языке, как и во многих других финно-угорских языках, а также в финно-угорском праязыке предполагается ударение на первом слоге [Ткаченко 1985: 60]. Субстратная топонимия ИМЗ и РС за редкими исключениями это подтверждает. Поэтому при ударении на первом слоге, т.е. в сильной позиции, и высокой информативной нагрузке на анлаут, особенно в заимствованных словах с неясной внутренней формой, утрата первого слога типа CV маловероятна. В полевых записях не встречаются фиксации типа **Хреньга* (< *Яхреньга*), **Грьши* (< *Ягрьши*) на РС, **Хрома* (< *Яхрома*), **Хромша* (< *Яхромша*) – на территории ИМЗ. Приведенная А. Альквист с ссылкой на М.И. Смирнова [Смирнов 1929: 80] упрощенная форма названия пустоши *Хрово* [Альквист 1997: 29], извлеченная из актов генерального межевания, является обычной для такого рода документов опиской или ошибкой (ср. выше о пустоши *Яхрово*, название которой также обнаруженное Смирновым [Смирнов 1929: 89], возможно, послужило источником для *Хрово*). Что касается варианта *Греново* [Альквист 2000а: 25], указанного тем же Смирновым для переславского ойконима *Ягренево* [Смирнов 1911: 222], то надо иметь в виду, что основной формой этого названия вплоть до настоящего времени была именно *Ягренево*, которая и фигурирует во всех источниках, и поэтому вариант *Греново* (ожидалось бы, конечно, **Гренево*), если он действительно существует или существовал, скорее всего окказионализм, связанный с четырехсложностью слова, переносом ударения, а может быть и некоторой неустойчивостью основы *ягp*, поскольку она уникальна на фоне названий с основой *яxр* (подробнее см. выше).

Таким образом, многочисленные названия типа *Хреново*, *Хрениха* и т.п. [Альквист 2000а: 24] не могут иметь отношения к основе *яxр* и являются чисто русскими топонимами². Сказанное относится также и к названию болота *Грашнево* [Альквист 2000а: 25], в основе которого гипокористика *Граша*, производная от русского личного имени *Евграф* [СРЛИ 1995: 150], где появление *n* связано с контаминацией суффикса *-ин* с более распространенным *-ев* (**Грашино* > *Грашнево*).

2. **Преобразование согласного x (z)**. В ряде случаев, по мнению А. Альквист,

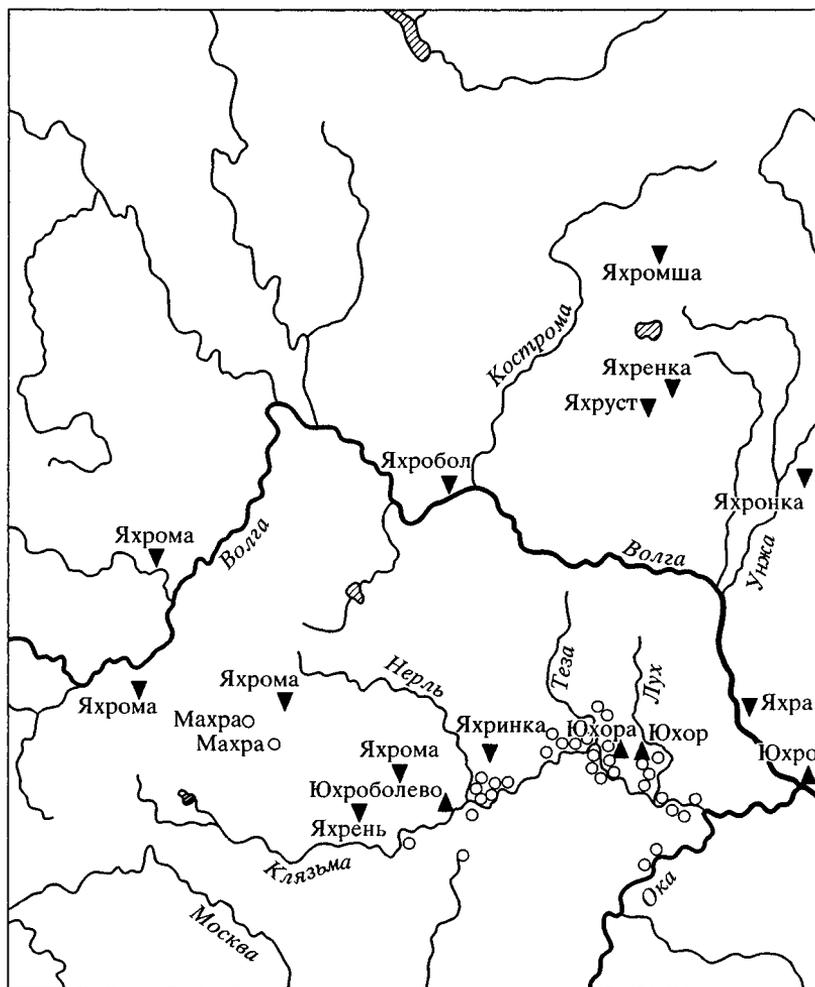
² Убедить в том, что названия озера *Хреново* и леса *Хрениха* происходят от субстратной основы *яxр* "озеро" [Альквист 2000а: 24], а наименования болота *Сафроново* и озера *Софроново* содержат озерный суффикс *-xр* (> *-фр*) [Альквист 2000а: 26], не могут ни оговорки ("Подобные названия должны были подвергаться народной этимологии и трудно доказать, что их основа не восходит к слову *xрен*. Подобных топонимов в Средней России – десятки, но в каждом отдельном случае основа наименования должна изучаться отдельно" [Альквист 2000а: 24]), ни категоричность ("Имя греческого происхождения *Софрон* и произведенные от него фамилии ... могли тут иметь только народно-этимологическое влияние" [Альквист 2000а: 26]). На фоне множества чисто русских фактов подобные интерпретации могут убеждать лишь в тех случаях, когда в исторических памятниках засвидетельствованы соответствующие субстратные названия. Их А. Альквист не приводит.

наблюдается изменение согласного $x(z)$ в k , иногда в сочетании с отпадением начального слога. Такая концентрация изменений еще менее вероятна, чем аферезис анлауга. Сколько-нибудь убедительное обоснование этого перехода отсутствует. Утверждение, что замена x на k – обычное явление в местных диалектах [Альквист 1997: 29] ничего не дает, поскольку в топонимии ИМЗ отсутствуют образования от основы $*якр$ ($< яхр$) типа $*Якра$, $*Якрома$ и т.п. Неудивительно, что топонимы с группой $кр$ в анлауге находят объяснение в русском языке. Так, название ярославской деревни *Кренево* [Альквист 2000а: 25] образовано не от основы $*якр$ ($< яхр, ягр$), т.е. от $*Якренево$, а от распространенной русской фамилии *Кренев* $<$ прозвище *Крень* $<$ диалектное *крень* "кремень", "плотные слои древесины", "упрямый человек" [СРНГ, 15: 214]. Фамилия *Кренев* часто встречается в русских памятниках XV–XVI вв. [Веселовский 1974: 164; Акты 1964: 430, 433, 445]. Антропотопонимы, производные от этой фамилии (или прозвища), широко распространены: деревня *Кренево* есть в Ивановской, Костромской, Вологодской областях, ручей *Кренев* в Вытегорском районе Вологодской области, луг *Кренево* в Галичском районе Костромской и т.п. Фамилия *Кренев* засвидетельствована и в местах, смежных с Некрасовским районом Ярославской области, где находится деревня *Кренево*. В частности, Никифор *Кренев* упомянут в документе, который относится к Нерехотской волости Костромского уезда [Акты 1952: 106].

Переход $гр$ (не $хр!$) $>$ $др$ теоретически возможен, но в связи с отсутствием исторических свидетельств, нельзя соотносить с $яхр, ягр$ и название болота *Ядрениха*, а также леса *Ядрово* [Альквист 2000а: 24]. И здесь в основе топонимов русский корень *ядр*, ср. фамилии *Ядров*, *Ядрёнкин*, *Ядрышев* и прилагательные *ядрёный*, *ядровый*, *ядровитый*, *ядришный* [СФ 1997: 487]. Ойконимы *Ядрово* есть в Ярославской, Московской, Нижегородской и Вологодской областях, две деревни с названием *Ядриха* – в Архангельской, ручей *Ядровка* – в Усть-Кубинском районе Вологодской и т.п.

3. **Метатеза**, которой предшествует отпадение начального j , т.е. $(j)ахр > хар$ [Альквист 1997: 29; 2000а: 26]. Таким образом, и в этом случае предполагается два этапа освоения. Отвечая на нашу реплику [Матвеев 1998: 94], что в основе названия *Харило* русский антропоним [Веселовский 1974: 337], А. Альквист, пытаясь доказать финно-угорское происхождение этого наименования, утверждает, что фамилия *Харилов* наряду с *Белозерцев*, *Ухтомский* и т.п. оттопонимического происхождения (от местности *Харило*) [Альквист 2000а: 26]. Однако апелляция к оттопонимическим фамилиям только отвлекает от решения коренного вопроса, можно ли считать эволюцию $*Яхрила > *Харила > Харило > Харилов$ корректной с фонетической стороны, а название финно-угорским по происхождению при отсутствии аргументов, указывающих на возможность этого фонетического перехода, а также каких-либо исторических сведений о такой эволюции и наличии $м а с с о в о г о$ русского по происхождению топонимического материала, имеющего самое непосредственное отношение к антропониму *Харило*: *Харило*, покос, *Харилка*, пустошь, *Харилово*, пустошь [Смирнов 1929: 79], деревни *Харилово* в Ярославской области (близ Углича), Ивановской и Костромской, *Харилова* и *Хариловская* – в Архангельской. Предполагать параллельную весьма замысловатую фонетическую эволюцию во всех этих названиях невозможно даже при самом смелом воображении. На самом деле здесь антропонимическое образование *Харитон* $>$ *Харило*, аналогичное *Иван* $>$ *Иванило* [Унбегаун 1989: 54], а на местности – обычные русские антропотопонимы.

В еще большей степени сказанное относится к названию ярославской деревни *Харино* [Альквист 2000а: 25]. *Харин* – очень распространенная русская фамилия, образованная от гипокористики *Харя* $<$ *Харитон* [Никонов 1993: 151; Федосюк 1996: 236], упомянутая в памятниках XV в. [Акты 1952: 248; Акты 1964: 121], относящихся к Переславскому и Владимирскому уездам. В топонимии соответствующие отантро-

Карта 2. Топонимические основы и форманты со значением “озеро”.

- ▼ Топонимы с основой *ягр*.
- Лимнонимы с формантом *(V)хр(V)*.
- ▲ Лимнонимы с основой *юхр*.

понимические названия встречаются повсеместно: в Ивановской области две деревни *Харино*, в Костромской – две деревни *Харино* и *Харинская*, в Вологодской – четыре деревни *Харино*, а также *Харина Гора* и т.п. Наименование *Харино(а)* служит и для обозначения полей, лугов, ручьев, лесов, болот, озер, островов и т.п. [ТЭ УрГУ].

Таким образом, А. Альквист, постулируя фонетические преобразования, которые изменяют звуковой облик основы *ягр* (*ягр*), не учитывает типологию фонетической адаптации субстратных топонимов финно-угорского происхождения, данные памятников истории русского языка, в которых не засвидетельствованы случаи переработки *ягр*, *ягр* в *хр*, *кр*, *ядр*, *хар*, а также русский ономастикон. В фонетически близких субстратных топонимах РС с основой *ягр* тоже не зафиксированы факты трансформаций, которые предполагает Альквист. В русском языке консонантные группы *хр*, *гр* создают произносительные трудности только в позиции ауслата (см. 3). Поэтому в анлауте топонимов с основой *ягр* не происходит та фонетическая переработка,

которая возможна в конце слова. Приведенные в статьях Альквист названия представляют собой не переработанные в русской среде субстратные реликты, а неопознанные исследователем русские собственные имена.

На территории ИМЗ до настоящего времени выявлено 12 субстратных топонимов с основой *яxр*: *Яхра*, *Яхренка*, *Яхрень*, *Яхринка*, *Яхробол*, *Яхрома* (4 названия), *Яхромша*, *Яхронка*, *Яхруст* (см. карту 2). За исключением ойконима *Яхробол* (> озеро *Яхробольское*) с прозрачной семантикой "Озерное селение" (*бол* – "селение"), все эти названия обозначают реки. В восьми случаях установлено, что в бассейне реки есть озеро, в одном (*Яхрома*) несомненен факт существования озера в прошлом [Попов 1974: 18], в двух – данных пока нет. Но и этих сведений достаточно для того, чтобы видеть в основе *яxр* обозначение озера. Основа *яxр* устойчива: редкие варианты (*Яхрама*, *Яхарма*, *Яхорма*) [Альквист 1997: 29] либо фиксируют "акающее" произношение, либо окказиональны. Показательны и словообразовательные приметы: форманты *Vma* (*Яхрома*, ср. *Ягрема* на РС) и *Vнь* восходят к древним финно-угорским суффиксам прилагательных **Vm* и **n* [Lehtisalo 1936: 86–91, 136–138; Серебренников 1963: 169; Галкин 1966: 64–66]. Эти же суффиксы в других названиях могли повлиять на форму русского слова (*Яхренка*, *Яхринка*, *Яхронка*). Формант *Vмша* скорее всего восходит к сочетанию отыменного суффикса прилагательных с уменьшительным [Попов 1974: 26]³. Наиболее загадочен формант *уст* (*Яхруст*), в котором, однако, можно видеть разновидность "речного суффикса" *Vхта*, *Vгда*, по мнению А. Альквист, мерянского [Альквист 2000а: 30–31; 2000б: 83, 86]. Таким образом, большинство суффиксальных образований от основы *яxр* вполне вписывается в предполагаемые формальные характеристики мерянского языка как одного из финских языков (волжско-финского или близкого к ним), а основа может быть реконструирована в виде **jaxr* или **jäxr*.

Ареал основы *яxр* соответствует ареалу этнопонимов, производных от *меря*, образуя аналогичный пробел в юго-восточной части ИМЗ (см. карты 1 и 2). Поскольку нет исторических сведений о каком-либо народе, кроме мери, который проживал бы в период русского освоения этой территории в пределах зоны *яxр* и ареала этнопонимов, образованных от *меря*, нет другой этнопонимии с подобной зоной распространения, а также нет никаких данных о каком-либо другом субстратном озерном термине с таким же ареалом, есть все основания считать реконструированный термин **jaxr* (**jäxr*) мерянским.

3. НАЗВАНИЯ ОЗЕР С ФОРМАНТОМ (V)*xp*(V).

На РС распространены как речные названия с основой *ягр*, так и лимнонимы с формантом *VgrV* (*Оногра*, *Суегра*), а в двинских грамотах XV в. упомянуто озеро *Рушеягръ*. Этот лимноним особенно интересен, так как сохраняет консонантный ауслат языка-источника. В ИМЗ, где фиксируется основа *яxр*, формант соответственно имеет вид *VxpV*, а названий на *VgrV* не должно быть. Так оно и есть на самом деле, поскольку *Лепчегра*, а это единственный топоним на *VgrV*, который приводится Альквист [Альквист 2000а: 25], находится далеко за пределами ИМЗ в Пензенской области и его происхождение неизвестно. Нет форманта *VgrV* и в названии болота *Семиградовское* Переславского района Ярославской области [Альквист 2000а: 25]. Это русское название из ряда очень часто встречающихся онома, образованных по модели числительное *семь* + существительное, ср. фамилии *Семибратов*, *Семидевкин* и т.п. [Никонов 1993: 113–114], ойконимы *Семигоры*, *Семидворы*, *Семидеревеницина*, название поля *Семигородский Волок* (Харовский район Вологодской области), а М.И. Смирнов

³ Ср. в костромской гидронимии: р. Нея – р. Нельша (приток Неи) [Попов 1974: 26], р. Тома и рядом менее значительная р. Томша (притоки р. Мера) [ТЭ УрГУ].

упоминает деревню бывшей Загорской волости Переславского уезда *Семиградово* [Смирнов 1929: 120]. С ней и связано название болота *Семиградовское*.

Названия с формантом $(V)xp(V)^4$ в ИМЗ представлены достаточно широко, но почти все сосредоточены на юго-востоке региона, где засвидетельствовано 32 таких наименования (фактически их, конечно, больше): 16 сложных (*Вихра*, *Махра*), 15 трехсложных (*Вочехро*, *Пузехра*) и одно четырехсложное (*Кочехоро*). Все это исключительно названия озер, т.е. собственно лимнонимы, среди которых отсутствуют образования с русскими притяжательными суффиксами *-ов* и *-ин* и почти нет наименований с суффиксами существительных (только *Выхрица* и, может быть, *Вохрыч*). Поэтому нет никаких сомнений в том, что $(V)xp(V)$ – озерный формант.

В ауслaute бессуффиксальные с точки зрения русского языка названия обычно имеют окончание *-а* (*Вихра*, *Суехра*) и *-о* (*Вышехро*, *Смехро*). Примечательно, однако, что в старину фиксировались и варианты с конечным согласным *р*, ср. *Нефр* < **Нехр* [Акты 1964: 465, 467]. В настоящее время формы с конечным *р* (*Поныхарь*, *Семахар*) встречаются реже (5 названий), чем наименования с вокалическим исходом, но они очень показательны, так как сохраняют консонантный ауслaut языка-источника.

Эти данные свидетельствуют о вероятности существования в языке субстрата основ с фонетической структурой *CVС(C)*, что вело к взаимодействию согласных на стыке основы и форманта с консонантным анлаутом. Были и другие факторы, которые способствовали преобразованиям форманта: он находился в слабой позиции и, судя по всему, имел исход на труднопроизносимую в ауслaute группу согласных *xр*. Обычная для русского языка и устойчивая в положении перед гласным группа *xр* в ауслaute тем не менее не встречается [ОС 1974: 508], что и объясняет ее изменчивость в процессе фонетико-морфологического освоения. В то же время взаимодействие как консонантного, так и вокалического исхода основы с начальным *j* форманта и последующим гласным приводило к ассимиляциям и диерезам, а как следствие этого к широкому распространению двухсложных лимнонимов типа *Вихра*, *Махра*, которые возникали из многосложных.

Русское освоение устранило труднопроизносимую группу согласных *xр* в ауслaute развитием окончаний *о*, *а* (*Вохро*, *Вочехро*, *Вихра*, *Пузехра*) и с помощью эпентетических гласных (*Печхар*, *Поныхарь*, *Семахар*, *Учхор*), а иногда тем и другим способом (*Кочехоро*, *Ламхоро*, *Пурхало*⁵ < *Пурхаро*). Есть фиксации, свидетельствующие о том, что этот процесс еще не завершен, ср. параллельные формы *Поныхарь* и *Понехра*, *Семахар* и *Семахро*.

Анализ русского фонетико-морфологического освоения лимнонимов на $(V)xp(V)$ важен прежде всего в том отношении, что позволяет реконструировать формант в виде **jVxl*⁶, поскольку при наличии гласного в ауслaute многовариантность русской формы субстратных названий маловероятна: гласный языка-источника заменяли бы *о* или *а* русского языка, как это обычно происходит в заимствованных словах [Kalima 1919: 63–75; Матвеев 1959: 98–101]. Не мешает вспомнить и о лимнониме *Рушеягръ* на РС.

А. Альквист согласна с тем, что формант *xра*, *xро* достаточно типичен для мерянской территории и "относится, скорее всего, к мерянскому времени" [Альквист 2000а: 30]. Остается, однако, неясным, считается ли этот формант мерянским. Альк-

⁴ На территории ИМЗ формант сильно варьирует, причем как основа, так и формант могут иметь консонантный ауслaut. Отсюда необходимость уточнить условное обозначение.

⁵ В этом лимнониме произошла обычная диссимилиация вибрантов. В других случаях фонетические процессы не совсем понятны (ср. *Печехра* и вариант *Печхало*).

⁶ Вопрос о качестве гласного трудно решить не только из-за его колебаний и даже выпадения в русском языке, но и потому, что согласный *j* мог исчезнуть уже в языке-источнике, и это могло обусловить последующие комбинаторные изменения.

вист предпринимает попытки расширить материал, выявив новые случаи употребления форманта $(V)xp(V)$ в топонимии ИМЗ, но в своем большинстве они не могут быть признаны удачными.

Прежде всего не следует принимать во внимание разного рода темные или проблематичные случаи, ср.: "Принадлежность к этому ряду ярославского потамонима *Ухра* следует изучать: река берет начало из достаточно большого болотного массива, и ее верхнее течение проходит и в наше время через продолговатый водоем" [Альквист 2000а: 25–26]. Противоречиво объяснение гидронима *Шухрома* (> *Шухорма* на почве метатезы), который сперва предлагается сравнивать в форме *Шухорма* с другими названиями, имеющими субсубстратный озерный формант $Vp(V)$ [Альквист 2000а: 21], а затем в форме *Шухрома* рассматривать в ряду субстратных топонимов с консонантной группой *xp* [Альквист 2000а: 25]. Но если форма *Шухорма*, возникшая путем метатезы, является более поздней, то как это согласуется с тезисом о ее субсубстратном происхождении?

Далеко не каждое субстратное наименование с консонантной группой *xp* обозначает озеро. Поэтому неубедительны попытки обнаружить озерный индикатор в названии низменного луга *Пахрино* или бывшего населенного места *Похрино* [Альквист 2000а: 25], хотя очевидно, что у этих названий заимствованные основы. Посессивная форма и нелимнонимичность объектов не позволяют отнести их к числу наименований озер, тем более что посессивы очень часто могут быть связаны с антропонимами. Теоретически топоним *Пахрино* может восходить к названию озера **Пахра*, но более вероятно, что он образован от фамилии **Пахрин*, которая в свою очередь связана с наименованием московского села *Пахра* (< река *Пахра*). За немногими исключениями, А. Альквист оперирует как раз вторичными образованиями, в основном посессивами, а они небезальтернативны.

Не убеждает и интерпретация ойконима *Инархово* [Ahlqvist 1998: 39; Альквист 2000а: 23]. Конечно, можно предположить здесь метатезу и ввести реконструированную форму **Инахрово* в ряд озерных названий с формантом $(V)xp(V)$, тем более что во Владимирской области недалеко от озера *Исихра* есть населенный пункт с аналогичным названием *Асерхово*⁷, который находится около небольшого озера. Но название *Инархово* имеют три деревни (в Угличском районе Ярославской области, Калезинском районе Тверской и Ильинском районе Ивановской), причем никаких озер около первых двух нет. Близ ивановского Инархово есть озеро, но этого все-таки недостаточно, чтобы считать все ойконимы Инархово образованными от лимнонимов. Кроме того, следует считаться и с мнением М.И. Смирнова, который полагает, что *Инархово* восходит к *Иринархово* [Смирнов 1929: 24]. А. Альквист сомневается в этом [Ahlqvist 1998: 93], но *Иринарх* – календарное русское имя [Петровский 1966: 124], выпадение звуков в этом случае оправданно, а фамилии *Иринархов/Инархов* < *Иринарх/Инарх* есть в русском антропонимиконе [Унбегаун 1989: 51].

Нецелесообразно пока включать в ареал $(V)xp(V)$ и несколько названий с группой *xp*, в которых предполагается переход $x > k$, известный в местных говорах [Альквист 1997: 29]. Интерес представляет лимноним *Искра* на левобережье Оки в Нижегородской области [Альквист 2000а: 25], поскольку он находится в пределах ареала названий на $(V)xp(V)$, а кроме того, видимо, содержится и в ойкониме *Искробол* (> озеро *Искробольское*) в зоне основы *яxp*. Вполне возможно, что *Искра* из **Исихра* (ср. лимноним *Исихра*), но полной уверенности в этом нет из-за названия реки *Искра* (озеро *Искорское*) на юге Вологодской области, т.е. уже в зоне *ягр*. В пределах ареала

⁷ Относить наименование *Асерхово* к лимнонимам на $(V)xp(V)$ с уверенностью все-таки не стоит, поскольку нельзя исключить проникновение в эти места на правобережье Клязьмы (верховья реки Бужа) мордовских или близких к ним названий (ср. морд. *эрьке*, *эрьхе* "озеро").

(V)xp(V) во Владимирской области находится и лимноним *Вакра* (*Ваткра*), который также с большой вероятностью по происхождению относится к названиям с этим формантом (<? **Вахра* или **Ватхра*). Неясно главное, почему постулируемый переход $x > k$ произошел только в нескольких случаях, а в абсолютном большинстве названий звук x сохранился. Может быть, действительная причина этого явления связана с какими-то комбинаторными изменениями, характер которых трудно определить из-за малочисленности фактов. Так или иначе, при картографировании лучше пока эти редкие случаи не учитывать.

Но есть названия, принадлежность которых к ареалу (V)xp(V) следует решительно отвергнуть. Таков лимноним *Сукра* в Тамбовской области [Альквист 2000а: 25], т.е. далеко за пределами ИМЗ. Название сенокоса *Бекрево* [Альквист 2000а: 25] происходит от русского прозвища **Бекря*, ср. *Бекряш* "прозвище крепкого здорового человека" [СРНГ, 2: 207], а также название деревень *Бекрино* и *Бекрята* (от патронима *Бекрята* "потомки Бекри").

Учитывая возможность возникновения варианта *Vxap* в ауслауте, казалось бы, допустимо причислить к лимнонимам по происхождению название деревни *Епихарка* [Альквист 2000а: 25], но основа этого ойконима, не имеющая соответствий ни в субстратной топонимии ИМЗ, ни на РС, фонетически близка к русской гипокористике *Епиха* от *Епифан* [Петровский 1966: 111], хотя вторая часть названия остается неясной. Кроме того, ссылка А. Альквист на болотистую местность рядом с деревней неубедительна. Во всяком случае это темное название тоже пока не следует относить к лимнонимам на (V)xp(V).

Из фактов, приведенных А. Альквист, к названиям с формантом (V)xp(V) в зоне *яxр* с достаточным основанием можно отнести лишь два наименования *Махра*, одно в Сергиев-Посадском районе Московской области, другое – в Александровском районе Владимирской [Альквист 2000а: 25]. В этом случае их "озерность" можно аргументировать не только наличием группы *xр* и озер, но и несомненно субстратным характером основы, а также тем, что лимноним *Махра* есть и среди названий клязьминских озер. Все остальные факты, которыми оперирует А. Альквист, или отнесены к названиям с формантом (V)xp(V) ошибочно или спорны, поэтому не могут учитываться при картографировании.

Лимнонимы *Махра* представляют большой интерес, во-первых, по той причине, что свидетельствуют об употреблении в пределах зоны основы *яxр* термина *яxр* в роли детерминанта, т.е. основа *яxр* и формант (V)xp(V) являются топонимическими реализациями одного и того же обозначения озера (см. карту 2), а во-вторых, потому что указывают на одинаковую адаптацию географического термина со значением "озеро", выступающего в функции детерминанта, на всей территории ИМЗ.

В общей сложности было картографировано 34 лимнонима на (V)xp(V) (карта 2): *Вихра*, *Вичехра*, *Войхра*, **Вохра* < *Завохранец*, *Вохро*, *Вохрыч*, *Вочехро*, *Выхрица*, *Вышехро*, *Исихра*, *Качхра*, *Кивехро*, *Конхро*, *Кочехоро*, *Кочихра*, *Ламхоро*, *Ламхра*, *Махра* (3 названия), *Нефра*, *Нефро*, *Нечихра*, *Печехра* (*Печхало*), *Печхар*, *Поньхарь*, (*Понехра*), *Пузехра*, *Пурхало* (*Пурхаро*), *Санхра*, *Селихра* (*Селехра*), *Семахар* (*Семахро*), *Смехро*, *Суехра*, *Учхор*. К территории Владимирской области относится 29 наименований, Ивановской – 4, Московской – 1, т.е. подавляющее большинство топонимов на (V)xp(V) связано с Владимирской областью.

Карта свидетельствует, что лимнонимы с формантом (V)xp(V), кроме двух названий *Махра*, сосредоточены в нижнем и среднем течении Клязьмы, в основном на левобережье ниже устья Нерли. Поэтому в дальнейшем условно будем именовать этот субрегион нижнеклязьминским. Из 32 нижнеклязьминских лимнонимов на правобережье зафиксировано 8, еще 2 на левом берегу Оки недалеко от устья Клязьмы. Ареал достаточно плотен и четок, но явно связан с географическими условиями –

множеством старичных озер в пойме Клязьмы и низовьях ее крупных притоков, что объясняет относительно хорошую сохранность лимнонимии: совокупность однотипных названий, хотя и подверженная русскому освоению, тем не менее не утрачивает формальный показатель.

А. Альквист, ссылаясь на Г.П. Смолицкую [Смолицкая 1973: 247; 1974: 65, 68], утверждает, что названия на $(V)xp(V)$ сосредоточены "в основном по среднему и нижнему течению Оки и нижнему течению Клязьмы" [Альквист 1997: 29; 2000а: 25]. Карта 2 свидетельствует, что это не так. Дело в том, что Г.П. Смолицкая объединила с названиями на $(V)xp(V)$ более южные наименования, на *рха*, *рхи*, *рка*, *рга* и др., которые тяготеют к мордовской топонимии, ср. морд. *эрьке*, *эрьке* "озеро". Перечень всех этих формантов приводится в работе Г.П. Смолицкой [Смолицкая 1974: 65]. Правда позднее [Смолицкая 1987: 26] ареал названий на *хра*, уже без упоминания о других формантах, распространяется на правобережное Поочье от устья Пары до устья Тешы, включая и низовья Мокши, с чем нельзя согласиться, так как в результате был выделен обобщенный, недифференцирующий топонимию различных языков ареал, к которому некритически апеллирует А. Альквист. Между тем о необходимости различать названия на *хра* и *рха* (с вариантами) писал еще А.И. Попов [Попов 1965: 118–119; 1974: 18, 27].

Сопоставление ареала лимнонимов с формантом $(V)xp(V)$ и названий с основой *яxr* (карта 2) позволяет сделать вывод, что в зоне *яxr* встречаются отдельные лимнонимы на $(V)xp(V)$, а в нижнеклязьминском субрегионе отсутствуют названия с основой *яxr*. Это несоответствие находит объяснение, если учесть результаты картографирования других топонимических типов ИМЗ.

4. ДРУГИЕ КОРРЕЛЯТИВНЫЕ ТОПОНИМИЧЕСКИЕ АРЕАЛЫ ИМЗ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Коррелятивность ареала топонимов с основой *яxr* и ареала этнопонимов, производных от *меря*, позволяет идентифицировать эти топонимы как мерянские (см. 2). Отсюда следует, что сохранившиеся в зоне *яxr* лимнонимы с формантом $(V)xp(V)$ тоже следует считать мерянскими, восстанавливая формант в виде **яxr* (< **jaxr* или **jäxr*). Это в первую очередь относится к двум названиям *Махра* к северу от верхнего течения Клязьмы и уже не без сомнения к среднеклязьминским лимнонимам близ устья реки Нерль и выше по течению Клязьмы (см. карту 2). Соответственно отсутствие названий с основой *яxr* и этнопонимов, производных от *меря*, в нижнеклязьминском субрегионе позволяет предполагать, что в этих местах для обозначения озер употребляется другой географический термин, который, однако, фонетически был близок к *яxr*, поскольку в функции форманта адаптировался аналогичным образом, т.е. в $(V)xp(V)$.

По всей видимости, этот термин сохранился в названиях озер *Юхор*, *Юхора*, *Юхро*⁸, а также *Юхроболево* (см. карту 2), которое зафиксировано на старинном "чертеже" окрестностей Владимира [Кусов 1993: 339], и может быть восстановлен в форме **юхр* < **juxr*, тем более что лимноним *Юхроболево* соответствует названию озера *Яхробольское*⁹. Основанием для идентификации этой топонимической лексемы как

⁸ Этот лимноним в устье Оки примечателен в том отношении, что является самым восточным из названий такого рода, значительно расширяя тем самым зону расселения жителей нижнеклязьминского субрегиона.

⁹ В.С. Кусов наряду с озером *Юхроболево* упоминает и исток *Юхроболдской* [Кусов 1993: 339], очевидно, из *Юхроболской*. Это снимает какие-либо сомнения в отношении названия озера *Юхроболево*, которое имеет посессивную форму, и позволяет достаточно надежно восстанавливать исходное **Юхробол*. В то же время немаловажно, что Г.П. Смолицкая среди нелокализованных гидронимов Поочья упоминает исток *Яхроболской* [Смолицкая

географического термина служит не только относительная частотность названий и регулярность корреляции с объектом (озером), но и четкая ареальная противопоставленность основ *яxp* и *юxp*: эти термины находятся в отношении дополнительной дистрибуции, что позволяет выделять зону *юxp*, для которой характерно отсутствие этнотопонимов, производных от *меря*. Веское подтверждение терминологического характера основ *яxp*, *юxp* и их исходного значения "озеро", а также принадлежность основы *яxp* мерянской топонимии можно видеть в оппозиции названий *Яхробол* в зоне *яxp* и **Юхробол* в зоне *юxp*. Реконструируемые термины несомненно родственны, при этом слово **jux* должно рассматриваться как эквивалент мерянскому **jaxr* в каком-то неидентифицированном пока финно-угорском языке субрегиона нижней Клязьмы, а слово **бол* (< **bal*) как общее достояние мерянского и этого неизвестного языка.

Поскольку освоение консонантного ауслота **xr* в терминах **jaxr* и **juxr* в русском языке осуществлялось одинаковым образом и уже рассматривалось в процессе анализа названий с формантом (*V*)*xr*(*V*) (см. 3), заметим только, что в субстратных названиях представлены все способы переработки группы **xr* в ауслоте слова **juxr*, ср. *Юхро* (**juxr* > *Юxp*[*o*]), *Юхор* (**juxr* > *Юx*[*o*]*p*) и *Юхора* (**juxr* > *Юx*[*o*]*p*[*a*]). Однако требует разъяснения различный вокализм терминов **jaxr* и **juxr*. Сразу же подчеркнем, что это различие никоим образом нельзя истолковывать, опираясь на постулируемое А. Альквист фонетическое чередование гласных *a*–*o*–*y*, якобы характерное для субстратной топонимии ИМЗ, на основе которого сопоставляются *Шакиша* – *Шокиша* [Альквист 2000а: 17], *Шагара* – *Шугорь* [Альквист 2000а: 21], *Кустерь* – *Кастер* [Альквист 2000а: 22] и т.п. Это "чередование" может иметь различные источники как финно-угорские (ср. фин. *kala* "рыба", саам. кильдинское *кулль*, марийск. *кол*), так и связанные с русским освоением, например, восприятием фин. *a* сперва как *o*, позднее как *a*, отраженным в форманте *бал*, *бол* "селение" и т.п. При изучении субстратной топонимии фонетические соответствия, характерные для субстратных языков, как в синхронии, так и в диахронии, становятся значимыми только при наличии серии фактов одного порядка и их ареальной оппозиции. Кроме того, надо убедиться в том, что мы имеем дело с фонетическим варьированием генетически родственных слов, что и наблюдается в случае *яxp* – *юxp*. "Соответствия" же типа *Какша* – *Кокша* – *Кукиша* или *Шакиша* – *Шокиша* – *Шукиша* при неустановленной семантике и отсутствии ареального противопоставления отыскиваются очень легко, но почти всегда являются мнимыми. Это не более чем набор созвучных слов. Надо сперва доказать, что в мерянской или домерянской топонимии существовала оппозиция звуков **a*–**o*–**y*, а потом ее использовать.

Интерпретация оппозиции **jaxr* – **juxr*¹⁰ должна увязываться с системным для марийского [Грузов 1969: 126–130] и пермских [Лыткин 1957: 81–82] языков процессом

1976: 286], который зафиксирован во Владимирских писцовых книгах XVI в. По-видимому, *Юхроболский* исток и *Яхроболской* исток обозначают один и тот же объект, и это еще раз подтверждает, что **юxp* "озеро". Но как объяснить существование названия в двух формах? Возможно, оно было зафиксировано у носителей разных языков. В таком случае допустимо, что в XVI–XVII вв. эти языки еще существовали. Однако нельзя исключить, что различные звуковые варианты наименования бытовали уже у обрусевших финно-угров. Наконец, могло сказаться действие аналогии к широко распространенной основе *яxp*, известной и по топонимам в окрестностях Москвы. Так или иначе, наличие звуковых вариантов свидетельствует о том, что название функционировало в переходной зоне от ареала *юxp* к *яxp*. На это указывают и другие топонимические данные (см. карты 1, 2).

¹⁰ В настоящее время мерянские реконструкции еще очень условны. Учитывая фин. *järvi*, марийск. *jär* следует восстанавливать мерян. **jäxr*, но саам. *jaw're* дает возможность думать о **jaxr*. Соответственно допустимы варианты **juxr* и **jüxr* в языке нижней Клязьмы. Поэтому формы **jaxr* и **juxr* пока следует воспринимать как условное обозначение обоих вариантов реконструкции.

сужения корневого гласного. Серьезное подтверждение существования согласного ауслата в этих терминах и сужения корневого гласного, отраженного в **juxr*, находим в гидронимах с формантом *Vx* (*Вондух, Ландех, Люлих* и т.п.). Названия этого типа, имеющие согласный ауслат, характеризуются четким и плотным ареалом в нижнем течении Клязьмы (карта 3).

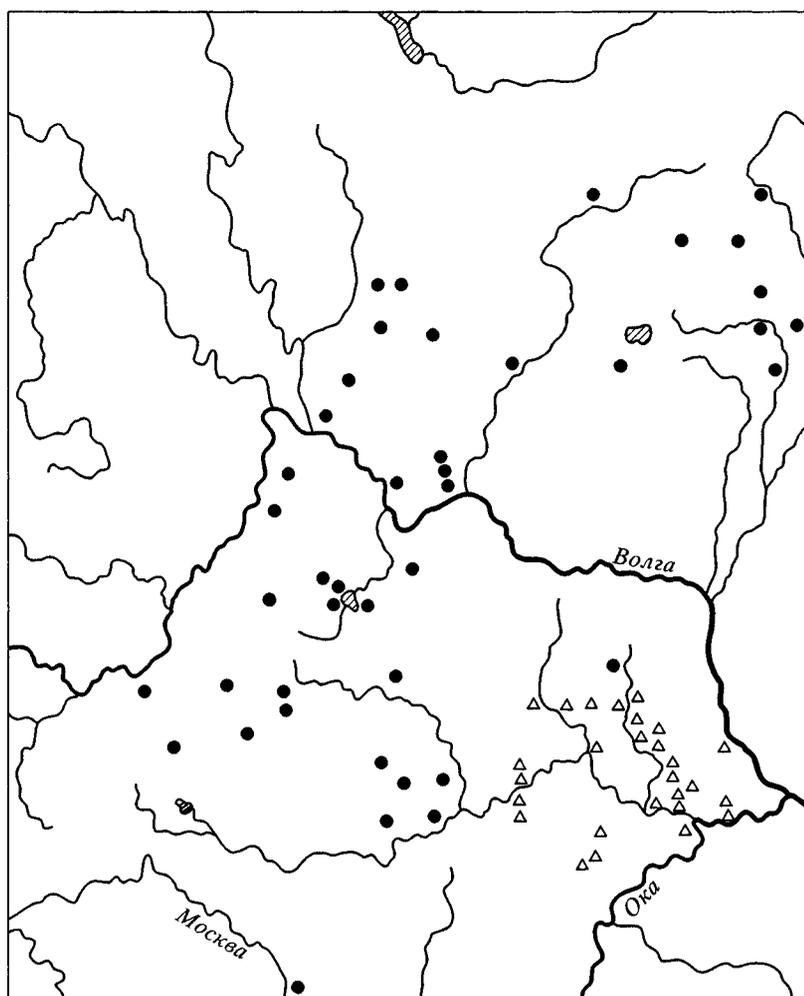
Начало изучению этого интересного гидронимического типа положил В.А. Никонов [Никонов 1960: 92–95]. Основываясь на фоностатистике, он гипотетически определил язык названий на *Vx* как "наложение архаичнотюркского слоя на финно-угорский". В.А. Никонов отнес ареал названий на *Vx* к бассейну Клязьмы и частично нижней *Оки*, но на карте в его статье они показаны на территории Рязанской области и крайнего юга Владимирской (южнее Муром). Е.М. Поспелов справедливо считает названия на *Vx* финно-угорскими и относит их ареал прежде всего к нижнему течению Клязьмы. Ему же принадлежит предположение, что исход этих названий связан с русской фонетической адаптацией $z > x$, и поэтому они могут быть сведены к субстратным гидронимам на *Vz* [Поспелов 1967: 12–13]. Г.П. Смолицкая указывает, что названия на *Vx* распространены главным образом в междуречье Клязьмы и Волги, хотя одиночные гидронимы встречаются и на правом берегу Клязьмы. На карте они воспроизведены точечным способом преимущественно в Ивановской области [Смолицкая 1974: 64–65]. О.Б. Ткаченко считает названия на *Vz* мерянскими [Ткаченко 1985: 73].

Картографирование показало, что гидронимы на *Vx* довольно компактно расположены в бассейне нижнего течения Клязьмы между ее устьем и местом впадения реки Увось, а частично также на прилежащем к этой территории левобережье *Оки* (см. карту 3), т.е. В.А. Никонов по существу верно определил ареал гидронимов на *Vx*, однако на опубликованной в его статье карте этот ареал оказался смещенным к югу, чему способствовал не очень точный штриховой способ воспроизведения ареала. Напротив, точечный способ прямо указывает на преобладание гидронимов на *Vx* в бассейне р. Лух и на прилежащей к нему территории по реке Клязьме между ее устьем и местом впадения Луха.

Сопоставление ареала *Vx* с ареалами этнопонимов, производных от *меря*, а также топонимов с основами *яxр* и *юxр* однозначно свидетельствует о том, что ареал *Vx* коррелятивен с зоной *юxр*, но не совпадает с территорией распространения основы *яxр* и этнопонимов, производных от *меря*. Это означает, что лимонимы с основой *юxр* и гидронимы на *Vx* были созданы не мерей, а каким-то другим финно-угорским этносом, для языка которого был в той или иной степени характерен согласный ауслат и сужение гласного в корне. Поэтому гидронимы на *Vx* должны сравниваться прежде всего с топонимами на согласный в ауслате (утратившими конечный гласный) и наличием сужения гласного в корне, а именно с часто встречающимся гидронимом *Юz* (ср. фин. *joki* "река") и многочисленными названиями рек на *Vr* типа *Нюрюг* в Костромской и Вологодской областях.

В.А. Никонов, анализируя звуковой состав гидронимов этого типа, указывает на широкую употребительность *y* в первом слоге [Никонов 1960: 93]. В этом без сомнения следует видеть отражение тенденции к сужению гласных. Добавим, что и в форманте *Vx* узкие гласные *y* и *и* характерны по крайней мере для половины фиксаций. Очевидно, этот язык был достаточно специфичен. Обращает на себя внимание полное отсутствие *ш* в ауслате, очень характерного как для марийского, так и мерянского языка звука, при довольно частой фиксации *с* (*Сасох, Саях, Сезух, Сердух, Серзух*).

На археологических картах бассейна Клязьмы показано очень мало памятников ниже устья Тезы, т.е. в зоне *юxр* и *Vx*. По преимуществу они находятся в бассейне Тезы и между Тезой и Лухом [Голубева 1987: 67–92]. Эти памятники квалифицируются как мерянские и муромские. При этом обращает на себя внимание почти полное отсутствие поселений и могильников (одно мерянское селище и один могильник на Тезе, два муромских могильника между Тезой и Лухом). Между тем топонимиче-

Карта 3. Другие коррелятивные ареалы ИМЗ.

- △ Гидронимы с формантом *Vx*.
- Ойконимы с формантом *бал, бол*.

ский материал [лимнонимы на *(V)xp(V)* и с основой *юxp*, гидронимы на *Vx*] очень богат для сравнительно небольшой территории. В то же время здесь не обнаружены явные этнопонимы. Трудно сказать, свидетельствует ли все это об образе жизни местного населения, например, об отсутствии постоянных жилищ. Остается открытым и вопрос об этнической привязке топонимического субстрата в этой зоне.

Можно попытаться в какой-то мере прояснить эту сложную картину, сопоставив уже полученные результаты лингвистического картографирования с ареалом одного из самых распространенных топонимических типов ИМЗ – ойконимов с формантом *бал, бол* (*пал, пол*) "селение" (см. о них [Vasmer 1935: 585–587; Попов 1974: 15–16, 22–23; Ткаченко 1985: 61–62]). Здесь нет необходимости рассматривать трудный вопрос о происхождении этого форманта и его связях с аналогичными формантами на других территориях, поскольку нас интересует главным образом ареал ойконимов на *бал, бол* в ИМЗ. Но следует заметить, что А. Альквист, признавая типичность названий на *бал, бол* для мерянских земель, тем не менее не идентифицирует их как мерянские [Альквист 2000а: 18]. В то же время попытки привлечь факты, относящиеся к другим

территориям [Альквист 2000а: 31–32], не способствуют решению вопроса. Гидронимы *Кундоболка* и *Пиченбал* относятся к бассейну Цны намного южнее ИМЗ. Если даже они восходят к ойконимам на *бал, бол*, что еще необходимо доказать, то могут быть не мерянскими, а принадлежать какому-нибудь другому финно-угорскому этносу, быть перенесенными в эти места группой мигрантов и т.п. Все такие факты, конечно, достойны внимания и должны тщательно изучаться, но в качестве аргумента они в настоящее время неприемлемы, так как не образуют ни системы, ни ареала.

Ареал ойконимов на *бал, бол* (карта 3) прежде всего показателен в том отношении, что соответствует зонам распространения этнопонимов, образованных от *меря*, и гидронимов с основой *явр*. Это, как и ойконим *Яхробол* (см. 2), бесспорное доказательство принадлежности топонимических элементов *явр* "озеро" и *бал, бол* "селение" к мерянской лексике. На это же указывает отсутствие названий на *бал, бол* в пределах ареала гидронимов на *Vx* (карта 3) и зоны *ювр* (карта 2), что еще раз свидетельствует о специфике субстратной топонимии нижнеклязьминского субрегиона и о том, что она, по-видимому, была создана не мерей, а каким-то другим финским народом. Единичное для нижнеклязьминской зоны название *Юхроболево* в этом отношении непоказательно, так как находится на краю ареала *бал, бол* в переходной зоне от языка **jaxr* к языку **juxr*. Хотя оно указывает, что лексический элемент *бал, бол* мог быть известен не только мерянам, но и нижнеклязьминцам, в условиях смешения языков, характерного для переходных зон, значение этого факта преувеличивать не стоит. Если в зоне гидронимии на *Vx* в дальнейшем не будут обнаружены реликты субстратной ойконимии, это будет указывать и на особенности образа жизни древнего населения. Ввиду отсутствия специфической этнопонимии проблематично и его длительное сосуществование с русскими.

5. НАЗВАНИЯ ОЗЕР С ФОРМАНТОМ *Vp(V)*

Названия с формантом *Vp(V)*, обычно *ep(o)*, *op(o)*, А. Альквист считает домерянскими, т.е. субсубстратными, распространенными на территории центральной мери [Альквист 1997: 29–30; 2000а: 18, 23]. Естественна надежда, что опыт выявления домерянских субсубстратных названий, вызывающих большой интерес, будет соответствующим образом обеспечен методически.

А. Альквист оставляет открытым вопрос о происхождении субсубстратных названий и о том, какой этнос предшествовал мерянам, ограничиваясь указанием, что это были финно-угры [Альквист 2000а: 23]. О контактах русских с создателями субсубстратной топонимии Альквист ничего не пишет. Как называли себя носители субсубстратного языка, неизвестно: никаких следов их имени в русской топонимии не обнаружено. Следовательно, опоры в этнопонимии тоже нет. Поэтому, обращаясь к столь древнему слою названий, прежде всего необходимо было учитывать апробированный принцип, согласно которому более древние наименования лучше сохраняются в гидронимии, а в ойконимии и микропонимии субсубстрат маловероятен. Исходя из этого, предполагаемый субсубстрат в первую очередь следовало искать в названиях рек, т.е. пытаться выявить основу *Vp(ep, op* и т.п.) "озеро" в гидронимии. Но в мерянской этнопонимической зоне нет ни одного сколько-нибудь убедительного примера гидронимии с основой *Vp*. В материалах А. Альквист приводятся только топонимы с аулаутом *Vp(V)* [Альквист 2000а: 19–24] и безусловно русское название реки *Ярцевка*, связанное с широко распространенной русской фамилией *Ярцев* [Унбегаун 1989: 74; Федосюк 1996: 264], засвидетельствованной еще в XVI в. [Веселовский 1974: 381], и с многочисленными ойконимами *Ярцево*. Антропоним *Ярцев* восходит в конечном счете к русскому *ярый* [ЭСРЯ 1996, IV: 562]. Между тем для сохранившегося субсубстрата характерны прежде всего основы, тогда как форманты, особенно географические термины по происхождению, в процессе усвоения языком субстрата эллиптируются, стираются, калькируются и т.п. Таким образом, возникает "нештат-

ная ситуация": обозначение озера высокочастотно в субстрате, но совсем не представлено в основах субсубстрата. Примечательно и другое: собственно мерянские, т.е. субстратные, лимнонимы с формантом (*V*)*xp(V)* в зоне *яxp* почти не сохранились, поскольку в тех местах нет значительных групп озер и соответственно комплексов озерных названий (подробнее см. выше), однако, как полагает А. Альквист, там уцелели субсубстратные названия озер. Уже два эти обстоятельства вынуждают обратиться к принципам отбора материала, которыми руководствуется Альквист.

Выявление как субстратных, так и предполагаемых субсубстратных названий А. Альквист связывает с двумя критериями – фонетическим (наличие звуковых комплексов *xp(V)* или *Vp(V)* в ауслaute топонима, рассматриваемых как формант, восходящий к слову со значением "озеро") и географическим (поскольку не каждый субстратный топоним, который содержит сочетание *xp* и *Vp*, является лимнонимом, название должно соотноситься с озером, существующим в настоящее время или существовавшим в прошлом). Таким образом, фонетический критерий позволяет обнаружить название, а географический – подтвердить его связь с объектом (озером). Однако топонимическая действительность сложна, и обычно этих критериев недостаточно.

Прежде всего должен учитываться а р е а л ь н ы й критерий. Выявляя названия на *ep*, *op*, *ap*, А. Альквист обнаруживает их в рязанских и тамбовских землях, ср. лимнонимы *Пумерки*, *Папорки*, *Вечерки*, *Катерки*, *Кужарки* и т.п. [Альквист 2000а: 24], хотя эти территории находятся за пределами ИМЗ. Необходимо считаться и структурным критерием: в лимнонимах типа *Пумерки* и т.п. выделяется не формант *Vp(V)*, а *Vрки*, который явно соотносится с мордовским названием озера *эрьке*. Наконец, вспомним о с е м а н т и ч е с к о м критерии, в соответствии с которым географический термин, скрытый в форманте, должен соответствовать виду обозначаемого объекта, т.е. название с озерным формантом должно обозначать именно озеро, а не что-либо иное. Если же это не так, должно быть найдено адекватное объяснение. Семантический критерий предполагает, что значение форманта уже известно и остается только подтвердить его, обращаясь к реалиям, тогда как географический критерий связан с использованием реалий в качестве аргумента для установления значения. Естественно, что его применение требует большой осторожности. Рассмотрим с этой точки зрения топонимы, в которых, по мнению А. Альквист, следует выделять субсубстратный озерный формант *Vp(V)* [Альквист 2000а: 20–24].

В общей сложности приводится до 30 названий с ауслаутом *Vp(V)*, среди которых собственно лимнонимом является только название озера *Неро* и, может быть, озера *Вочеровское* (ср. ойконим *Вочерово*, если он образован от лимнонима **Вочер*), но это наименование относится к территории костромской мери, а не центральной. Кроме того, в перечне 4 гидронима, включая *Ярцевка* (о нем см. выше), 20 названий населенных пунктов и несколько наименований угодий. Если сопоставить эти данные и сведения о названиях с формантом (*V*)*xp(V)*, которые регулярно соотносятся с озерами, то окажется, что в субсубстрате господствуют ойконимы и микротопонимы (с точки зрения А. Альквист, бывшие лимнонимы), а в субстрате – собственно лимнонимы, но такой вывод противоречит обычному историческому соотношению: названия водоемов древнее наименований населенных пунктов и угодий. К тому же большинство названий на *Vp(V)* относится к числу посессивных (среди лимнонимов на (*V*)*xp(V)* их нет).

Исправить положение может только ссылка на географический объект – озеро, но поскольку в большинстве случаев озера отсутствуют, активно используется предположение о том, что они были в прошлом. К чему это приводит, видно из следующих образцов применения географического критерия. Доказательствами существования озера считаются: болото или болотистая местность – *Биберево*, *Пихирево* [Альквист 2000а: 22], *Сахотское/Сахорское* [Альквист 2000а: 23], *Сандыревское* [Альквист 2000а: 24], хотя далеко не каждое болото когда-то было озером; болото, которое стало "после торфоразработок водоемом под названием *Озеро*" – *Котюрово* [Альквист

2000а: 20], хотя болото, ставшее водоемом после торфоразработок, никак не могло приобрести субсубстратное название; низменность – *Мандрово, Шошуриха* [Альквист 2000а: 23]; низина, называемая *Дол – Котрохово* [Альквист 2000а: 20]; воспоминания жителей о том, что около 1000 лет тому назад было озеро – *Киучер* [Альквист 2000а: 22]; сведения о том, что "весной вода поднимается даже до самой деревни" – *Суборь* [Альквист 2000а: 23]; "местность вокруг состоит из болот, часть из которых могли быть раньше озерами" – *Хомерово* [Альквист 2000а: 23]; собственное соображение о том, что у деревни "вполне могло быть озеро" – *Шабурново* [Альквист 2000а: 23], "окружность сел... с руслом речки и оврага... вполне подойдет для существования некогда здесь небольшого озера" – *Шугорь* [Альквист 2000а: 21], "можно выделить озерный суффикс *-er* уже на основании наличия реки *Вожа*... в близлежащей местности" – *Вожерка* [Альквист 2000а: 23], но река *Вожа* находится более чем в 100 километрах от реки *Вожерка* и, кроме того, на основе чисто формального подхода из этого гидронима невозможно извлечь лимноним: группа *Vp* может и не быть формантом; далее уже об ойкониме *Ожарово* говорится, что он является "параллельным" названием к *Вожерка* [Альквист 2000а: 23], что неправдоподобно без исторического и лингвистического обоснования.

Иногда подобного рода рассуждения подкрепляются ссылками на других авторов, создающими видимость аргументации. Так, об ойконимах *Вокшер(ы), Вокшерино* и названии реки *Вокшерка* говорится, что М. Фасмер [Vasmer 1935: 360, 386, 387] связывает их с марийск. *βakšär* "пруд", "в окончании которого выделяется" *jär* "озеро" [Альквист 2000а: 23]. Фасмер, по-видимому, прав, но он доказывает, что это мерянские названия и что мерянский язык близок к марийскому, т.е. речь идет о субстрате, между тем как А. Альквист ссылаясь на Фасмера, пытается обосновать субсубстратное происхождение топонимов. Далее констатируется, что "в прошлом здесь были пруды, а в настоящее время в этих местах два озера... В том же сельсовете расположена деревня *Сендерево*" [Альквист 2000а: 23–24]. Однако о смежности деревни *Сендерево* и озерков сведения не приводятся, поэтому все эти рассуждения ничего не доказывают. Кроме того, ойконимы *Вокшеры* и *Вокшерино* явно вторичны: *Вокшеры* <*вокшеры* "жители деревень по реке Вокшера" (ср. *кокишары* "жители деревень по реке *Кокшеньга*" и т.п.), а ойконим *Вокшерино* соотносится с широко распространенной уже в XVI в. фамилией *Вокшерин* [Веселовский 1974: 70; Акты 1952: 430–432, 435; Акты 1964: 71, 426, 476].

Так как речь в основном идет об ойконимах, этих фактов, наверное, достаточно для того, чтобы убедиться в некорректном применении метода географических реалий для доказательства предположения о субсубстратном происхождении названий с формантом *Vp(V)*. Стоит, однако, взглянуть на проблему несколько шире: насколько вообще эффективен прием массового сопоставления фактов языка с географическими объектами в интерпретации А. Альквист. Уместно в этой связи еще раз обратиться к топонимам с основой *яxр* (см. 2) и формантом (*V*)*xр(V)* (см. 3). Может быть в этом случае факты более убедительны? Но и здесь характер сопоставлений и ссылок не меняется. Лимнонимами по происхождению считаются названия болот *Грашнево, Семиградовское* [Альквист 2000а: 25], *Софроново* [Альквист 2000а: 26], *Ядрениха* [Альквист 2000а: 24], низменных лугов *Бекрево, Пахрино* [Альквист 2000а: 25], покоса *Харило* [Альквист 2000а: 26], леса с болотом *Хрениха*, леса *Ядрево* [Альквист 2000а: 24], населенного пункта "рядом с болотистой местностью" *Епихарка*, бывшего населенного пункта *Похрино*, деревень *Кренево* и *Харино*, поскольку здесь "раньше, по всей видимости, было озеро" [Альквист 2000а: 25]. И в этом случае господствуют ойконимы и наименования угодий. Лимнонимов почти нет.

Хорошо известному методу проверки реалиями [Матвеев 1960: 117–118; Попов 1965: 134–136] А. Альквист придает настолько большое значение, что в лингвистической работе он выходит на первый план, а отсутствие соответствующих фактов

вынуждает исследователя использовать неадекватный материал. Отсюда же идут и настойчивые рекомендации Альквист "тестировать гипотезы у местного населения" [Альквист 2000а: 17], хотя хорошо известно, что информация старожилов бесценна при изучении топонимии живого языка, но почти всегда бесполезна при изучении древнего субстрата и тем более субсубстрата (ср. [Попов 1965: 63–67]).

Таким образом, если сопоставить названия, которые А. Альквист рассматривает как "озерные", с реалиями, то в отличие от наименований рек с основой *яxр* и озер с формантом (*V*)*xр(V)*, сразу обнаруживается, что в подавляющем большинстве случаев мы имеем дело не с теми объектами, на которые должны указывать такие топонимы (озера), а с другими, чаще всего названиями смежных деревень. Разумеется, метонимия очень широко распространена в топонимии и сама по себе модель лимноним > ойконим высокочастотна, но наличие метонимии и ее обусловленность требует не только географического, но и лингвистического обоснования. Географический критерий бесспорно очень важен. Он может успешно использоваться в топономастике как для поиска, так и для проверки топонимических решений, но его нельзя абсолютизировать. Тем не менее главенствует лингвистическая оценка материала, опирающаяся, естественно, на исторические и географические данные. Она со своей стороны не позволяет согласиться с гипотезой Альквист о субсубстратных названиях на *Vp(V)*. И хотя уже сказанного ранее достаточно, чтобы отвергнуть предлагаемые интерпретации, обратимся к собственно лингвистической и в первую очередь этимологической стороне вопроса.

Топонимы с аусллаутом *Vp(V)*, который рассматривается как формант, образуют две группы: первую, очень небольшую, куда входят субстратные названия природных объектов (рек, озер, болот), и вторую, намного более значительную, из названий населенных пунктов, которые восходят к русской ономастике и диалектной лексике, в том числе и иноязычной по своим истокам.

В первой группе наибольшие споры вызывают названия озера *Неро* и реки *Которосль*.

В свое время автор высказал предположение о том, что название *Неро* мерянского происхождения и родственно фин. *meri* "море", поскольку *Неро* и другие озера ИМЗ (Ростовское, Галичское), для которых с некоторыми оговорками восстанавливается то же древнее название, на этой территории самые большие озера [Матвеев 1978]. Семантическая модель "море" > "большое озеро" хорошо известна. А. Альквист тоже полагает, что *Неро* имеет значение "Большое озеро", но связывает этот лимноним с фин. *epo*, морд. *ине* – "большой" и озерным формантом *Vp(V)*, при этом название считается домерянским и, следовательно, субсубстратным. Характер этого субсубстрата не устанавливается, но приводятся все эквиваленты фин. *järvi* – "озеро", включая мордовские и марийские [Альквист 2000а: 22; подробнее Ahlqvist 1998].

У этой версии, однако, много уязвимых мест. Прежде всего, вопреки А. Альквист, в зоне центральной мери ареал лимнонимов на *Vp(V)* не прослеживается. Только в пойме Клязьмы есть разрозненные названия этого типа (см. подробнее ниже). Спорен и фонетический аспект этимологии, поскольку как существование, так и исчезновение гласного в анлауте трудно доказать: 1) приходится допустить, что произошел перенос ударения на второй слог. т.е. **iner(o)* или **éner(o)* > **inér(o)*, **enér(o)*, а в финно-угорской субстратной топонимии это происходит очень редко; 2) сколько-нибудь убедительные случаи исчезновения начальных гласных в финно-угорском топонимическом субстрате пока не зафиксированы, а если они и будут выявлены, то окажутся в числе уникальных; в лексических заимствованиях из финно-угорских языков это явление вообще не наблюдается [Калима 1919; Матвеев 1959]; 3) начальный гласный в других топонимах ИМЗ с основой *ин(V)*, как правило, сохраняется (*Инохта*, *Инокша*¹¹,

¹¹ Основу *ин* в гидрониме *Инокша* сопоставлял с морд. *ине* "большой" уже С.К. Кузнецов [Кузнецов 1910: 122].

Иноваж, Иней, Иночь, Инюха и др.), поэтому его афферезис в *Неро* выглядит аномально; 4) нет никаких исторических свидетельств, которые позволили бы реконструировать форму **iner(o)* или **ener(o)*.

В свете всего сказанного этимология А. Альквист не внушает доверия. Кроме того, предположение о том, что меряне называли словом *Неро* три самые крупные озера в различных частях ИМЗ, плохо согласуется с версией о его субсубстратном происхождении и утрате начального гласного: такая однотипность аномальной эволюции на разных территориях маловероятна. Поэтому логичнее видеть в слове *Неро* не стертую атрибутивную конструкцию, восходящую к некоему субсубстрату, а мерянский географический термин, который стал топонимом.

Субсубстратным считается и название реки *Которосль* [Альквист 1997: 34, 2000а: 20], ранее часто *Которость*, а в памятниках XIV–XVI вв. регулярно *Которось*, ср. "в реке в Котороси" [Акты 1964: 205, 208, 210, 217–218, 220, 222–224, 226–231]. Эти фиксации свидетельствуют, что формы *Которость*, *Которосль* являются более поздними, возможно, народно-этимологическими русскими образованиями, из которых А. Альквист и извлекает лимноним **Которо*. Название луга *Котрас* у истока реки *Которосль*, недавно зафиксированное лично Альквист, а также наименование болота *Котрас* (по Альквист), в материалах ТЭ УрГУ ручья *Котрас*, притока Лежи в Грязовецком районе Вологодской области, при обсуждении вопроса о происхождении гидронима *Которосль*, несомненно, имеют решающее значение, так как совершенно ясно, что именно форма *Котрас* является рефлексом древнего финно-угорского гидронима, которая сохранялась у постепенно утрачивающих свой язык мерян Ярославщины и Вологодчины. Первичность этой формы как раз и доказывает вологодский гидроним *Котрас*, не имеющий параллельных образований. Подростовские меряне тоже сохранили это название, но уже в результате метонимии применительно к лугу в истоке реки, наименование которой утвердилось в адаптированной русской форме (*Котрас* > *Которось* > *Которость*, *Которосль*). Эта форма является, таким образом, более поздней.

Фиксация двух названий *Котрас* лишает все прочие параллели, которые в обилии приводит А. Альквист, какой-либо доказательной силы, поскольку речь должна идти об исходной форме **kotras* (высокочастотное финно-угорское образование с суффиксом *-as*), а не **kotoro*. Что касается очень близкого к *Котрас* костромского *Котрость* и архангельского *Котрость*, то они, видимо, были перенесены в эти места русскими или уже утрачивающими свой язык мерянами.

В фонетико-морфологическом развитии *Котрас* > *Которосль* следует выделить три момента: 1) субституцию *a* в старом заимствовании (возможно X–XI вв.) как *o* [Kalima 1919: 46–47], что при сохранении формы **kotras* в языке самих мерян дает важную относительную хронологию: полное обрусение мери произошло уже после того, как финское *a* стало восприниматься как русское *a*; 2) в реконструируемой форме **Котрос* под влиянием двух гласных *o* возник энентетический *o* перед плавным и создалось своего рода компенсационное "полногласие" – **Которос*, неудивительное для слова с обилием глухих согласных (*к–т–с*) и консонантной группой *тр*; 3) на одном из этапов (*Котрас* > **Котрос* > **Которос*) название реки, как это часто бывает, стало существительным женского рода, что и повлекло смягчение конечного согласного.

Поскольку в первоначальной форме **kotras* нет никаких признаков озерного форманта, а реконструкция **kotoro* извлечена из более поздней русской формы, компонент *VpV* (*оро*) в *Которосль* должен рассматриваться как псевдоформант. Следовательно, гидроним *Которосль* не имеет никакого отношения к постулируемому субсубстрату.

По той же причине не может быть субсубстратным и отлимнонимическим название покоса *Мандрово* [Альквист 2000а: 23], по-видимому, заимствованное русскими у мест-

ного населения, но не содержащее озерного форманта $Vp(V)$. В то же время существование основы *мандр* подтверждается наименованием поля *Мандриха* (Верховажский район Вологодской области) и луга *Мандруха* (Красноборский район Архангельской области).

Еще два названия недостаточно верифицированы. О наименовании болота *Сахотское* говорится, что оно может быть отнесено к топонимам на $Vp(V)$, "если приведенный для него вариант *Сахорское* правильный" [Альквист 2000а: 23], но варьирование $p \sim t$ в русском языке представить невозможно. Фактически во всех надежных источниках указывается болото *Сахотское*, или *Сахта*, в котором берет начало река *Сахта*, приток Ухтомы. О названии *Сеяр*, которое упомянуто в сотной 1562 г. Махрищского монастыря (Переславский уезд), М.И. Смирнов пишет: "деревня Запрудное на Сеяре Слободского стана" [Смирнов 1929: 69]. А. Альквист со своей стороны указывает с ссылкой на архив РГАДА, что в этой сотной содержатся упоминания о реке *Сеяре* и реке *Сере* и хотя об озере не говорится, но название деревни Запрудное дает право предполагать наличие здесь в XVI в. какого-то небольшого водоема [Альквист 1997: 29; 2000а: 22]. Перенос названия озера на реку вероятен, локализовать это название тоже нетрудно, так как и поныне существует село Махра на реке Молокча близ города Александров Владимирской области. Проблема в другом: чуть ниже села Махра Молокча, сливаясь с рекой Сера, образует реку Шерна. Поскольку в сотной упоминаются реки *Сера* и *Сеяр(а)*, возникает вопрос, не одно ли это название. Могут быть даны разные объяснения (в том числе и просто ошибка писцов), но поскольку нет прямого указания на то, что *Сеяр* – озеро, а в настоящее время нет и названия *Сеяр(а)*, водоем же именуется Махринским озером или просто Озером [Альквист 2000а: 25], пока нет никаких оснований относить название *Сеяр* к субстратным лимнонимам.

Нет смысла останавливаться еще на двух явно субстратных по звуковым характеристикам названиях – *Киучер* [Альквист 2000а: 22] и *Шугорь* [Альквист 2000а: 21]. В принадлежности первого к лимнонимам сомневается сама Альквист, а его происхождение не обсуждается. Этимология второго, конечно, спорна, но Альквист только приводит разного рода факты, которые, с ее точки зрения, свидетельствуют против мерянского или марийского происхождения этого ойконима. Свою точку зрения она не высказывает. Поскольку верификация географической реалии в данном случае дает отрицательный результат (см. выше), версия о субстрате отпадает, а чисто этимологический спор в контексте этой статьи вряд ли необходим.

Ряд названий населенных пунктов, которые А. Альквист считает субстратными лимнонимами, находит объяснение в русской ономастике и диалектной лексике. Среди них есть этимологически совершенно прозрачные, но есть и "темные", субстратное происхождение которых, тем не менее, не подтверждается фактами. Во избежание повторений подчеркнем сразу, что при выявлении топонимических (прежде всего ойконимических) параллелей, выяснялось, имеются ли озера близ соответствующих объектов (населенных пунктов и т.п.): лимнонимичность субстратного топонима могло бы подтвердить существование аналогичных названий и соответственно наличие озер, если же они отсутствуют, приходится считать предположение об "озерности" ошибочным. По данным карт масштаба 1 : 200000 и 1 : 100000, а также картотеки ТЭ УрГУ озер во всех случаях нет.

В русских диалектных словах, которые проникли и в ономастику, находят объяснение ойконимы *Котюрово*, *Суборь*, *Шабурново*.

Котюрово (*Котурёво*) [Альквист 2000а: 20], ср. вологодское *котюр* "груда, ворох, куча", *котюром* "в большом количестве" [СРНГ, 15 : 118]. Форма *котюром* (ср. *Котурёво*) зафиксирована в костромских говорах [СРНГ, 15: 114]. В русской ономастике засвидетельствованы фамилия *Котюров*, деревня *Котюрова* (Камышловский район Свердловской области), луг *Котюрёв Лог* (Межевской района Костромской области).

Суборь [Альквист 2000а: 23], ср. диалектное *суборь* "хвойный лес", "переходный тип от бора к тайге", "в Среднем Поволжье – сосново-еловые леса, более увлажненные и замшелые, чем боры" [Мурзаев 1984: 529], вологодское и костромское "переход от чистого леса к таежному или от леса к болоту" [ТЭ УрГУ]. Образовано от *бор* по той же модели, что и другие слова, обозначающие переходные состояния: *суболоть* (<болото), *супесь*, *суморось* и т.п. В топонимии: лес *Суборь*, деревня *Субориха* в Костромской области, деревня *Суборь* – в Тверской, деревня *Суборная*, болото *Суборное* – в Вологодской и т.п.

Шабурново [Альквист 2000а: 23]¹², ср. вологодское, вятское *шабур* – "рабочий армяк" [Даль, IV: 618], *шабурный* – прилагательное к *шабур* [ТЭ УрГУ]. В ономастике – фамилия *Шабуров*, деревни *Шабуриха* (Ивановская область), *Шабурь*, *Шабурово*, *Шабурская* (Кировская область), остров *Шабурный* (Великоустюгский район Вологодской области).

В тех случаях, когда нет диалектных соответствий или они пока не обнаружены, показательные параллели могут быть выявлены в ономастике как с этимологически ясными, так и темными корнями. Так, для названия *Сандыревское болото* находим многочисленные соответствия в топонимии: пустошь *Сандырево* [Смирнов 1929: 67], бывшая деревня *Сандырево* в Костромской области, две одноименных деревни в Ярославской, по одной в Ивановской и Вологодской, две в Архангельской, деревня *Сандырево* в Тверской, деревня *Большие Сандыри* в Ивановской и т.п. В русском антропонимиконе упоминается *Сандырь* кн. Иван Дмитриевич Щетинин, начало XVI в. [Веселовский 1974: 279]. Гипокористика *Сандр* от *Александр* засвидетельствована в русской антропонимии [СРЛИ 1995: 36], причем в живом произношении, как правило, развивается эпентеза между конечными согласными (*Сандыр*¹³, *Сандор* и т.п.). Вполне вероятно, однако, что часть топонимов с этой основой восходит уже к именнику волжских финнов, ср. марийск. *Сандыр* < *Александр* [Черных 1995: 396].

Название ярославской деревни *Биберево* относится к "темным", но имеет такие соответствия в топонимии, как ойконим *Биберево* в Ивановской области (близ города Иваново) и в Краснохолмском районе Тверской, названия деревни *Биберево* в окрестностях города Западная Двина в Тверской области и поля *Биберево* в Устюженском районе Вологодской [ТЭ УрГУ], ср. еще фамилию *Бибирин* [Веселовский 1974: 38]. Другое "темное" название – покос *Шошуриха* также находит соответствия в топонимии: деревня *Шошурово* близ Сольвычегодска, лес *Шошура* в Усть-Кубинском районе Вологодской области, поле *Шошурово* в Вельском районе Архангельской [ТЭ УрГУ]. В свете этих данных говорить о какой-либо "озерности" топонимов *Биберево* и *Шошуриха* не приходится.

Особого внимания заслуживают названия нескольких деревень, расположенных близ берегов озера Неро (*Нажеровка*, *Козарка*, *Кустерь*, *Чучеры*). Дело в том, что А. Альквист, используя "Карту реконструкции береговой линии оз. Неро", составленную В.А. Низовцевым [Альквист 2000а: 19], пытается показать взаимосвязь этих ойконимов с ауслатом *Vp(V)* и предполагаемых береговых линий мелких озер в период максимальной трансгрессии Неро. Сам по себе такой прием эффективен, но он требует достаточно критичного взгляда на "показания" реалий, а также учета языковых данных. Если *Нажеровка* и *Чучеры* находятся поблизости от реконструируемых мелких озер, хотя и не на их берегах, то *Козарка* и особенно *Кустерь* настолько удалены от них, что даже не попали на карту (см.). Существеннее, однако, лингвистическая сторона. Название деревни *Нажеровка* [Альквист 2000а: 21] имеет точные

¹² А. Альквист приводит и форму *Шаборново*, но в доступных нам источниках только *Шабурново*, как и у М.И. Смирнова [Смирнов 1929: 82].

¹³ В детские годы соседские ребята так называли и автора статьи.

соответствия в двух ойконимах *Нажерово*, относящихся к Ивановской и Костромской областям (в обоих случаях озер нет). Эти ойконимы, видимо, восходят к какому-то нерусскому имени, что в топонимии ИМЗ и РС встречается очень часто, ср. например, марийское личное имя *Назера* "Цветущая", "Красивая" [Черных 1995: 295]. Название деревни *Козарка* (в источниках также *Казарка*) может получить разные объяснения, особенно учитывая колебание *о ~ а* в первом слоге, но особенно популярны в русской антропонимии и топонимии наименования, связанные с этнонимом *козарин*, *козаре* "хозары" [ЭСРЯ, II: 278], который через стадию коллективных и индивидуальных прозвищ внедрился в русскую ономастику. Фамилии *Козарин*, *Казарин*, *Козаринов*, *Казаринов* (см. [Унбегаун 1989: 109, 114]), топонимы *Козарино*, *Козариново*, *Козариха*, *Казары*, *Казарино*, *Казарка*, *Казаркина* и т.п. очень распространены. Исключить этот вариант происхождения ойконима *Козарка* невозможно. Параллелями к ойкониму *Кустерь* [Альквист 2000а: 22] являются название болота *Кустарь* в Белозерском районе Вологодской области и имена ростовского крестьянина *Кустерь* и новгородского крестьянина *Василий Куст* [Веселовский 1974: 274]. Трудно сказать, антропоним *Кустерь* предшествует топониму или топоним антропониму, но и в этом случае вряд ли удастся доказать, что ойконим восходит к субстратному лимнониму.

Особенно интересно название бывшей деревни *Чучеры*, около которой реконструируется мелкое озеро в период максимальной трансгрессии [Альквист 2000а: 22]. Однако и это весьма соблазнительное предположение приходится отклонить, поскольку есть одноименное село *Чучеры* в Великоустюгском районе Вологодской области, где нет никакого озера. Очень вероятно, что здесь не субстратная основа, которая выступает в *Чучебала* (см. об этом названии [Матвеев 1996: 7]), а русское диалектное *чучь* – "легендарное древнее племя, чудь" [ТЭ УрГУ] или *чуча* [Агеева 1970: 198–199], которое сохранилось и в названии деревни *Чучи* Кировской области. Ср. также: *Чуча*, новгородский крестьянин [Веселовский 1974: 358], *Чучин* – фамилия в Пошехонском районе Ярославской области [ТЭ УрГУ], *Чучино*, пустошь [Смирнов 1929: 90]. Ойконим *Чучеры* может рассматриваться как усилительная экспрессивная форма, ср. *Балдара* – усилительное к прозвищу *Балда* [Поротников 1970: 50], ср. еще "темное" слово *шушера* "хлам, старье", "шваль, сброд", "дрянной человек" [ЭСРЯ, IV: 493], возможно, имеющее какое-то отношение к *чучера*. В топонимии закреплено множественное число *Чучеры* (ср. в вологодской ойконимии *Задние Чуди*, *Средние Чуди* и т.п.), обычное для топонимов, возникших из коллективных прозвищ, в том числе и образованных на основе этнонимов (ср. распространенные названия деревень *Болгары*, *Мещеры*, *Татары*, а также наименования жителей какой-нибудь территории *вокишеры*, *кокишеры* и т.п.). Воздействие моделей этих наименований на форму коллективного прозвища, которое затем стало ойконимом, также очень вероятно.

Результаты сопоставления географических и языковых характеристик субстратных названий ИМЗ и предположительно субсубстратных лимнонимов представлены в таблице.

Таблица свидетельствует о принципиальных различиях языковых и географических характеристик субстратных и субсубстратных (?) названий. Эти различия указывают, во-первых, на неадекватность доказательной базы наличия субсубстрата (?) (пункты 3, 4, 7, 8), а во-вторых, на такую противопоставленность субстрата и субсубстрата (?), которая необычна для топонимической стратиграфии (пункты 2, 5, 6) и в значительной степени может быть объяснена с помощью данных русского языка (пункты 5, 6). Все это позволяет усомниться в существовании субсубстратного лимнонимического ареала $Vp(V)$ в зоне центральной мери.

Возникает вопрос, существуют ли вообще лимнонимы на $Vp(V)$ в ИМЗ, и, если они есть, то могут ли считаться субсубстратными. Оказывается, такие наименования имеются, но, за исключением *Шагара* [Альквист 2000а: 21], их нет среди тех, которые

1. Стратиграфический пласт	Субстрат	Субсубстрат (?)
2. Основа и формант со значением "озеро"	основы <i>яхр</i> , <i>юхр</i> , формант (<i>V</i>) <i>xp(V)</i>	основа не засвидетельствована, формант <i>Vp(V)</i>
3. Виды обозначаемых объектов в настоящее время	реки с озерами, озера	преимущественно населенные пункты, а также болота и угодья
4. Виды объектов, предполагаемых в прошлом	реки с озерами, озера	озера
5. Русская словообразовательная аффиксация, включая притяжательные аффиксы	очень редко	очень часто
6. Этимологизация названий на основе русского языка	исключена	во многих случаях
7. Наличие лимнонимического ареала	четкие лимнонимические ареалы	нет оснований для выделения ареала
8. Наличие коррелятивных ареалов	выявлены	о других субсубстратных типах данных нет

приводит А. Альквист. Это обозначения ныне существующих озер: *Бисерово*, *Васкерово*, *Каиро*, *Кендур*, *Кишара* (*Кцара*), *Мстёра*, *Нетчерское*, *Питкер*, *Унаур*, *Шагара*, *Шуморское* (*Шумерское*). Большинство из них относится к пойме нижней и средней Клязьмы. Автор не без сомнения включил в этот перечень *Бисерово* и *Васкерово*, поскольку они содержат притяжательные аффиксы. Не учтены были лимнонимы *Катурки* и *Кусторка*, связанные с северной периферией ареала *Vpk(V)*, расположенного южнее, и имеющие формант, родственной мордовскому *эрьке* "озеро".

Зона распространения лимнонимов на *Vp(V)* находится значительно южнее озера Неро, название которого, таким образом, нельзя объединять с этими наименованиями. В то же время клязьминские лимнонимы на *Vp(V)* оказываются в пределах ареалов топонимов с формантом (*V*)*xp(V)* и основами *яхр* и *юхр*. Допуская, что формант *Vp(V)* имеет значение "озеро", можно было бы предположить, что в пойме Клязьмы эти названия являются субсубстратными, но ввиду их малочисленности, рассредоточенности, структурной разнородности и, наконец, отсутствия каких-либо других данных о предполагаемом субсубстрате, вероятнее видеть в них частью результат русского освоения лимнонимов на (*V*)*xp(V)* или на *кор*, *кур* (*Васкерово*, *Питкер*), частью периферийные названия более южного ареала топонимов на *ур* (*Кендур*, *Унаур*), частью какой-то адстрат, хронологическое соотношение которого с мерянскими топонимами пока не установлено. Эта пестрая картина типична для пограничных зон, куда легко проникают различные чужеродные элементы и где происходит интенсивное языковое взаимодействие, разрушающее традиционные топонимические системы. В старину Клязьма была, по-видимому, одним из таких рубежей. Есть некоторые основания выделять в предполагаемом адстрате элементы, близкие к прибалтийско-финским (ср. *Васкерово* – фин. *vaski* "медь", *Мстёра* – фин. *musta* "черный", *Питкер* – фин. *pitkä* "длинный"), но данных мало и предлагаемые этимологии, кроме *Мстёра*, ненадежны (ср. выше о *Васкерово* и *Питкер*).

Поскольку все анализируемые лимнонимы по происхождению связаны с финскими языками, а форманты в конечном счете восходят к одному источнику (как и фин. *järvi*. саам. *jav're* "озеро" и т.п.), возникает вопрос о соотношении (*V*)*xp(V)* и *Vp(V)*, тем более что А. Альквист считает *Vp(V)* более древним формантом [Альквист 2000а: 30].

Вопрос о происхождении и истории слова со значением "озеро" в финских языках достаточно сложен, и здесь нецелесообразно обсуждать его в полном объеме, поскольку в связи с мерянской проблемой нас интересует только возможность возникновения слов типа марийских *jär, jer* из **jaxr (jäxr)*, но не наоборот [Матвеев 1996: 13; 1998: 96]. Заметим, что и А.И. Попов рассматривает форму *ягр* как безусловно более древнюю по сравнению с *ер, яр* [Попов 1974: 19]. Теоретически можно представить, что субсубстратные топонимы с формантом *Vp(V)* предшествуют субстратным с *(V)xp(V)*. Но с точки зрения типологии фонетических изменений формант *(V)xp(V)* представляется более архаичным (подробнее ниже), и это не согласуется с тем, что названия на *(V)xp(V)* считаются субстратными, а на *Vp(V)* субсубстратными. Это несоответствие приводит в конце концов к тому, что основа *яxr* и формант *(V)xp(V)*, несмотря на их безусловно субстратный характер и регулярную связь с реалиями, считаются не мерянскими, а только типичными для мерянской территории и мерянского времени, как если бы у мерян, "народа больших озер" согласно А. Альквист¹⁴, кроме якобы заимствованного субсубстратного **ner(o)*, было еще какое-то неизвестное нам обозначение озера? Тогда какое? И кому принадлежало слово **jaxr (jäxr)* "озеро"?

Что касается возможности фонетического развития **jaxr (jäxr) > jär, jer* или наоборот *jär, jer > *jaxr (jäxr)*, то появление между гласным и вибрантом *r* заднеязычного эпентетического звука, если и встречается в каких-либо языках, то редко, тогда как утрата затвора заднеязычным смычным с последующим ослаблением и исчезновением спиранта – фреквенталия, известная во многих языках мира [Серебрянников 1974: 91, 139, 152–154].

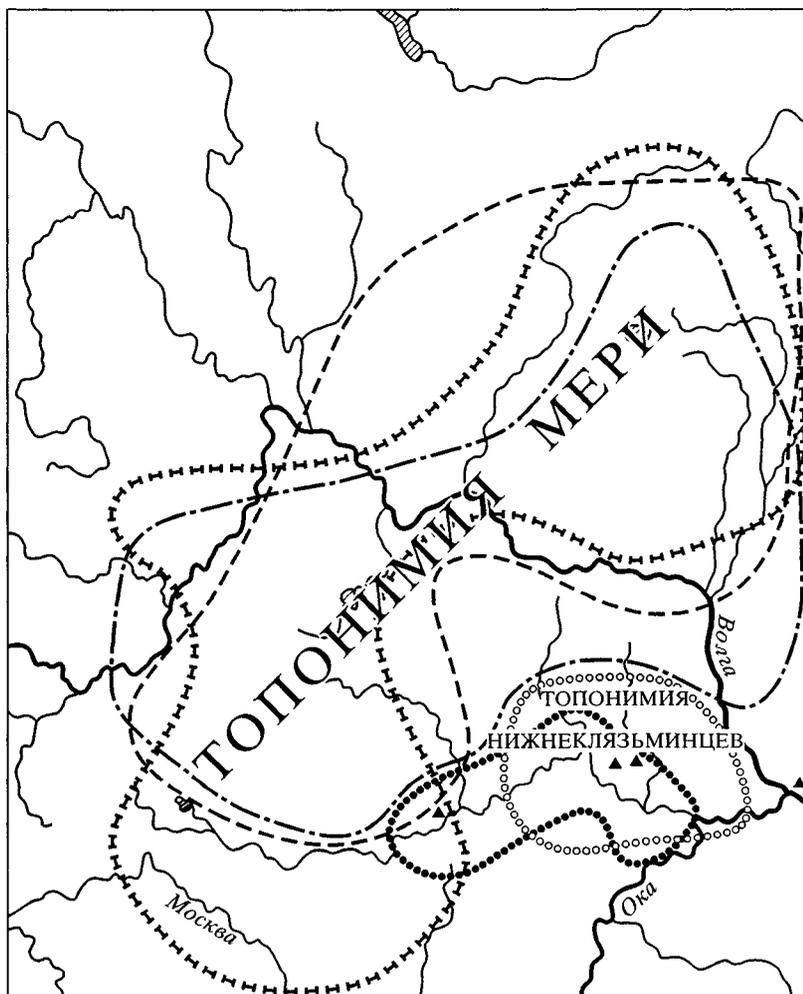
Наиболее древнее исходное состояние этого корня отражено в субстратной топонимии РС в форманте *ягр > VɣpV* и основе *ягр*, более позднее на РС в основе *явр*, а в ИМЗ в виде форманта *(V)xp(V)* и основы *яxr*, завершающая стадия, возможно, в марийском *йär, йер* и мордовском *эрке*, где *ке* – уменьшительный суффикс [Матвеев 1965б; 1980; 1996]. Это объяснение позволяет понять механизм возникновения не только марийских и мордовских форм, но и загадочных лимнонимов с формантом *ур* на смежных с ИМЗ более южных территориях, поскольку вполне можно допустить развитие того же процесса утраты спиранта и в названиях с исходным **juxr (jüxr)* (см. 4).

6. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Исследователь субстратной топонимии лишен той семантической опоры, которую имеет контактолог, изучающий лексические заимствования [Матвеев 1965а: 3–5]. Это многократно увеличивает трудности этимологизации. Отсюда постоянная цель – поиск регулярностей, а надежное средство на доэтимологическом этапе – лингвистическое картографирование, недооценка которого лишает ориентиров, позволяющих упорядочить кажущийся хаос и, напротив, подготавливает почву для появления различного рода конструкторов в соответствии с постулатом, что методы "должны гибко приспособиваться к каждому конкретному случаю" [Альквист 2000а: 17].

Исследователь субстрата имеет дело с двухсторонним феноменом, который возник в одном языке, а продолжает жить в другом. И если забыть об этом и увлечься только одной стороной, то в процессе поиска непременно появятся фантомы. Именно в таких случаях из тюркских по происхождению фамилий *Арцыбашев* [Баскаков 1979: 215; Унбегаун 1989: 292] и *Ижболдин* [Черных 1995: 156; Шайхулов 1983: 21] извлекаются финно-угорские субстратные форманты *баш* и *бол* [Альквист 2000а: 30–31], из названия деревни *Пестерюгино*, истоки которого в русском диалектном *пестерюга* "заплетная корзина" [СРНГ, 26: 313] вычлениваются финно-угорские субстратные

¹⁴ Название одной из статей А. Альквист "Merjalaiset – suurten järvien kansaa" (Virittäjä. 1998. № 1) переводится "Меряне – народ больших озер".

Карта 4. Топонимические ареалы на территории ИМЗ (сводная карта).

- Этнотопонимы, производные от *меря*.
- Топонимы с основой *яхр*.
- Ойконимы на *бал, бол*.
- Гидронимы на *Vx*.
- Гидронимы с формантом *(V)хр(V)* в нижнем и среднем течении Клязьмы.
- ▲ Лимнонимы с основой *юхр*.

детерминанты *ер* "озеро" и *юга* "река" [Альквист 2000а: 27], а название жителей Вологды *вологжане* выводится из субстратного **Волокиша* [Альквист 2000а: 31].

Между тем верификация и картографирование топонимии ИМЗ с последующим сопоставлением ареалов и их интерпретацией дают возможность получить хотя и ограниченные, но надежные результаты.

Топонимические данные позволяют членить территорию, именуемую в настоящее время ИМЗ, на две субстратные зоны (см. карту 4): большую, которую и следует называть *мерянск ой* (или ИМЗ), охватывающую юго-запад, северо-запад, северо-восток региона, и меньшую на юго-востоке, условно *нижнеклязьминск ю*, где обитали носители одного из неизвестных финно-угорских языков Волго-Окского междуречья. Для топонимии мерянской зоны, дорусский слой которой обра-

зует мерянский субстрат, характерны топонимические лексемы *яхр* "озеро" и *бал* (*бол*) "селение", которые без всякого сомнения должны рассматриваться как мерянские. В русской топонимии мерянской зоны часто встречаются этнотопонимы, образованные от *меря*. Топонимия нижнеклязьминской зоны характеризуется отсутствием этнотопонимов производных от *меря*, субстратных гидронимов с основой *яхр* и ойконимов на *бал* (*бол*). Для нее типичны названия рек на *Vx* и употребление лексемы *юхр* "озеро". Формант (*V*)*xр*(*V*) гетерогенен: в нижнеклязьминской зоне он высокочастотен и восходит к *юхр*, в мерянской редок и связан с *яхр*.

Названия с исходом на *Vp*(*V*) в своем большинстве не имеют отношения к лимнонимам. Ареал *Vp*(*V*) в зоне центральной мери – фикция, а лимнонимы на *Vp*(*V*) в бассейне Клязьмы, по-видимому, восходят к разным источникам. Нет никаких оснований для того, чтобы считать названия на *Vp*(*V*) в зоне центральной мери домерянским субстратом (субсубстратом), хотя нет и причин для того, чтобы вообще отвергнуть предположение о существовании домерянского субстрата, поиск которого должен продолжаться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеева Р.А.* 1970 – Об этнониме *чудь* (*чухна*, *чухарь*) // Этнонимы. М., 1970.
- Акты 1952 – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. I. М., 1952.
- Акты 1964 – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. III. М., 1964.
- Альквист А.* 1997 – Мерянская проблема на фоне многослойности топонимии // ВЯ. 1997. № 6.
- Альквист А.* 2000а – Меряне, не меряне... (I) // ВЯ. 2000. № 2.
- Альквист А.* 2000б – Меряне, не меряне... (II) // ВЯ. 2000. № 3.
- Баскаков Н.А.* 1979 – Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.
- Веселовский С.Б.* 1974 – Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
- Галкин И.С.* 1966 – Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. II. Йошкар-Ола, 1966.
- Голубева Л.А.* 1987 – Меря. Муром // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья / Археология СССР. М., 1987.
- Грузов Л.П.* 1969 – Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969.
- Даль В.И.* 1955 – Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.
- Кузнецов С.К.* 1910 – Русская историческая география. Вып. I. М., 1910.
- Кусов В.С.* 1993 – Чертежи Земли Русской. XVI–XVII вв. М., 1993.
- Лыткин В.И.* 1957 – Историческая грамматика коми языка. Введение. Фонетика. Сыктывкар, 1957.
- Матвеев А.К.* 1959 – Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала // Уч. зап. Уральского гос. ун-та. Вып. 32. Языкознание. Свердловск, 1959.
- Матвеев А.К.* 1960 – Историко-этимологические разыскания // Уч. зап. Уральского гос. ун-та. Вып. 36. Языкознание. Свердловск, 1960.
- Матвеев А.К.* 1965а – Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимии // ВЯ. 1965. № 6.
- Матвеев А.К.* 1965б – Топонимические элементы *явр*, *ягр*, *яхр* (озеро) на Русском Севере (к вопросу об использовании данных физической географии в топонимических исследованиях) // Изв. АН СССР. Серия географическая. 1965. № 6.
- Матвеев А.К.* 1978 – Топонимические этимологии. XI. (Названия озеро Неро) // СФУ. 1978. XIV.
- Матвеев А.К.* 1980 – К интерпретации звукового соответствия *гр* (*xр*) – *вр* в субстратной топонимии русского Севера // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980.
- Матвеев А.К.* 1996 – Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // ВЯ. 1996. № 1.

- Матвеев А.К. 1998 – Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен? // ВЯ. 1998. № 5.
- Мурзаев Э.М. 1984 – Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- Никонов В.А. 1960 – Неизвестные языки Поочья // ВЯ. 1960. № 5.
- Никонов В.А. 1993 – Словарь русских фамилий. М., 1993.
- ОС 1974 – Обратный словарь русского языка. М., 1974.
- Петровский Н.А. 1966 – Словарь русских личных имен. М., 1966.
- Попов А.И. 1948 – Топонимика Белозерского края // Уч. зап. ЛГУ. № 105. Серия востоковедческих наук. Вып. 2. Советское финно-угроведение. Л., 1948.
- Попов А.И. 1965 – Географические названия (введение в топонимику). М.; Л., 1965.
- Попов А.И. 1974 – Топонимика древних мерянских и муромских областей // Географическая среда и географические названия. Сборник статей. Л., 1974.
- Поротников П.Т. 1970 – Семантическая и грамматическая классификация прозвищ говоров Талицкого района Свердловской области // Вопросы топониматики. № 4. Уч. зап. Уральского гос. ун-та. № 90. Серия филологическая. Вып. 13. Свердловск, 1970.
- Поспелов Е.М. 1967 – Субстратная топонимика волго-окского междуречья // Материалы Московского филиала Географического общества СССР. Топонимика. Вып. 1. М., 1967.
- Седов В.В. 1974 – Гидронимические пласты и археологические культуры Центра // Вопросы географии. Сб. 94. Топонимия Центральной России. М., 1974.
- Серебрянников Б.А. 1963 – Историческая морфология пермских языков. М., 1963.
- Серебрянников Б.А. 1974 – Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
- Смирнов М.И. 1911 – Переславль-Залесский. Его прошлое и настоящее. М., 1911.
- Смирнов М.И. 1929 – Историко-географическая номенклатура Переславль-Залесского края (Материалы для ее изучения) // Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведческого музея. Вып. XI. Переславль-Залесский. 1929.
- Смолицкая Г.П. 1973 – Субстратная гидронимия бассейна р. Оки // Ономастика Поволжья. 3. Материалы III конференции по ономастике Поволжья. Уфа, 1973.
- Смолицкая Г.П. 1974 – Картографирование гидронимии Поочья // Вопросы географии. Сб. 94. Топонимия Центральной России. М., 1974.
- Смолицкая Г.П. 1976 – Гидронимия бассейна Оки (Список рек и озер). М., 1976.
- Смолицкая Г.П. 1987 – Об одном этническом аспекте топонимики // Этническая топонимика. М., 1987.
- СРЛИ 1995 – А.Н. Тихонов, Л.З. Болыринова, А.Г. Рыжова. Словарь русских личных имен. М., 1995.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1. М.; Л., 1965.
- СФ 1997 – Е. Грушко, Ю. Медведев. Словарь фамилий. Нижний Новгород, 1997.
- Ткаченко О.Б. 1985 – Мерянский язык. Киев, 1985.
- ТЭ УрГУ – Картотека Топонимической экспедиции Уральского государственного университета.
- Унбегаун Б.О. 1989 – Русские фамилии. М., 1989.
- Федосюк Ю. 1996 – Русские фамилии. М., 1996.
- Черных С.Я. 1995 – Словарь марийских личных имен. Йошкар-Ола, 1995.
- Шайхулов А.Г. 1983 – Татарские и башкирские личные имена тюркского происхождения. Уфа, 1983.
- ЭСРЯ 1996 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1996.
- Ahlqvist A. 1998 – Merjalaiset – suurten järvien kansaa // Virittäjä. 1998. № 1.
- Kalima J. 1919 – Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // MSFOu., XLIV. Helsinki, 1919.
- Lehtisalo T. 1936 – Über die primären uralischen Ableitungssuffixe // MSFOu., LXXII. Helsinki, 1936.
- Vasmer M. 1935 – Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen // SPAW. Phil.-hist. Klasse. Bd. XIX. Berlin, 1935.

© 2001 г. М.В. ЗАВЬЯЛОВА

**ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЧЕВЫХ МЕХАНИЗМОВ ПРИ БИЛИНГВИЗМЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА
С ЛИТОВСКО-РУССКИМИ БИЛИНГВАМИ)***

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В последнее время всесторонне обсуждается проблема взаимосвязи языка и сознания: проводятся всевозможные исследования языковой картины мира у носителей определенного языка, создаются ассоциативные словари разных языков, дающие богатый материал для изучения особенностей восприятия действительности в рамках той или иной культуры. Словом, становится актуальной высказанная еще в начале века Л.В. Щербой мысль, что "мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие собой известное единство с точки зрения культуры..." [Щерба 1958: 49]. На том же тезисе построена и теория Сепира – Уорфа: во всех случаях расхождения содержательной стороны соответствующих слов различных языков различаются также и понятия у носителей этих языков. То есть можно сказать, что каждый язык формирует у его носителя определенный образ мира, представленный в языке семантической сетью понятий, характерной именно для данного языка: и ассоциативные эксперименты, и трудности, возникающие в межкультурном общении и при переводе, доказывают это. Таким образом возникает проблема билингвизма: как в одном сознании сочетаются две языковые системы, две картины мира, как взаимодействуют два образа действительности.

На этот вопрос многие исследователи отвечают традиционным разделением билингвизма на типы: координированный и субординативный (смешанный). При смешанном билингвизме формируется общая картина мира, где одному элементу плана содержания соответствуют два элемента плана выражения (переводные эквиваленты на разных языках), при координированном билингвизме создаются две параллельные системы, где каждому денотату соответствует свой сигнификат. Такое разделение объясняет и многие языковые процессы, возникающие при билингвизме: интерференция языков происходит как раз за счет смешанного билингвизма, он же определяет и спонтанное переключение кодов, когда говорящий на одном языке неожиданно переходит на другой язык, даже если нет такой необходимости. Проблема перевода также тесно связана с различными типами билингвизма: смешанный билингвизм, естественно, облегчает перевод, поскольку связывает одинаковые понятия на разных языках в единое целое; при координированном билингвизме, напротив, бывает трудно найти переводные эквиваленты, поскольку в таком случае "каждое слово – как одного, так и другого языка – имеет отдельный смысл" [Karaliūnas 1997: 340].

Подчеркивая, что первый тип билингвизма более распространен, многие авторы (в том числе и С. Каралюнас) отмечают причины возникновения того и другого типа:

* Работа выполняется при поддержке фонда Открытое Общество (Open Society Support Foundation), грант RSS № 595/2000.

это прежде всего способ обучения. Поскольку, как правило, второй язык выучивается школьным методом, то к нему обычен подход с точки зрения первого языка, то есть происходит постоянное сравнение семантических эквивалентов разных языков, овладение языком осуществляется через призму уже освоенной и осознанной системы своего языка. При этом основное внимание на уроках при традиционном обучении уделяется переводу. Этот так называемый формальный способ обучения и приводит в дальнейшем к формированию смешанного билингвизма. Обратный процесс происходит при неформальном, непосредственном обучении языку, своеобразном "погружении" в языковую среду, когда связь денотат – сигнификат закрепляется напрямую в сознании индивида, минуя посредство первого, родного языка. Это происходит чаще всего при попадании в иноязычную среду, при активном общении с носителями другого языка. Типичный координированный билингвизм развивается и в смешанных семьях, но только когда существует четкое распределение "один язык – один родитель" (принцип Ronjat – см. [Bain, Yu 1980]), а также при обучении детей иностранцами-гувернерами, не знающими родного языка ребенка, практиковавшемся в дореволюционной России (пример С. Каралиюнаса [Karaliūnas 1997]).

С. Арсенян выделяет еще несколько факторов, влияющих на тип билингвизма: 1) степень билингвизма: считается, что на более продвинутом этапе обучения формируется координированный тип; 2) степень различия языков; 3) возраст обучения второму языку: при обучении языку в более позднем возрасте произношение чаще всего бывает неправильным; 4) отношение ко второму языку (цит. по: [Jasikevičius 1970: 28]). К этим факторам можно еще добавить и языковую практику на втором языке: если ситуации общения на двух языках различны (например, первый язык используется только дома, а второй – только на работе), более вероятно развитие координированного типа билингвизма, чем при постоянном использовании двух языков в одинаковых ситуациях общения.

Казалось бы, при таком детальном описании различных проявлений билингвизма, проблема представляется довольно ясной. Однако, несмотря на это, существует масса вопросов. Прежде всего – что представляет собой билингв как языковая личность? Отличается ли его сознание от сознания монолингва, является ли билингв сочетанием двух монолингвов в одном сознании при координированном типе и двух сознаний в одном монолингве при смешанном? Один из американских исследователей так формулирует феномен билингвизма: "Билингв – это не сумма двух полных или неполных монолингвов; скорее это уникальная и специфическая лингвистическая конфигурация. Сосуществование и постоянное взаимодействие двух языков у билингва производит отличную, но целостную лингвистическую сущность" [Grosjean 1989: 6]. Кроме того, во многих исследованиях зафиксировано, что билингвизм влияет на интеллектуальное развитие, то есть оказывает прямое воздействие на мышление: например при исследовании детей-билингвов было установлено, что "у двуязычных детей отмечается большая ориентация на семантику слова. Двуязычные дети тоньше чувствуют условность, конвенциональность языковых знаков и потому легче, чем дети-монолингвы, присваивают в игре имена, клички новым героям и предметам" [Шахнарович 1994: 16].

Это замечание, как и многие другие особенности, обнаруженные при изучении языкового сознания билингвов, ставят перед исследователями еще одну проблему: как соотносится доля участия полушарий головного мозга в языковой практике билингва и в обучении второму языку. То есть, попросту говоря, влияет ли владение двумя и более языками на межполушарную асимметрию или в этом смысле билингв ничем не отличается от монолингва.

Как известно, доминирующее у большинства людей (правшей) левое полушарие хранит информацию о грамматике языка, о внешней форме слов, анализирует и систематизирует все вербальные данные и знания о мире, в то время как представление этих знаний (так же как и семантика слов, то есть связь с конкретным референтом) является функцией правого (недоминантного в норме) полушария. Что касается разде-

ления функций полушарий и связи их с языковыми категориями, эта проблема довольно детально изучена в разных аспектах и данные подтверждены экспериментами (см., например, результаты эксперимента с унилатеральным электросудорожным припадком: "правое полушарие широко оперирует экстралингвистической реальностью, оно ответственно за уровень восприятия, формирования и инициации вербального процесса. ...Левое полушарие связывает знаки между собой; оно уточняет и окончательно дополняет вербальную продукцию" [Chernigovskaya, Deglin 1986: 141]). В компетенции правого полушария находится также нерасчленяемая сознанием вербальная продукция (словесные формулы, клише, автоматизированные фразы) и такая мало осознаваемая сторона вербального процесса, как интонация (см. об этом подробно, например, [Иванов 1978]). То есть собственно "речевым", ответственным за конечный результат вербального процесса у монолингва по праву считается левое полушарие.

Однако по поводу латерализации языков в сознании билингвов единого мнения нет: эта проблема вызвала жаркие споры у исследователей всего мира. В последние десятилетия на страницах многих англоязычных изданий, посвященных проблемам языка и сознания, развернулись бурные дискуссии по поводу вовлеченности правого полушария в языковые процессы при билингвизме. Это и понятно: если такой феномен действительно имеет место, придется признать существенное отличие билингва от монолингва и не только в сфере языка, но и в сфере сознания вообще. На поставленный вопрос существует по меньшей мере 5 вариантов ответов:

- второй язык представлен в правом полушарии;
- второй язык представлен в двух полушариях;
- второй язык менее асимметричен, чем родной (то есть оба языка относятся к левому полушарию, но второй – в меньшей степени);
- оба языка менее асимметричны;
- оба языка представлены в левом полушарии и нет никакой разницы между билингвами и монолингвами [Kolars, Paradis 1980: 302].

В поддержку гипотезы о большей вовлеченности правого полушария говорят многие факты, прежде всего это данные патологии речи: при поражениях правого полушария языковые нарушения проявлялись у 14% полилингвов-правшей (и 71% левшей) и только у 2% монолингвов-правшей (и 29% левшей) [Segalowitz 1983: 316]. Кроме того, при левополушарных поражениях многие билингвы утрачивали возможность говорить на одном языке при полной сохранности второго (чаще неродного). Таких примеров можно найти множество в обширной литературе по этому вопросу, однако, как утверждают оппоненты, существует много и обратных случаев, то есть при левополушарных поражениях нарушения затрагивают все языки полилингвов. Редкие же, по их мнению, ситуации исчезновения только одного языка они объясняют феноменом "чередующегося антагонизма" (alternate antagonism), при котором пациент в данный период времени может говорить только на одном языке, и этот язык может меняться на разных этапах течения болезни [Paradis et al. 1982]. Однако авторы не отрицают, что "два языка в одном мозге могут быть функционально независимы" и при этом "одна из двух языковых систем может быть недоступной" [Там же: 68]. Многие исследователи, опираясь на данные афазии, приходят к выводу, что разные языки могут быть представлены разными, но пересекающимися участками коры. Кроме того, в некоторых случаях кажется, что второй язык представлен более широкой областью, чем первый [Zatorre 1989: 131]. Насколько это различное представление связано с разными полушариями, не уточняется, однако ряд авторов, придерживающихся мнения о большем участии правого полушария в языковых процессах на втором языке, указывают, тем не менее, что это происходит далеко не всегда. Факторы, влияющие на активизацию правого полушария, указываются следующие:

- тип языка (имеется в виду разделение языков по большей/меньшей ориентации на правое полушарие, например, особенности письма, проявляющиеся в большем соответствии символ – звук, усиливают активность левого полушария, и наоборот, идеографическое японское письмо усиливает активность правого полушария);

- возраст билингва (если второй язык был выучен в зрелом возрасте, возрастает возможность участия в языковых процессах правого полушария);
- способ обучения (если второй язык был выучен неформально, вероятность активизации правого полушария возрастает);
- стадия обучения (на начальной степени обучения языку правое полушарие более активно задействовано);
- языковое окружение (замечено, что при иноязычном окружении правое полушарие более активизировано) [Segalowitz 1983; Kolers, Paradis 1980; Obler et al. 1982; Sussman et al. 1982].

ОПИСАНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТА

Помимо данных, полученных при изучении афазии, большой материал могут дать и ассоциативные эксперименты, обнажающие многие процессы, которые происходят при вербализации. Поскольку ответы на слово-стимул в ассоциативном эксперименте даются спонтанно, испытуемые не осознают и во многом не контролируют свой вербальный процесс; поэтому результаты подобных опытов могут пролить свет именно на то, что остается скрытым в обычной речи. В последнее время возросла популярность этого метода исследования языкового мышления, однако результаты, как правило, оцениваются только с точки зрения семантической нагрузки полученного материала. Ассоциации действительно могут быть хорошим показателем культурных различий представителей разных традиций. На основании этих экспериментов можно составить представление не только о смысловом наполнении отдельного слова-понятия в рамках отдельной культуры, но и получить данные о языковой картине мира в целом: «Получаемое в результате проведения такого эксперимента ассоциативное поле того или иного слова-стимула – это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании "среднего" носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов» [Уфимцева 1996: 140].

Однако ассоциативный эксперимент дает представление и о более сложных механизмах сознания, задействованных в языковых процессах, что часто упускается из виду. При этом ответы испытуемых можно расценивать с точки зрения разнополушарных стратегий. Самые частотные и ожидаемые ответы – контрастные и координированные реакции (называемые иногда просто "и/или"), очевидно, являются наиболее спонтанными реакциями левого полушария, это реакции отрицания и сравнения, основанные на категоризации и систематизации (это ответы типа часть – целое, род – вид, например: *женщина – девочка; дом – сарай; орел – птица* и т.д.)¹. Такого рода ответы трудно иногда отнести к определенной категории, как правило, они все являются в какой-то мере антонимами: "В значениях этих пар слов можно обнаружить некоторый элемент противопоставления, причем основанием противопоставления может быть как логически вычлненный признак, так и невербализуемый чувственный образ или ситуация" [Медведева 1991: 185]. Принято относить к левополушарным и синтагматические реакции [Траченко и др. 2000: 246]. Однако, по-видимому, следует отличать конструируемые реакции, когда словосочетание выстраивается, например: *девочка идет, орел летит* и т.д., и стереотипизированные фразы, разного рода клише типа *небо – голубое; слава – КПСС; голод – не тетка* и т.п. Такие ассоциации являются в большой мере автоматизированными и поэтому, вероятно, как и любые клише, могут быть отнесены к правополушарным реакциям. Тематические (или смежные) ассоциации, считающиеся экстралингвистическими, тоже по сути являются синтагматическими, поскольку многие из них основаны на глубинной предикации (например: *ребенок – коляска; король – корона; праздник – демонстрация*). Такого типа ассоциации, скорее всего, являются менее автоматизированными и вследствие этого

¹ Слово-стимул здесь и далее выделяется полужирным начертанием.

отражают в большей степени индивидуальный опыт носителя языка. Основываясь на этом распределении, можно оценить и языковые механизмы, задействованные в сознании при ассоциировании.

Ассоциативный эксперимент с литовско-русскими билингвами был проведен А. Яциквичюсом еще в 60-х годах, однако параметры оценки были несколько другими. Тем не менее автор получил некоторые интересные результаты, которые побуждают к дальнейшим исследованиям: а) антонимы чаще встречаются в ответах на своем языке, на втором языке – больше смежных и синтагматических реакций; б) ответы на литовском языке были более конкретными, а на русском языке – более обобщенными (исследовались билингвы, родным языком которых был литовский) [Jaciškevičius 1970: 115]. Это еще раз подтверждает большую задействованность правого полушария в языковых процессах на втором языке. Кроме того, в среднем на втором языке дается больше ответов, не связанных со словами-стимулами, больше ответов на основе смежности, и меньше ответов по ассоциации сходства, больше ответов по звуковому сходству и звуковой смежности, чем на родном языке [Яциквичюс 1960: 15].

Интересны и наблюдения автора над особенностями отражения и хранения иноязычных слов в памяти билингва: при неясном восприятии слова на втором языке возникают гештальтного типа ассоциации, связанные с внешним видом, зрительным и тактильным восприятием. "...В памяти изучающих второй язык определенная часть слов связывается с более общими (более широкими) понятиями, чем настоящие. Напрашивается вывод, что причинами такого расширения сферы (поля) применения слова-знака являются: 1) частичное забывание усвоенного значения в момент первичной семантизации (по законам забывания в памяти остаются более общие понятия); 2) запоминание значения слова (или повторение этого запоминания) в контексте, где труднее установить и запомнить точное значение неизвестного слова" [Jaciškevičius 1970: 106]. К такой интерпретации можно добавить, что восприятие иноязычного слова происходит по типично "правополушарной" схеме: запоминается не само слово, а его гештальт (то есть форма представления, характерная для правого полушария), отсюда расширение его значения, ассоциация со зрительным впечатлением, расплывчатый образ. Возможные ошибки при распознании слова связаны со словами из того же семантического поля или с неправильным восприятием формы (например, гештальт формы 'селезенка' → 'сеledка'). Этот процесс, видимо, отражается и на адаптации иноязычных слов в языке-реципиенте: известно, каким необычным образом иногда меняют свое значение заимствованные слова.

Не менее интересны отмеченные автором особенности спонтанной речи билингвов: литовец, говоря по-литовски, нередко вставляет в речь идиоматические выражения по-русски; а в речь на втором языке часто вклиниваются автоматизированные слова своего языка (но не идиомы) [Там же: 140], что тоже свидетельствует об активизации правого полушария. Известны случаи такого перехода на другой язык, когда говорящий не осознает, что сменил код, но интересно, что это касается только перехода на второй язык: контроль над своим, родным языком проявляется в большей степени, чем над вторым.

Итак, о преобладании участия правого полушария в речи на втором языке свидетельствуют еще и факты восприятия неродного языка, а именно: а) большая ориентация на звучание, а не на семантику; б) "гештальтное", более общее восприятие иноязычного слова; в) более частые вкрапления иноязычных автоматизированных выражений в речь на родном языке; г) сниженность осознанного контроля за речью на втором языке. По словам самих испытуемых, в процессе речи на втором языке у них "чаще возникают достаточно яркие визуальные или аудиальные образы самих слов" [Там же: 204].

Основываясь на описанных выше данных можно сформулировать основные гипотезы, обсуждаемые в данном исследовании:

– билингвизм представляет собой не результат перекрещивания двух монолингвистических структур, а сложный механизм с особыми взаимосвязями элементов;

- в сознании билингва языковые связи закрепляются определенным образом в зависимости от пережитого опыта на данном языке;
- в языковых процессах, как на первом, так и на втором языке билингва задействованы механизмы, отличные от механизмов в речи монолингва;
- в некоторых случаях в языковых процессах на втором языке проявляется активизация правого полушария, что обусловлено рядом причин;
- стереотипные выражения, встречающиеся в речи билингвов, могут стать показателем активизации правого полушария.

С целью подтверждения или опровержения этих гипотез был проведен ассоциативный эксперимент. В эксперименте участвовали 3 группы испытуемых: 1) 40 литовско-русских билингвов с родным языком как русским, так и литовским в возрасте от 20 до 66 лет разных профессий; 2) 40 русских монолингвов и 3) 32 литовских монолингва в возрасте от 17 до 79 лет. Словами-стимулами являлись 60 слов, отобранных на основе ассоциативного словаря А.А. Леонтьева [Леонтьев 1977]. Из этих 60 слов 38 – существительные, 14 – прилагательные и 8 – глаголы. Эксперимент проводился устно на двух языках (с билингвами): сначала – на первом языке, через 10 минут – на втором. Интервал в 10 минут, предположительно, является достаточным, чтобы человек мог переключиться на другой код, но недостаточным, чтобы забыть только что данные ответы и изменить настроение. Поэтому он считался оптимальным для оценки схожести ответов на двух языках (при повторении эксперимента через тот же отрезок времени на одном языке ответы, как правило, являлись идентичными).

Устный способ тестирования также был выбран неслучайно – при письменном варианте опроса существуют факторы, затрудняющие спонтанное реагирование: колебания в написании иноязычного слова, перекрестные ассоциации с только что написанными словами, а также со следующими по списку, большее время написания. Предположительно, написанные слова вызывают реакции другого рода, они могут быть связаны с визуальной стороной слова, буквенно-знаковой, то есть вторичной, поэтому устный вариант ассоциирования представляется более показательным и достоверным (в силу первичности звукового облика слова).

Ответы испытуемых разделялись по типам ассоциативных связей согласно следующей классификации:

1) Парадигматические:

- контрастивные (*земля – вода; пить – есть; зеленый – красный*), то есть реакции, основанные на противопоставлении по какому-либо признаку;
- координированные (*темный – черный; ждать – надеяться; вода – море*), то есть реакции, основанные на сходстве по какому-либо признаку;

2) Синтагматические (*старый – дед; человек – хороший; есть – много*), то есть реакции, основанные на соположении элементов, построении минимального контекста;

3) Смежные (*праздник – фейерверк; верить – церковь; черный – страшно*), то есть реакции, основанные на ситуативной смежности объектов.

Результаты оценивались по нескольким параметрам (см. I–V):

I. Количество одинаковых/различных реакций на двух языках – показывает степень различия семантических полей одинаковых слов на разных языках в сознании билингва.

II. Схожесть/различие стратегий ассоциирования – показывает степень различия способа ассоциативного мышления в разных языках.

III. Наличие переводных эквивалентов в ассоциациях – показывает взаимовлияние языков в сознании билингва.

IV. Сравнение общих ассоциаций по группам – насколько отличаются общие ответы в группе монолингвов и билингвов.

V. Степень стереотипизации – влияние билингвизма на количество стереотипных ответов.

I. Прежде всего ответы испытуемых-билингвов были разделены на языковые подгруппы: отдельно оценивались ответы билингвов по-русски (в русской части эксперимента) и отдельно – ответы тех же людей по-литовски. На первом этапе анализа реакции сравнивались по схожести на двух языках. Надо сказать, что результаты превзошли все ожидания: если при повторном эксперименте на одном и том же языке через 10 минут испытуемый повторяет 80–90% своих ответов (учитывая, что некоторые ответы он все-таки может забыть)², то у билингвов количество совпадений в процентном соотношении в среднем составило 33% (при этом до 25% совпадений было в ответах 17 испытуемых; до 50% – в ответах 12 человек; свыше 50% – 12). При оценке количества совпадений важно учитывать тактику ассоциирования, которую выбирает тестируемый: 9 из 12 человек, имеющих свыше 50% совпадений в ответах, использовали в основном антонимы, то есть наиболее спонтанную реакцию, общую для всех языков. Только трое пользовались другой стратегией. Интересно, что условия изучения второго языка во всех трех случаях оказались различными. Одна испытуемая изучила второй язык (русский) в раннем детстве и долго жила в русском окружении, возможно, на схожесть ответов в этом случае повлияло то, что сейчас она использует оба языка практически в равной степени и в одинаковых коммуникативных ситуациях. Две другие испытуемые выучили второй язык (литовский) в более позднем возрасте (одна выйдя замуж за литовца, вторая – для общения на работе) и используют его сейчас, по-видимому, в разных коммуникативных ситуациях. Эти два случая можно считать исключением, в то время как ответы остальных испытуемых в основном подтверждают тезис о влиянии условий обучения второму языку и его использования на формирование общих или отдельных семантических систем двух языков: чем меньше смешанных ситуаций общения на двух языках, тем больше различаются реакции на двух языках; и наоборот, чем чаще испытуемый использует оба языка одновременно, тем больше похожи ответы на двух языках (и тем больше антонимов в ответах!).

Что касается способа обучения, практически все испытуемые усваивали второй язык неформальным способом, благодаря многоязычному окружению (даже учившие его сначала в школе начинали говорить, только попав в соответствующие условия). Только пятеро испытуемых знают второй язык практически с рождения, однако их результаты различны в зависимости от использования языков в данный момент: довольно низкий показатель совпадений у одного из испытуемых объясняется тем, что свой родной язык он в повседневном общении практически не использует. Интересно, что показатели количества одинаковых реакций в двух языках зависят и от пола: меньше 25% совпадений у 11 женщин и только у 5 мужчин (возможно, известный факт о меньшей выраженности межполушарной асимметрии у женщин объясняет это).

Что касается семантической наполненности ответов, то реакции на двух языках зачастую были не только разными, но и противоположными, например: *желать* – *непостижимого* (по-русски), *осуществимого* (тот же испытуемый по-литовски); *человек* – *пожилой* (рус.), *молодой* (лит.); *музыка* – *веселая* (рус.), *грустная* (лит.). Различия в реакции могут быть вызваны не только индивидуальными особенностями восприятия слов-стимулов, но и закрепленными за ними в разных языках различными коннотациями, например: *душа* – *широкая* (рус.), *хрупкая* (лит.); *жизнь* – *трудная* (рус.), *змея* (лит.). В последнем примере литовская реакция вызвана, несомненно, сходством звучания (лит. *gyvybė* ‘жизнь’, *gyvatė* ‘змея’).

Подобные реакции могут быть обусловлены и языковыми клише, расхожими выражениями, которые "вертятся на кончике языка" и потому легко воспроизводятся в

² Этой методикой пользовался еще К.Г. Юнг [Юнг 1994: 40–41] – анализируя забытые ответы своих испытуемых в повторном ассоциативном эксперименте, он делал выводы о психологических проблемах.

ассоциативном эксперименте, например, *голод – не тетка* (рус.), *чума* (лит.); *душа – поет* (рус.), *вечная* (лит.), а также стереотипами национально-культурного восприятия, например, *немецкий – фашист* (рус.), *порядок* (лит.); *верить – судьба* (рус.), *в себя* (лит.). Поскольку каждая пара подобных примеров принадлежит одному испытуемому, напрашивается вывод, что иначе, чем различными стилями мышления и, следовательно, различными наборами ассоциативных связей в сознании одного человека на разных языках, этот факт объяснить трудно.

II. Однако, как показывают результаты эксперимента, различаются не только семантические связи на разных языках в сознании одного билингва, но и тип этих связей. При анализе стратегий ассоциирования отмечается частая смена типа ассоциирования при переходе на другой язык. Надо отметить, что резкая смена тактики встречается редко, в основном колебания наблюдаются в более близких по типу стратегиях ассоциирования – смежных и синтагматических реакциях. Как правило, если испытуемый выбирал ответы-антонимы, то он делал это и на втором языке, однако количество антонимов в ответах на разных языках могло изменяться. Интересно, что независимо от того, каким был родной язык испытуемого, в ответах по-русски, как правило, увеличивалось количество антонимов (23 человека против 11), а в ответах по-литовски – синтагматических реакций (23 против 12). При этом количество синтагматических реакций преобладало все-таки в случае, если литовский (или русский) был вторым языком (21 против 14). Показателен также тот факт, что в ответах билингвов не обнаружилось четкого различия в ответах мужчин и женщин, как это было в эксперименте с монолингвами: монолингвы-мужчины обычно выбирают "левополушарный" тип ассоциирования (из 20 испытуемых 9 отвечали преимущественно антонимами, 7 – смежными реакциями, и только 3 дали большое количество синтагматических ответов); монолингвы-женщины, наоборот, предпочитают "правополушарный" способ реагирования (11 женщин дали больше синтагматических ответов, 5 – смежных, и 4 отвечали антонимами). В группе билингвов эти показатели равны соответственно: у мужчин – 8 (6 – на обоих языках) выбрали антонимы; 4 (3) – смежные; 12 (10) – синтагматические; у женщин – 3 выбрали антонимы; 9 (5 – на обоих языках) – смежные; 11 (7) – синтагматические. Интересно, что из 9 билингвов (3 женщины и 6 мужчин), выбравших главной стратегией антонимы, четверо живут в российском окружении (и возможно поэтому используют тип ассоциации, более свойственный ответам русских монолингвов), об остальных судить трудно, не исключено, что в этом случае, как и во многих других играют роль индивидуальные различия в асимметрии полушарий. Однако, несмотря на исключения, очевиден факт изменения типа ассоциирования при переходе с языка на язык у билингвов и отличие способа ассоциаций у билингвов вообще по сравнению с монолингвами. Показательно сравнение среднего количества различных типов реакций в разных группах:

Среднее количество реакций по группам³ (%):

группы реакции	Монолингвы русские (муж/жен)	Монолингвы литовцы (м/ж)	Ответы билингвов по-русски (м/ж)	Ответы билингвов по-литовски (м/ж)
Контрастивные	25,89 (32,37/19,42)	10,7 (14,4/4,5)	25,08 (30,3/19,3)	21,92 (26,45/16,9)
Координированные	10,82 (11,97/9,66)	7,52 (7,4/7,71)	7,52 (7,68/19,3)	6,84 (6,07/7,7)
Синтагматические	32,15 (20,6/43,69)	50,7 (52,07/48,43)	41,18 (40,99/41,39)	47,82 (46,07/49,75)
Смежные	30,54 (33,9/27,19)	30,17 (25,93/37,35)	26,99 (20,81/33,82)	23,28 (21,19/25,58)

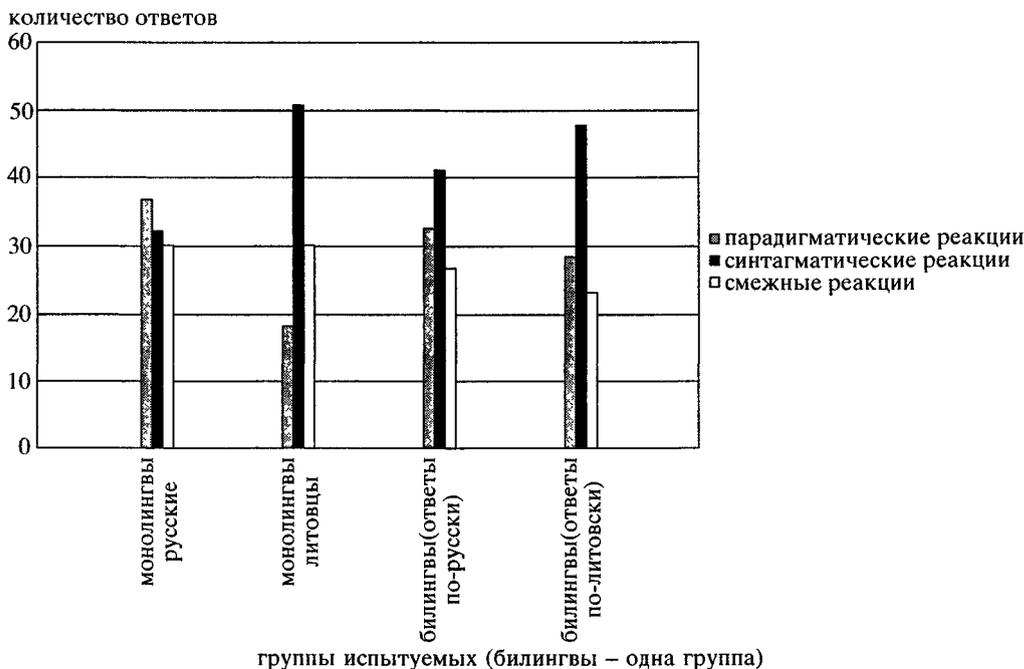
По данным таблицы видно, что показатели билингвов занимают промежуточное положение между показателями русских и литовских монолингвов, при этом существует

³ В данной таблице (как и далее в Приложениях) билингвы представляют собой одну группу испытуемых, ответы которых разделялись по языкам.

явная тенденция тяготения реакций к тому или иному типу в зависимости от того, на каком языке говорит билингв. В ответах билингвов по-русски практически такой же процент контрастивных реакций, как и в ответах русских монолингвов; в ответах тех же людей по-литовски этот процент снижается, зато возрастает доля синтагматических реакций, как в ответах литовских монолингвов. Все же бросается в глаза и интерференция: синтагматических реакций больше в ответах по-русски у билингвов, чем у монолингвов, также и контрастивных реакций в ответах по-литовски больше у билингвов, чем у монолингвов.

Возможно, это является подтверждением влияния билингвизма на строение языковых связей, а значит, и на тип мышления. Вероятно, не последнюю роль играет в установлении предпочтительного типа связей и структура определенного языка: не случайно в реакциях на русском языке (как у русских, так и у литовцев) больше антонимов, а при переходе на литовский те же люди дают больше синтагматических реакций. Возможно, это связано с тем, что порядок слов в литовском языке несколько отличается от русского: сохраняется архаичная модель SOV, в которой на последнем месте оказывается предикат [Валянтас 1980]. Кроме того, исследователи отмечают большую флективность и синтетизм литовского языка по сравнению с русским [Дротвинас 1980]. Из этого следует, что в литовском языке имеет место более тесная связь между словами в предложении, т.е. значение каждого слова в большей степени, чем в русском, контекстно обусловлено.

Для наглядности различий в стратегиях испытуемых данные представлены в виде диаграммы (для простоты сравнения контрастивные и координированные реакции объединены в одну группу как "парадигматические" в противоположность "синтагматическим" и "смежным"):

III. Возможно, выбор стратегии ассоциирования связан и с типом билингвизма – замечено, что наибольшее количество антонимов в ответах на обоих языках прямо пропорционально количеству совпадений, что, вероятно, свидетельствует о смешанном билингвизме. Это подтверждается и тем фактом, что смешение языков в экспе-

рименте (то есть появление реакций на другом языке) отмечается только у испытуемых, имеющих большое количество совпадений между языками. Например, русская испытуемая, в ответах которой было больше половины совпадений (52%), на русские слова-стимулы отвечала сначала по-литовски, потом, поправляясь, переводила на русский, например: *орел* – *raukštis, птица*; *удовольствие* – *gauti, получать* и т.д. Отмечались и гибридные варианты, например, в ответах литовки по-литовски: *голод* – *не самый худший variantas*; *добрый* – *людоедас*.

Интересно, что иноязычные слова вклиниваются именно в ответы на родном языке, но не наоборот, то есть языковая инерция, отсутствие контроля над переключением более свойственна речи на втором языке (что подтверждает еще раз бессознательность многих процессов, связанных со вторым языком). Эта инерция бывает настолько велика, что тестируемый забывает слово своего родного языка, в голове крутится только его переводной вариант.

Обратный процесс наблюдался в ответах больных афазией, то есть литовцы-больные на русские слова-стимулы отвечали часто по-литовски вне зависимости от характера нарушений, наблюдались и случаи интерференции, например: *гора* – *мы с тобой пойдем šiandien* ('сегодня') *на горы*; *зеленый* – *tamsiai* ('темно-') *черный*. Это объяснимо, конечно, лучшей сохранностью речи на родном языке в большинстве случаев при афазии. Однако это не универсальное правило, один больной русский с диагнозом сенсорная афазия после болезни вдруг "вспомнил" когда-то давно изучавшийся им английский и почти на все русские слова-стимулы ответил английскими эквивалентами (или близкими по смыслу словами), утверждая, что ему легче выразиться по-английски, чем искать подходящее слово по-русски. Учитывая, что испытуемый никогда ранее не владел английским в совершенстве, а знал его только в пределах школьно-институтского курса (в неязыковом вузе), возможно, этот феномен объясним компенсаторной активизацией правого полушария, что часто случается при сенсорной афазии.

Участие правого полушария подтверждается еще и тем, что в группе монолингвов-русских (здоровых) оказался один испытуемый-левша, который реагировал на слова-стимулы подобным образом: неожиданно в памяти всплывали немецкие слова и выражения, заученные в далеком детстве. Видимо, наиболее автоматизированный пласт лексики (то, что остается в пассивной памяти от когда-то изучавшегося языка) и имеет особенность неожиданно всплывать в процессе эксперимента, когда по каким-либо причинам семантические связи родного языка оказываются автоматизированными в меньшей степени. Неслучайно двое русских монолингвов, по их выражению "не знающие ни одного языка, кроме родного", отреагировали на слово-стимул 'имя' английским *name*, вероятно, вспомнив неожиданно самый первый и самый прочный опыт школьного обучения языку (сотни раз повторенное *What is your name?*).

IV. Сравнение общих реакций по группам также довольно показательное: при одинаковом наборе стереотипных реакций-антонимов есть и существенные различия в количестве и разнообразии самих ответов (см. Приложение 1). Для каждого слова можно выделить комплекс семантических связей, общих во всех группах и характерных для какого-то одного языка, например, для слова-стимула *жизнь* общими в группах монолингвов и билингвов (на русском и литовском языках) были ответы *смерть* и *длинная* (только для реакций по-русски), специфической для русских монолингвов была реакция *короткая*, для ответов билингвов по-русски – *прекрасная, тяжелая* и *трудная*, а по-литовски – *дорогая*; для слова-стимула *земля* общими были реакции *небо*, *круглая*, специфическими для монолингвов были реакции *жизнь, планета, мать*, для билингвов по-русски – *крутится*, для билингвов по-литовски – *кормилица, теплая, поле, вода*.

В этих различных ответах кроются не только разные языковые стереотипы, закрепленные за соответствующими словами, но и разные представления о мире: например, земля для литовского сознания прежде всего – почва, кормилица, для рус-

ских ближе глобальное понимание земли как планеты или стихии; гора русскими воспринимается больше метафорически (общие ответы: *мышь, Магомед*), а литовцами – как реальный объект (*вершина, подножие, дерево, крутая*); так же отвлеченно монолингвами воспринимается слово-стимул *король* (реакции *царь, карты, голый, принц*), более реально – билингвами (*президент, богатый, нищий, королевство*). Наибольшее сходство между собой имели, конечно, общие ответы билингвов по-русски и по-литовски, однако количество пересечений общих реакций монолингвов с русской частью ответов билингвов было вдвое большим, чем с литовской частью. Это еще раз доказывает зависимость речевых и ментальных стереотипов от конкретного языка.

Разным было не только количество пересечений, но и разнообразие самих общих реакций, наблюдается тенденция (хотя и не очень ярко выраженная) к снижению одинаковых ответов одним словом у билингвов и увеличению количества самих ответов, то есть коэффициент однообразия ответов больше у монолингвов, чуть меньше у билингвов, когда они говорят по-русски, и еще меньше у билингвов, когда они говорят по-литовски. Однако при подсчете коэффициента "стереотипности" реакций, то есть соотношения количества общих реакций к количеству единичных для каждого слова в каждой группе, выявилась обратная тенденция: наибольший коэффициент стереотипности у билингвов, когда они говорят по-литовски, чуть меньше – у билингвов, когда они говорят по-русски, и еще меньше – у монолингвов. Что же это означает? Если общее семантическое поле слова представить в виде безграничного (поскольку оно может бесконечно расширяться) пространства с более-менее четко очерченным кругом (в который входят все повторяющиеся реакции) и ядром (в котором содержатся самые базисные и универсальные связи), то получается, что в сознании билингвов ядро семантического поля меньше, чем у монолингвов, зато круг общих понятий больше: за счет этого возрастает разнообразие повторяющихся реакций, но уменьшается количество одинаковых ответов одним словом. В группе монолингвов, наоборот, возрастает вероятность большого количества одинаковых ответов, относящихся к ядру семантического поля, и уменьшается количество самих общих ответов, зато возрастает количество индивидуальных различий. На следующем рисунке в очень упрощенной схематичной форме показано это различие:

Структура семантического поля билингва

Структура семантического поля монолингва

По-видимому, более стереотипизированным можно считать все-таки сознание и речевую практику билингвов: это подтверждается еще и тем, что на втором языке большинство из них дали больше стереотипных реакций, чем на родном. Кроме того, по степени стереотипизации сильно отличаются и слова-стимулы в разных языках. Можно даже составить список своеобразных "предпочтений" для каждого языка, то есть слов, имеющих более широкий (и более насыщенный) круг стереотипных реакций по отношению к периферии (см. Приложение 2).

При явном сходстве этих списков интересны и различия: сильно отличаются по статусу стереотипности в литовском и русском вариантах у билингов следующие слова-стимулы: имеющие больший статус стереотипности в русском (и меньший в литовском): *болезнь, мягкий, женщина, жизнь, окно, просить, лес, немецкий, добрый*; имеющие больший статус стереотипности в литовском и меньший в русском: *глубокий, гора, дом, вечер, нравиться, пить, имя, земля, небо, огонь*. Трудно объяснить, чем вызваны эти различия, но очевидно, что характер семантических связей, устройство семантического поля отличаются не только в разных языках, но и в сознании отдельного человека – билингва, говорящего на этих языках; даже имеющая место некоторая интерференция языков не меняет тенденции: ответы разных людей на одном языке более похожи по содержанию, чем ответы одного человека на разных языках.

V. По-видимому, следует различать "простые" стереотипы, без которых невозможна повседневная речь (*лес зеленый, ребенок маленький* и т.п.) и прецедентные тексты, например, пословицы, поговорки, метафоры, расхожие выражения, которых тоже много в ассоциативных реакциях (например, *время – деньги, орел – решка, судьба – злодейка, хлеб – насущный, голова – на плечах* и т.д.). В отличие от обычных стереотипных реакций такого рода штампы и клише встречаются чаще в ответах русских монолингвов, в ответах билингов по-русски их немного меньше, а в ответах билингов по-литовски их значительно меньше. Отмечено, что такие ответы используются чаще на втором языке, но преимущественно все же на русском. Разнообразие этих реакций тоже возрастает в ответах билингов по-русски, если русский язык – второй. По данным контрольной группы монолингвов, наибольшее количество таких ответов зафиксировано у женщин и у мужчин-левшей (таких в эксперименте участвовало двое). Примеры таких реакций: *грусть – тоска меня съедает; голова – моя машет ушами, словно крыльями мельница; женщина – с глазами дикой серны* (монолингв-левша); *огонь – вода и медные трубы; голова – ногам покоя не дает; последний – у попа жена* (женщина-монолингв); *время – делу, потехе – час; обида – обиды не страшась, не требуя венца; земля – в иллюминаторе* (литовцы-билингвы по-русски).

По-видимому, для русской речевой практики более свойственно употребление такого рода клише, что отражается в большом количестве и разнообразии подобных ответов в группе русских монолингвов, однако характерно, что и билингвы, овладевая русским языком как вторым, с легкостью усваивают подобные штампы и воспроизводят их спонтанно. Это говорит о том, что немалую долю языковой компетенции составляет набор прецедентных текстов изучаемого языка. При этом при билингвизме возможна и интерференция (в основном заимствования в родном языке), например, в ответах билингов по-литовски: *слава – партии; война – "Война и мир"; окно – в Париж; слово – воробей*. Интересно, что наиболее активно идет процесс заимствования таких текстов из русского в литовский, но не наоборот. В ответах билингов по-русски встречаются только некоторые имена собственные, заимствованные из литовского или некоторые наиболее типичные для литовцев общие реакции, например: *музыка – Чюрлениса; зеленый – Жальгирис; хлеб – булка; глубокий – озеро*.

Механизм возникновения и спонтанного использования таких ассоциаций трудно объяснить, однако показателен тот факт, что наиболее часто такого типа реакции встречаются у левшей и женщин (схожих меньшей асимметрией полушарий), также интересны данные афазии: в условиях грубой сенсорной афазии, когда сильно затруднено восприятие родного, не говоря уже о втором языке, большой-литовец, живший долгое время в России (в Сибири), внезапно вспоминал именно такого рода тексты, например: *слава – героям; черный – очи черные; старый – старость – не радость; ночь – темная ночь*. Однако таким же образом реагировала другая больная-русская на своем родном языке (например: *вечер – еще не вечер; человек – с большой буквы; праздник – каждый день*). Эти два случая сближает то, что и один, и второй больной долго не использовали русский язык, а момент активного общения пришелся на довольно ранний период жизни (больная русская в последнее время говорила только

по-литовски). Возможно, поэтому самые автоматизированные связи, сохранившиеся в правом полушарии, всплыли в виде компенсации в тот момент, когда языковая способность в силу поражения левого полушария оказалась нарушенной.

ВЫВОДЫ

Из полученных в ходе эксперимента результатов следует прежде всего, что содержание и тип ассоциативных связей, а следовательно, и мышление во многом зависит от конкретного языка: по-видимому, вербализованный опыт хранится в сознании на том языке, на котором он был получен. Кроме того, большое значение имеют стереотипы, закрепленные за отдельными словами в определенном языке. Из стереотипов состоит большая часть нашей речи – мы повторяем постоянно типичные фразы, которые слышали не раз и от других людей. Из этого набора стандартных ассоциативных связей и складывается семантическое поле какого-либо слова.

При обучении второму языку необходимым условием является усвоение того же набора стереотипных фраз – без них невозможна речь на языке. Знание свода грамматических правил и умение конструировать фразы еще недостаточны для того, чтобы заговорить на чужом языке. Речь начинается именно тогда, когда человек начинает повторять стереотипные фразы-клише, которые слышит от учителя или собеседника. Поэтому метод погружения имеет большое значение: люди быстрее выучивают язык в его среде, при непосредственном общении именно потому, что есть большая возможность для подражания. Именно подражая, имитируя речь коренных носителей языка, человек учится сам бегло говорить на языке, причем происходит этот процесс в основном неосознанно, что доказывается многими приведенными выше фактами.

Известно, что хранение и воспроизведение автоматизированной, клишированной языковой продукции относится к компетенции правого полушария. Поэтому неслучайно идут споры по поводу большей активизации правого полушария у билингвов: очевидно, что это так. Ведь если представить процесс активного овладения языком, без участия правого полушария невозможно обойтись. То же самое касается овладения родным языком – ведь речь малыша строится именно на имитации, повторении клишированных выражений, то есть специфической функции правого полушария. И только потом, уже в школьный период, получая металингвистические знания, ребенок учится логически осмыслять, структурировать и систематизировать свой язык, то есть активизируется левое полушарие.

Известно, что до определенного возраста асимметрия полушарий выражена неявно, она начинает проявляться именно в школьном возрасте и во многом благодаря "левополушарной" направленности традиционного обучения. Именно до достижения этого возраста ребенок может в совершенстве изучить иностранный язык, так как только правое полушарие способно уловить все нюансы произношения. Считается, что как бы хорошо ни владел человек вторым языком, если он выучил его в зрелом возрасте, идеально он на нем говорить все равно не сможет, так как не будет способен воспроизвести правильно интонации. И наоборот: чисто говорят на втором языке люди, хотя бы пассивно участвовавшие в иноязычном общении в детстве; когда позднее они начинают сознательно учить язык, они оказываются способными идеально имитировать иноязычное произношение. Только в детстве, при активном действии правого полушария, закладываются в память данные о фонетике (и предположительно, другие наименее осознаваемые языковые данные, как, например, стереотипы и клише) чужого языка, равно как и родного. Если в раннем детстве развивается координированный билингвизм, и билингв в течение всей жизни активно пользуется двумя языками, можно считать, что большей активизации правого полушария не происходит: с возрастом доля участия левого полушария увеличивается как для первого, так и для второго языка. Но если второй (или первый) язык был забыт, весьма вероятно, что правое полушарие хранит его наиболее стереотипные и гештальтно-образные данные в течение всей жизни. В таком случае, естественно, при

активизации забытого языка будет активизироваться и правое полушарие, отсюда и клишированные ответы, и расплывчатые представления о значениях слов.

Относительно забытого первого языка этот факт удивительным образом подтверждает эксперимент, описанный в [Chernigovskaya et al. 1983]: билингв, в течение последних 18 лет говоривший в основном на втором языке, показал большую активность правого полушария при речи на родном (пассивном в данный момент) языке. Авторы приходят к выводу, что правое полушарие ответственно за формирование семантической структуры и начальной стадии процесса речепроизводства при обучении первому языку. Видимо, то же происходит и в случае, если билингв выучил второй язык е с т е с т в е н н ы м (неформальным) способом в зрелом возрасте: правое полушарие активизируется так же, как и при обучении родному языку в детстве, но уже в значительно меньшей степени, поскольку межполушарная асимметрия в этом возрасте обычно очень сильна. Немного меньше выражена она у женщин и у некоторых левшей: этим объясняется и большее количество "правополушарных" реакций в их ответах, и то, что им приписывается бóльшая способность к изучению иностранных языков. Кроме того, существует немалая вероятность индивидуальных различий: у каждого человека межполушарная асимметрия выражена в разной степени.

Итак, все-таки бóльшая активизация правого полушария у билингвов имеет место (при выполнении условий, указанных выше, то есть, если второй язык был выучен в более позднем возрасте, этап обучения еще не очень продвинутый, если билингв находится в иноязычном окружении, учил язык неформальным способом и, можно добавить, если у него есть индивидуальные склонности к изучению языков). И происходит эта активизация именно потому, что языковая способность на втором языке, находящаяся в стадии формирования, еще не прошла полностью процесс интериоризации, как это произошло с родным языком, в этом отношении билингв как бы находится в положении ребенка, начинающего познавать мир. Возможно, именно это является основной причиной отличия "билингвистического" сознания от монолингвистического видения мира.

Приложение 1

Общие ассоциативные реакции по группам⁴

Слова-стимулы	Монолингвы русские	Монолингвы литовцы	Ответы билингвов по-русски	Ответы билингвов по-литовски
стол	стул (22), обед (2)	стул (13), ноги (4), деревянный (2), бутылка (2), скатерть (2)	стул (20), комната (2)	стул (15), деревянный (5), широкий (2), скатерть (2), кухня (2)
темный	светлый (19), ночь (4), коричневый (2), комната (2), лес (2), черный (2)	светлый (13), комната (5), ночь (2)	светлый (18), лес (8), ночь (5), черный (2)	светлый (17), ночь (7), комната (4), лес (2), черный (2)
музыка	звук (2), оркестр (2), скрипка (2), пианино (2), цветы (2), живопись (2), стихи (2), радость (2), тихая (2)	ноты (4), звук (3), нежная (3), громкая (2)	красивая (3), песня (3), танцы (3), тихая (2), громкая (2), легкая (2), звук (2)	красивая (6), нежная (2), хорошая (2), звук (2)

⁴ Слова-стимулы даны в том порядке, в котором предъявлялись испытуемым, в скобках указано количество ответов. Билингвы представляют собой одну группу испытуемых.

Слова-стимулы	Монолингвы русские	Монолингвы литовцы	Ответы билинггов по-русски	Ответы билинггов по-литовски
болезнь	здоровье (9), тяжелая (4), мигрень (2), смерть (2)	тяжелая (5), боль (2), СПИД (2), грипп (2), кровать (2)	здоровье (8), тяжелая (5), больница (2), кровать (2), беда (2), сердце (2), инфекционная (2), сильная (2)	тяжелая (7), здоровье (4), больница (2), кровать (2), страшная (2), долгая (2)
человек	животное (6), хороший (3), ребенок (2), люди (2), собака (2), обезьяна (2), ум (2), умный (2), природа (2)	мужчина (3), хороший (2), обезьяна (2), высокий (2)	животное (6), мужчина (3), хороший (3), жизнь (2)	хороший (5), животное (4), высокий (3), зверь (2), собака (2), живет (2)
глубокий	мелкий (13), колодец (4), омут (3), низкий (2), темный (2), водоем (2)	колодец (9), озеро (5), мелкий (4), темный (3), чувство (2), сон (2)	мелкий (10), озеро (4), колодец (3), море (2)	озеро (15), мелкий (6), вода (4), река (2), неглубокий (2), высокий (2)
мягкий	жесткий (10), твердый (8), характер (3), снег (2), подушка (2), кошка (2)	подушка (7), игрушка (4), хлеб (2), кресло (2), твердый (2), жесткий (2)	твердый (7), игрушка (5), пушистый (3), снег (3), жесткий (3), подушка (2), диван (2), котенок (2), медведь (2)	твердый (13), игрушка (3), кресло (2), кот (2), пушистый (2), нежный (2)
есть	пить (7), нет (4), пища (2), жрать (2), кушать (2)	вкусно (5), много (3), пить (2), тарелка (2)	кушать (5), пить (5), хлеб (5), нет (5), мясо (3), вкусно (2)	вкусно (6), пить (5), хлеб (4), голодать (3), мороженое (2)
гора	высокая (5), долина (3), равнина (3), море (2), Магомед (2), овраг (2), мышь (2)	высокая (9), крутая (3)	высокая (7), долина (3), яма (2), Магомед (2), крутая (2), большая (2)	высокая (13), подножие (5), вершина (2), море (2), долина (2), крутая (2), большая (2), дерево (2)
дом	сарай (4), окно (2), крыша (2), большой (2), деревянный (2), уют (2), лес (2)	большой (4), красивый (4), старый (2), уютный (2), деревянный (2), маленький (2), крыша (2)	большой (4), окна (3), деревянный (2), высокий (2), сарай (2), деревня (2)	красивый (3), деревянный (3), большой (3), высокий (3), дверь (2), семья (2), многоквартирный (2), (у) озеро(а) (2)
женщина	мужчина (13), любовь (4), красивая (3), толстая (2)	мужчина (5), красивая (4), умная (2), красота (2), мама (2), изящная (2)	мужчина (12), красивая (9), мать (4), платье (2), светлая (2)	мужчина (11), красивая (9)

Слова-стимулы	Монолингвы русские	Монолингвы литовцы	Ответы билингвов по-русски	Ответы билингвов по-литовски
красивый	страшный (5), добрый (2), некрасивый (2), очень (2), женщина (2), мужчина (2)	противный (4), картина (3), человек (3), цветок (2)	уродливый (3), ужасный (2), некрасивый (2), вид (2), кот (2), мужчина (2)	противный (8), картина (3), вид (3), человек (2), хороший (2)
луна	солнце (14), ночь (5), месяц (2), полная (2), белая (2), небо (2)	молодая (8), солнце (7), полнолуние (4), ночь (2), холодная (2), светит (2)	солнце (10), ночь (6), полнолуние (3), круглая (2), большая (2), светлая (2), звезды (2)	солнце (11), звезды (4), светит (3), большая (3), ночь (3), круглая (2), полная (2)
последний	первый (11), поезд (4), вагон (3), крайний (3), предпоследний (3), день (2)	первый (5), очередь (5), воскресенье (2), число (2)	первый (16), день (3), трамвай (2), шанс (2)	первый (16), поезд (3), звонок (3), автобус (2)
орел	решка (6), птица (4), воробей (3), гордый (2), гора(ы) (2), парит (2)	лететь (3), летит (2), рыболов (2), высоко (2), птица (2), хищный (2), благородный (2)	птица (11), летит(-ает) (4), воробей (3), решка (2), сокол (2), высоко (2)	птица (9), летит (4), ястреб (2), сокол (2), воробей (2), ласточка (2), небо (2), сильный (2)
ребенок	маленький (4), плачет (4), девочка (2), мальчик (2)	маленький (9), кричит (2), милый (2)	маленький (10), взрослый (4), плачет (3), мальчик (3), коляска (2), радость (2)	маленький (13), взрослый (3), мать (2), игрушки (2)
вечер	утро (12), темный (3), теплый (2), тихий (2), звезды (2)	тихий (4), поздний (3), утро (2), спокойный (2), звезды (2)	утро (10), день (4), тихий (4), теплый (2), романтика (2), длинный (2)	утро (11), теплый (4), закат (4), долгий (4), тихий (3), спокойный (3), поздний (2)
король	корона (6), принц (4), карты (4), царь (4), голый (3)	королева (4), величественный (3), престол (3), голый (3), корона (3), с коронай (2), Лир (2)	королева (4), корона (2), президент (2), богатый (2), нищий (2), королевство (2)	королева (5), корона (4), голый (2), нищий (2), королевство (2)
жизнь	смерть (17), длинная (3), короткая (2)	смерть (7), дорогая (2), долгая (2), хрупкая (2), начало (2)	смерть (12), прекрасна(я) (3), тяжелая (3), длинная (3), свет (2), трудная (2)	смерть (7), дорогая (5), жизнь/син./ (2)
хороший	плохой (17), человек (3), добрый (2), вечер (2)	человек (7), плохой (5), ребенок (2), нежный (2)	плохой (14), человек (10), день (2)	плохой (14), человек (5), ребенок (3), отец (2), приятный (2)

Слова-стимулы	Монолингвы русские	Монолингвы литовцы	Ответы билингвов по-русски	Ответы билингвов по-литовски
зеленый	красный (7), трава (5), лес (4), синий (3)	лист (4), луг (4), трава (3), дерево (3), лес (2), синий (2)	лес (6), трава (5), синий (4), лист (3), красный (2), желтый (2), луг (2)	лес (6), синий (5), дерево (3), трава (3), луг (2), лист (2), яблоко (2), желтый (2)
судьба	рок (6), злодейка (4), индейка (3), карма (2), человек (2), жизнь (2)	жизнь (2), надежда (2), доля (2), жестокая (2), тяжелая (2)	жизнь (5), человека (3), тяжелая (2), злодейка (2), рок (2), человек (2), роковая (2)	жизнь (7), тяжелая (3), страшная (2), карма (2), рок (2), судьба /рус./ (2)
правиться	не нравиться (6), очень (4), любить (4), женщина (3), приятно (2)	себе (3), любить (3), взгляд (2), человеку (2), ненавидеть (2)	не нравиться (7), женщина (2)	кому-то (5), не нравиться (4), человеку (3), мужу (2), женщине (2), людям (2), очень (2), любовь (2), ненавидеть (2)
голод	(не) тетка (8), сытость (5), холод (3), жажда (2), сильный (2)	смерть (4), черный (2), война (2), голод (син.) (2)	жажда (3), еда (3), война (3), холод (2), не тетка (2), страшный (2), не страшен (2), жуткий (2), сыт (2), сытость (2), смерть (2)	сытость (4), чума (3), страшно (2), болезнь(-и) (2), трудно (2)
душа	тело (8), потемки (5), человек (3), чистая (2)	бессмертная (2), благородная (2), (как ангел) чистая (2)	тело (5), хорошая (3), человек (2), бессмертная (2), поет (2)	дух (4), тело (3), Бог (2), вечная (2)
хлеб	соль (4), насущный (4), мягкий (2), черствый (2), сыр (2), вода (2), жизнь (2), булка (2)	насущенный (4), черный (3), ржаной (3), вода (3), ломоть (2)	насущенный (6), еда (4), вкусный (4), черный (3), соль (3), масло (2), стол (2)	черный (5), еда (4), есть (3), насущный (3), зерно (3), мягкий (2), соль (2), стол (2), вкусный (2)
ждать	надеяться (5), догонять (3), дожидаться (2), ожидание (2), надежда (2), долго (2)	долго (3), надеяться (2), любимого (2)	долго (6), тяжело (3), автобуса (3), уйти (2), опаздывать (2)	долго (6), не ждать (2), троллейбуса (2), поезда (2), конца (2), спешить (2)
удовольствие	радость (5), приятно (3), неудовольствие (2), секс (2), горе (2)	женщина (2), большое (2), есть (2)	получать (3), большое (2), радость (2)	большое (5), мелкое (3), чувствовать (2)

Слова-стимулы	Монолингвы русские	Монолингвы литовцы	Ответы билингвов по-русски	Ответы билингвов по-литовски
пить	есть (13), вода(у) (5), жажда (4), водку (3), вино (3), чай (2)	воду(а) (7), вино (4), есть (3), пиво (2)	есть (7), воду (5), жажда (5), кушать (4), водку (3), пиво (3)	есть (13), воду (8), пиво (4), жажда (2), молоко (2), вино (2), водка (2)
мать	отец (13), родная (4), святость (2), Родина (2)	нежная (3), любовь (2), отец (2), земля (2), добрая (2), нет (2)	отец (11), дорогая (2), добрая (2), ребенок (2), дети (2)	отец (9), моя (5), самая дорогая (3), ребенок (3), любовь (2), нежная (2), хорошая (2)
праздник	будни (4), веселье (4), радость (2), удовольствие (2), 1 мая (2), Новый год (2), горе (2), веселый (2), души (2)	веселый (2), Рождество (2), радость (2), ожидание (2)	веселье (4), 1 мая (4), веселый (3), светлый (3), будни (2)	красивый (4), веселый (3), хороший (2), радость (2), день рождения (2), развлечение (2), фейерверк (2), рабочий день (2)
страх	ужас (7), темнота (4), бесстрашие (2), неизвестность (2)	темнота (6), испуг (2)	ужас (5), боязнь (4), темнота (2), радость (2)	смерти (3), страшный (2), большой (2), черный (2), смелый (2), смелость (2), радость (2), избегать (2)
окно	дверь (8), форточка (5), свет (3), дыра (2), в Европу (2), мыть (надо) (2)	большое (4), свет (4), (чистые) стекло(а) (3), (красивый) вид(ы) (3), открытое (2), дверь (2)	дверь (10), свет (7), большое (4), стеклянное (3), вид (3), природа (2), во двор (2)	дверь (10), большое (8), открытое (4), свет (3), стеклянное (2)
просить	да(ва)ть (5), милостыню (2), требовать (2), денег (2), умолять (2), унижаться (2)	унижаться (4), милость(и) (4), умолять (3), милостыню (2), деньги (2), неприятно (2)	дать (5), помощи (3), милостыня (3), милости (2), тяжело (2), прощения (2)	дать (5), помощи (3), милости (2), тяжело (2), получить (2), чего-нибудь (2)
грусть	тоска (9), печаль (5), радость (5), светлая (2), счастье (2), обида (2), слезы (2)	глубокая (3), слезы (2), радость (2), мука (2), тоска (2)	радость (6), веселье (4), печаль (4), большая (3), тоска (3), обида (2)	радость (6), веселье (2), слезы (2), глубокая (2), черная (2), долгая (2), краткая (2)

Слова-стимулы	Монолингвы русские	Монолингвы литовцы	Ответы билингвов по-русски	Ответы билингвов по-литовски
лес	темный (5), дерева (4), дерево (3), поляна (2), густой (2), бор (2)	дерево (дерева) (4), луг (3), зеленый (2), темный (2), спокойствие (2), густой (2)	темный (6), дерева (4), дерево (4), грибы (4), зеленый (2), дремучий (2), поляна (2), озеро (2)	зеленый (5), темный (4), дерева (3), грибы (3), поле (2), дерево (2)
немецкий	язык (7), английский (6), французский (6), русский (5), фашизм(ст) (2), Гитлер (2), словарь (2), Deutsch (2)	порядок (2), словарь (2), литовский (2), коляска (2)	язык (9), русский (5), литовский (5), фашистский (2), точный (2), английский (2), словарь (2)	русский (4), английский (4), французский (3), словарь (3), литовский (2)
слава	громкая (3), позор (3), почесть(и) (2), имя (2), труба(ы) (2), победа (2)	честь (6), КПСС (2), деньги (2), хорошо (2)	КПСС (3), Богу (3), позор (2)	почет (4), честь (3), позор (2), победа (2), почетная (2), КПСС (2)
желать	хотеть (9), лучшего (3), хорошо (2), иметь (2), любви (2)	хотеть (7), желание (2), просить (2)	добра (5), счастья (5), хотеть (4), сильно (3), много (2)	хотеть (7), желание (4), просить (3), не хотеть (2), много (2), меню (2)
черный	белый (17), кот (3), красный (2), ворон (2)	белый (7), ночь (3), небо (3), материал (2)	белый (11), кот (2), ночь (2), светлый (2), страшный (2), хлеб (2)	белый (13), кот (4), ночь (2), темный (2)
старый	молодой (16), мудрый (4), дом (3), дед (2)	человек (5), дом (4), молодой (3), седой (2), дерево (2), старик (2)	молодой (16), человек (4), дед (3), дом (3), дедушка (2)	молодой (11), человек (6), старик (4), дед (3), большой (2), новый (2), хороший (2)
имя	фамилия (10), человек (5), существитель- ное (2), мое (2), Мария (2)	фамилия (5), громкое (2), короткое (2)	фамилия (13), красивое (2), длинное (2), отчество (2), человека (2)	фамилия (18), красивое (3), человек (3), мое (2), меч (2)
верить	надеяться (4), (в) Бог(а) (3), в судьбу (3), знать (2), в лучшее (2), не верить (3)	религия (3), человеку (2), (и) ждать (5), в Бога (4), надежда (2), не верить (2)	в Бога (5), Бог (3), Богу (3), не верить (4), доверять (2), надеяться (2), в будущее (2), чему-то (2)	в Бога (10), Бог (3), не верить (2), сильно (2), в себя (2), в будущее (2)

Слова-стимулы	Монолингвы русские	Монолингвы литовцы	Ответы билингвов по-русски	Ответы билингвов по-литовски
солнце	луна (11), яркое (7), свет (3), жизнь (2), Ярила (2)	свет (5), луна (4), горячее (3), яркое (3), тепло (3), теплое (2), светлое (2)	луна (7), яркое (6), теплое (4), тепло (3), свет (3), светлое (2), светит (2), небо (2)	луна (9), свет (4), теплое (2), тепло (2), светит (2), небо (2), яркое (2), жизнь (2), встает (2)
сладкий	горький (11), кислый (4), пирог (4), поцелуй (3), вкусный (2), чай (2)	мед (11), сахар (5), конфета (4), горький (3), вкусный (2), жизнь (2)	горький (9), мед (6), торт (3), сахар (3), кислый (3), конфета (2), пирог (2), сон (2), вкусный (2)	горький (9), мед (8), конфета (6), сахар (3), вкусный (2), кислый (2), жизнь (2)
война	мир (14), ужас (3), победа (3), смерть (2), страх (2), жестокая (2)	мир (8), страшная (3), ужас (2), жестокая (2), страшно (2)	мир (16), смерть (2)	мир (10), смерть (2), жестокая (2)
земля	круглая (6), планета (6), небо (5), жизнь (3), мать (3), вертится (2)	круглая (4), черная (3), большая (2), планета (2)	небо (9), круглая (7), крутится (2)	небо (6), круглая (6), кормилица (3), теплая (2), поле (2), вода (2)
ночь	день (11), темная (5), звезды (2), сон (2)	темная (9), день (4), звезды (3), черная (3), звездная (2)	день (14), темная (7), темно (3), звездная (3), темнота (2)	день (9), темная (9), темнота (5), долгая (3), сон (2), звезды (2)
голова	пустая (4), ум (3), ноги (2), туловище (2), круглая (2)	ум (3), мозг (3), ноги (3), умная (2), лысая (2), круглая (2), человек (2)	ноги (10), большая (4), умная (3), светлая (2), на плечах (2), волосы (2), ум (2)	ноги (10), тяжелая (5), болит (4), лоб (2), ум (2), большая (2)
вода	холодная (3), вкусная (2), чистая (2), мокрая (2), воздух (2), озеро (2), жажда (2), жизнь (2), лед (2)	прозрачная (5), зеленая (3), жизнь (2), чистота (2), пить (2)	огонь (4), озеро (4), холодная (3), прозрачная (3), мокрая (2), воздух (2), течет (2)	прозрачная (5), мокрая (4), огонь (3), бежит (2), жизнь (2), земля (2), колодец (2)
небо	голубое (10), солнце (5), земля (4), синее (3), Вселенная (2), чистое (2)	голубое (11), синее (4), земля (3), звезды (2), облачное (2), солнце (2)	голубое (12), земля (8), синее (2), ясное (2), звезды (2)	голубое (11), земля (8), синее (7), высокое (2)
любимый	человек (10), желанный (3), дорогой (2), мужчина (2)	человек (10), ожидаемый (2), ненавистный (2), ребенок (2), я (2)	человек (15), родной (4), муж (3), дорогой (2), ненавистный (2)	человек (22), ненавистный (4), муж (2)

Слова-стимулы	Монолингвы русские	Монолингвы литовцы	Ответы билингвов по-русски	Ответы билингвов по-литовски
добрый	злой (13), человек (4), светлый (2)	человек (3), друг (3), щедрый (2), бабушка (2), дедушка (2)	человек (10), злой (4), плохой (3), муж (3), хороший (2), друг (2), пес (2)	человек (6), злой (3), отец (2), друг (2), хороший (2)
работать	трудиться (5), отдыхать (5), лениться (4), хорошо (2)	(любимая) работа(у) (7), тяжело (3)	удовольствие (4), отдыхать (4), тяжело (3), долго (2), много (2), трудиться (2), усталость (2)	работа(-у) (6), лениться (4), тяжело (4), (с) удовольствие(м) (3), отдыхать (3), долго (2), на работе (2)
воздух	чистый (8), вода (5), жизнь (4), кислород (3), вакуум (2), земля (2), дышать (2), свежий (2), прозрачный (2)	свежий (3), плохой (3), хороший (3), чистый (2), дышать (2), земля (2)	вода (4), свежий (4), чистый (4), теплый (3), дышать (2), небо (2), огонь (2)	хороший (6), свежий (4), вода (4), кислород (3), чистый (2), теплый (2), красивый (2)
обида	горькая (5), прощение (2), радость (2)	большая (5), боль (3), слезы (2), неприятно (2)	глубокая (3), прощение (3), горькая (2), большая (2)	большая (4), глубокая (2), боль (2)
огонь	вода (7), костер (4), земля (2), горячий (2), яркий (2), жгучий (2), пламя (2)	горячий (7), вода (4), костер (3), жар (2), жаркий (2), тепло (2)	вода (7), горячий (6), яркий (2), костер (2)	горячий (8), вода (8), жар (3), пожар (2), костер (2), горит (2)
слово	дело (6), воробей (5), мысль (3), предложение (2), Бог (2)	обидное (3), предложение (2), звонкое (2), писать (2), язык (2)	дело (4), язык (3), книга (2)	язык (2), книга (2), предложение (2)
время	деньги (7), не хватает (3), вечность (3), быстрое (2), долгое (2), часы (2), секунда (2), бежит (2)	часы (6), (быстро) бегущее (4), длинное (3), бежит (3), течение (2), короткое (2)	деньги (6), (быстро) бежит (3), часы (3), пространство (2)	бежит (9), часы (5), долгое (2), дорогое (2), спать (2)
сильный	слабый (15), ветер (3), дух(ом) (3), слабость (2), добрый (2)	человек (5), мужчина (3), слабый (3), мышцы (2), чувство (2)	слабый (14), человек (4), мужчина (3), ветер (2), дух(ом) (2)	слабый (9), мужчина (4), человек (4), ветер (3), духовно (2), удар (2)

**Списки слов в порядке убывания коэффициента стереотипности в реакциях
испытуемых разных групп⁵**

Монолингвы русские	Монолингвы литовцы	Ответы билингвов по-русски	Ответы билингвов по-литовски
немецкий (3,55)	сладкий (4,5)	темный (4,71)	пить (4,71)
темный (3,44)	глубокий (3,57)	сладкий (4)	глубокий (4,43)
пить (3)	луна (3,13)	окно (3,44)	темный (4)
воздух (2,73)	небо (2,66)	мягкий (2,9)	сладкий (4)
грусть (2,7)	стол (2,55)	женщина (2,9)	вечер (3,44)
луна (2,25)	солнце (2,44)	ночь (2,64)	гора (3)
мягкий (2,08)	темный (2)	старый (2,33)	старый (3)
сладкий (2)	король (1,82)	немецкий (2,25)	ночь (3)
небо (2)	ночь (1,75)	солнце (2,23)	имя (2,54)
война (1,86)	просить (1,55)	луна (2,08)	небо (2,33)
глубокий (1,86)	время (1,54)	пить (2,08)	любимый (2,33)
последний (1,86)	огонь (1,54)	просить (1,94)	луна (2,33)
сильный (1,78)	лес (1,5)	жизнь (1,92)	солнце (2,08)
земля (1,73)	мягкий (1,46)	гора (1,86)	мать (2)
жизнь (1,69)	старый (1,38)	хороший (1,86)	нравиться (2)
старый (1,67)	голова (1,31)	любимый (1,67)	стол (1,86)
солнце (1,67)	зеленый (1,28)	голова (1,67)	хлеб (1,86)
черный (1,6)	верить (1,28)	сильный (1,67)	хороший (1,86)
женщина (1,57)	любимый (1,28)	есть (1,67)	зеленый (1,79)
человек (1,53)	женщина (1,21)	болезнь (1,67)	последний (1,71)
хороший (1,5)	окно (1,2)	добрый (1,63)	окно (1,67)
стол (1,5)	хороший (1,14)	лес (1,63)	огонь (1,67)
мать (1,4)	война (1,13)	небо (1,63)	орел (1,67)
имя (1,31)	дом (1,12)	хлеб (1,63)	голова (1,6)
время (1,28)	сильный (1,07)	ребенок (1,6)	сильный (1,6)
праздник (1,16)	жизнь (1,07)	последний (1,53)	работать (1,5)
окно (1,16)	пить (1,07)	вечер (1,5)	мягкий (1,5)
хлеб (1,11)	последний (1)	зеленый (1,5)	воздух (1,44)
ночь (1,11)	орел (1)	верить (1,44)	земля (1,17)
огонь (1,1)	воздух (1)	голод (1,44)	черный (1,11)
вечер (1,1)	хлеб (0,88)	орел (1,41)	верить (1,11)
король (1,1)	нравиться (0,86)	воздух (1,31)	вода (1,11)
голод (1,05)	черный (0,83)	грусть (1,29)	ребенок (1,11)
гора (0,95)	вода (0,77)	имя (1,23)	дом (1,05)
орел (0,95)	мать (0,76)	стол (1,22)	женщина (1,05)
судьба (0,95)	добрый (0,75)	желать (1,19)	есть (1,05)
нравиться (0,95)	вечер (0,72)	черный (1,11)	время (1)
желать (0,95)	болезнь (0,72)	мать (1,06)	желать (1)
добрый (0,95)	обида (0,71)	вода (1)	судьба (0,95)
слово (0,95)	красивый (0,7)	работать (1)	грусть (0,95)
зеленый (0,9)	гора (0,66)	глубокий (0,95)	человек (0,95)
верить (0,89)	музыка (0,66)	судьба (0,9)	красивый (0,9)
любимый (0,89)	ребенок (0,65)	война (0,86)	праздник (0,9)
вода (0,86)	слава (0,63)	земля (0,86)	лес (0,9)
душа (0,86)	грусть (0,61)	огонь (0,77)	болезнь (0,9)
музыка (0,82)	желать (0,61)	музыка (0,74)	страх (0,85)
лес (0,82)	есть (0,6)	ждать (0,73)	просить (0,8)

⁵ Коэффициент стереотипности – количество общих реакций/количество единичных реакций. Слова в колонках расположены в порядке убывания, в скобках указано значение коэффициента. Билингвы представляют собой одну группу испытуемых.

Монолингвы русские	Монолингвы литовцы	Ответы билингвов по-русски	Ответы билингвов по-литовски
болезнь (0,81)	судьба (0,59)	дом (0,65)	немецкий (0,73)
есть (0,77)	слово (0,58)	душа (0,64)	слава (0,71)
красивый (0,71)	человек (0,53)	праздник (0,64)	ждать (0,69)
ждать (0,69)	земля (0,52)	время (0,58)	добрый (0,68)
работать (0,69)	работать (0,5)	король (0,58)	жизнь (0,67)
просить (0,68)	голод (0,47)	человек (0,56)	король (0,63)
страх (0,68)	имя (0,45)	страх (0,56)	голод (0,56)
дом (0,61)	страх (0,4)	красивый (0,52)	война (0,56)
удовольствие (0,61)	немецкий (0,38)	обида (0,43)	музыка (0,43)
слава (0,56)	праздник (0,33)	слово (0,36)	душа (0,42)
голова (0,5)	ждать (0,3)	нравиться (0,33)	удовольствие (0,34)
ребенок (0,46)	удовольствие (0,26)	слава (0,29)	обида (0,27)
обида (0,32)	душа (0,23)	удовольствие (0,24)	слово (0,19)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов А.Г., Щербина Т.С.* 1991 – Языковое сознание в условиях дву- и многоязычия // Психолингвистика и межкультурное взаимопонимание: тезисы докладов X Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1991.
- Бирило Ж.* 1997 – К вопросу о семантической структуре имен собственных // *Kalbotyra: Slavistica Vilnensis* 1995. Vilnius, 1997. № 45(2).
- Буренина Л.М.* 1994 – Проблема изучения качества билингвистического текста: приемы и методы // Проблемы языковой жизни Российской Федерации и зарубежных стран. М., 1994.
- Валайтас С.Г.* 1980 – Сложное слово и синтаксическая конструкция: Праиндоевропейская модель в балтийских языках. М., 1980.
- Верещагин Е.М.* 1967 – Психолингвистическая проблематика языковых контактов // ВЯ. 1967. № 6.
- Верещагин Е.М.* 1968 – Психолингвистическая характеристика некоторых аспектов порождения речи при двуязычии // Третий всесоюзный съезд общества психологов СССР. Т. 1. М., 1968.
- Глозман Ж.М.* 1996 – Исследование структуры лексикона больных с корковыми и подкорковыми поражениями мозга // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1996. № 2.
- Джваршенишвили Р.Г.* 1991 – Ценность языковой личности в контексте двуязычия // Психолингвистика и межкультурное взаимопонимание: Тезисы докладов X Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1991.
- Дмитрюк Н.В.* 1985 – Национально-культурная специфика вербальных ассоциаций. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1985.
- Дротвинас Л.* 1980 – Материалы по сопоставительному синтаксису русского и литовского языков: простое неосложненное предложение. Вильнюс, 1980.
- Залевская А.А.* 1996 – Вопросы теории и практики межкультурных исследований // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
- Залевская А.А.* 1996а – Проблема признака как основания для взаимопонимания и для расхождений при этнических контактах // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
- Залевская А.А.* 1977 – Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин, 1977.
- Залевская А.А.* 1971 – Свободные ассоциации в трех языках // Семантическая структура слова. М., 1971.
- Золотова А.А.* 1981 – К проблеме "ядра" лексикона человека // Психологические исследования в области лексики и фонетики. Калинин, 1981.

- Ибрагимбеков Ф.А.* 1968 – О языковых полях в сознании при билингвизме // Третий всесоюзный съезд общества психологов СССР. Т. 1. М., 1968.
- Иванов Вяч.Вс.* 1978 – Чет и нечет: асимметрия мозга и знакомых систем. М., 1978.
- Калинина А.Н. и др.* 1968 – А.Н. Калинина, В.А. Пестова, Е.Л. Гинзбург, Е.И. Нарбутис. К проблеме опознания зрительных и слуховых образов // Третий всесоюзный съезд общества психологов СССР. Т. 1. М., 1968.
- Караулов Ю.Н.* 1993 – Ассоциативная грамматика русского языка. М., 1993.
- Караулов Ю.Н.* 1996 – Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
- Колерс П.* 1972 – Межъязыковые словесные ассоциации // Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972.
- Леонтьев А.А.* 1977 – Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977.
- Лэмберт У. и др.* 1972 – У. Лэмберт, Дж. Гавелка, С. Кросби. Зависимость двуязычия от условий усвоения языка // Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972.
- Медведева И.Л.* 1991 – Универсальное и специфическое в ассоциациях типа "и/или" // Психолингвистика и межкультурное взаимопонимание: тезисы докладов X Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1991.
- МБИ* 1976 – Методы билингвистических исследований. М., 1976.
- Миклауш М.* 1994 – О некоторых вопросах так называемого переключения кодов при билингвизме и двухкодности // Glottodidactica. V. 22. Poznań. 1994.
- Новикова А.М.* 1998 – "Семантический гештальт" в структуре ассоциативного поля. М., 1998.
- Овчинникова И.Г., Мустафина Ф.Ф.* 1991 – Фольклорные коннотации слова в условиях билингвизма // Психолингвистика и межкультурное взаимопонимание: тезисы докладов X Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М. 1991.
- Панфилов В.З.* 1972 – Взаимоотношение категорий языка и мышления при двуязычии // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.
- Стернин И.А.* 1966 – Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
- Тарасов Е.Ф.* 1996 – Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
- Траченко О.П. и др.* 2000 – О.П. Траченко, М.А. Грицышина, И.Г. Овчинникова. Порождение ассоциаций и функциональная асимметрия мозга // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2000.
- Уфимцева Н.В.* 1996 – Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
- Хегай М.А.* 1994 – О речевом поведении билингвов // Родной язык. М., 1994. № 1.
- Черниговская Т.В., Деглин В.Л.* 1988 – Гетерогенность языкового сознания в свете функциональной асимметрии мозга // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. "Языковое сознание". М., 1988.
- Черноватый Л.Н., Рябых Н.В.* 1988 – Исследование организации иноязычной лексики в сознании субординативного билингва. Харьков, 1988.
- Членов Л.Г.* 1948 – Об афазии у полиглотов // Известия Академии педагогических наук РСФСР. Расстройства речи при черепно-мозговых ранениях и ее восстановление. Труды института дефектологии. Вып. 15. Москва–Ленинград, 1948.
- Шапкина О.Н.* 1996 – О языковых стереотипах в межнациональном общении // Россия и Запад: диалог культур. М., 1996.
- Шахнарович А.М.* 1994 – Родной язык и двуязычие // Родной язык. М., 1994. № 1.
- Шахнарович А.М.* 1988 – Языковое сознание, языковая способность, коммуникативная способность и "картина мира" // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. "Языковое сознание". М., 1988.
- Щерба Л.В.* 1958 – Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Ленинград, 1958.
- Эрвин С.М.* 1972 – Семантический сдвиг при двуязычии // Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972.
- Юнг К.-Г.* 1994 – Аналитическая психология. Санкт-Петербург, 1994.

- Юртайкин В.В., Котик Б.С.* 1988 – Функциональная асимметрия мозга и проблема формирования структур иноязычного сознания // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. "Языковое сознание". М., 1988.
- Яцкиявичюс А.* 1960 – Особенности и динамика ассоциаций при усвоении второго языка. Автореф. дис. ...канд. педагог. наук. Ленинград, 1960.
- Andy O.J.* 1984 – Right-hemispheric language evidence from cortical stimulation // *Brain and language*. V. 23. 1984.
- Bain B., Yu A.* 1980 – Cognitive consequences of raising children bilingually: 'one parent, one language' // *Canadian journal of psychology. Special issue. Psychological and linguistic studies of bilingualism*. V. 34. 1980. № 4.
- Chernigovskaya T.V. et al.* 1983 – T.V. Chernigovskaya, L.J. Balonov, V.L. Deglin. Bilingualism and brain functional asymmetry // *Brain and language*. V. 20. 1983.
- Chernigovskaya T.V., Deglin V.L.* 1986 – Brain functional asymmetry and neural organization of linguistic competence // *Brain and language*. V. 29. 1986.
- Clyne M.G.* 1980 – Triggering and language processing // *Canadian journal of psychology. Special issue. Psychological and linguistic studies of bilingualism*. V. 34. 1980. № 4.
- Costermans J., Gallard J.* 1980 – Sur l'accessibilité du lexique chez les bilingues // *Canadian journal of psychology. Special issue. Psychological and linguistic studies of bilingualism*. V. 34. 1980. № 4.
- Deese J.* 1965 – The structure of associations in language and thought. Baltimore, 1965.
- Eviatar Z.* 1997 – Language experience and right hemisphere tasks: the effects of scanning habits and multilingualism // *Brain and language*. V. 58. 1997.
- Favreau M. et al.* 1980 – M. Favreau, M.K. Komoda, N. Segalowitz. Second language reading: implications of the word superiority effect in skilled bilinguals // *Canadian journal of psychology. Special issue. Psychological and linguistic studies of bilingualism*. V. 34. 1980. № 4.
- Gomez-Tortoza E. et al.* 1995 – E. Gomez-Tortoza, E.M. Martin, M. Gaviria, F. Charbel, J.I. Austman. Selective deficit of one language in a bilingual patient following surgery in the left perisylvian area // *Brain and language*. V. 48. 1995.
- Grosjean F.* 1989 – Neurolinguists, beware! The bilingual is not two monolinguals in one person // *Brain and language*. V. 36. 1989.
- Gumperz J.J.* 1967 – On the linguistic markers of bilingual communication // *Journal of social issues. Problems of bilingualism*. V. 23. New York. 1967. № 2.
- Jacikevičius A.* 1970 – Daugiakalbystės psichologija (Apybraiža). Vilnius, 1970.
- Junqué C. et al.* 1989 – C. Junqué, P. Vendrell, J.M. Vendrell-Brucet, A. Tobena. Differential recovery in naming in bilingual aphasics // *Brain and language*. V. 36. 1989.
- Karaliūnas S.* 1997 – Kalba ir visuomenė (Psichologiniai ir komunikaciniai kalbos vartojimo bruožai). Vilnius, 1997.
- Kim H.* 1997 – Are subjects' perceptual asymmetries on auditory and visual language tasks correlated?: a meta-analysis // *Brain and language*. V. 58. 1997.
- Kolers P.A., Paradis M.* 1980 – Introduction // *Canadian journal of psychology. Special issue. Psychological and linguistic studies of bilingualism*. V. 34. 1980. № 4.
- Korsakas J.* 1995 – Negimtos kalbos atkurtojo teksto leksikos statistiniai parametrai // *Filologija ir metodika* 2. Šiauliai, 1995.
- Kraetschmer K.* 1982 – Forgotten cases of bilingual aphasics // *Brain and language*. V. 15. 1982.
- Macnamara J.* 1967 – The bilingual's linguistic performance – a psychological overview // *Journal of social issues. Problems of bilingualism*. V. 23. New York, 1967. № 2.
- Metz-Lutz M.-N., Dahl E.* 1984 – Analysis of word comprehension in a case of pure word deafness // *Brain and language*. V. 23. 1984.
- Miljkovitch I.* 1980 – Classement suivant des catégories sans étiquette verbale chez les bilingues // *Canadian journal of psychology. Special issue. Psychological and linguistic studies of bilingualism*. V. 34. 1980. № 4.
- Nilipour R., Ashayeri H.* 1989 – Alternating antagonism between two languages with successive recovery of a third in a trilingual aphasic patient // *Brain and language*. V. 36. 1989.
- Obler L. et al.* 1982. – L. Obler, R. Zatorre, L. Galloway, J. Vaid. Cerebral lateralization in bilinguals: methodological issues // *Brain and language*. V. 15. 1982.
- Paivio A., Desrochers A.* 1980 – A dual-coding approach to bilingual memory // *Canadian journal of psychology. Special issue. Psychological and linguistic studies of bilingualism*. V. 34. 1980.

- Paradis M.* 1990 – Language lateralisation in bilinguals: enough already? // *Brain and language*. V. 39. 1990.
- Paradis M.* 1996 – Selective deficit in one language is not a demonstration of different anatomical representation: comments on Gomez-Tortosa et al. (1995) // *Brain and language*. V. 54. 1996.
- Paradis M., Goldblum M.-C.* 1989 – Selected crossed aphasia in a trilingual aphasic patient followed by reciprocal antagonism // *Brain and language*. V. 36. 1989.
- Paradis M. et al.* 1982 – M. Paradis, M.-C. Goldblum, R. Abidi. Alternate antagonism with paradoxical translation behavior in two bilingual aphasic patients // *Brain and language*. V. 15. 1982.
- Perecman E.* 1989 – Bilingualism and jargonaphasia: is there a connection? // *Brain and language*. V. 36. 1989.
- Perecman E.* 1984 – Spontaneous translation and language mixing in a polyglot aphasia // *Brain and language*. V. 23. 1984.
- Post M.* 1994 – Contrastive lexical analysis and bilingual lexical competence // *Acta Univ. Wratislaviensis*. Wroclaw, 1994. № 1582.
- Rosch E.* 1978 – Cognition and categorization. New Jersey, 1978.
- Rozenzweig M.R.* 1961 – Comparison among word-association responses in English, French, German and Italian. // *American journal of psychology*. V. 74. Ithaca. 1961.
- Segalowitz S.* 1983 – Language function and brain organization. New York, 1983.
- Soares C.* 1984 – Left-hemisphere language lateralization in bilinguals: use of the concurrent activities paradigm // *Brain and language*. V. 23. 1984.
- Solin D.* 1989 – The systematic misrepresentation of bilingual crossed aphasia data and its consequences // *Brain and language*. V. 36. 1989.
- Sridhar S.N., Sridhar K.K.* 1980 – The syntax and psycholinguistics of bilingual code mixing // *Canadian journal of psychology*. Special issue. Psychological and linguistic studies of bilingualism. V. 34. 1980. № 4.
- Sussman H. et al.* 1982 – H. Sussman, P. Franklin, T. Simon. Bilingual speech: bilateral control? // *Brain and language*. V. 15. 1982.
- Vaid J., Genesee F.* 1980 – Neuropsychological approaches to bilingualism: a critical review // *Canadian journal of psychology*. Special issue. Psychological and linguistics of bilingualism. V. 34. 1980. № 4.
- Walters J., Zatorre R.J.,* 1978 – Laterality differences for word identification in bilinguals // *Brain and language*. V. 6. 1978.
- Watomori T.S., Sasanuma S.* 1978 – The recovery of the two English-Japanese bilingual aphasics // *Brain and language*. V. 6. 1978.
- Xymes J.* 1967 – Models of the interaction of language and social setting // *Journal of social issues*. Problems of bilingualism. V. 23. New York, 1967. № 2.
- Zatorre R.J.* 1989 – On the representation of multiple languages in the brain: old problems and new directions // *Brain and language*. V. 36. 1989.

© 2001 г. Р.З. МУРЯСОВ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНТРАСТИВНОЙ АСПЕКТОЛОГИИ

Аспектуальность относится к наиболее распространенным в языках мира категориям и является, по мнению некоторых языковедов, более универсальной, чем даже категория времени [Lyons 1977; Маслов 1984; Бондарко 1983; 1987], причем эти две категории выступают обычно в виде сопряженного аспектуально-темпорального комплекса [РГ 1980].

При сопоставительном и типологическом изучении категории аспектуальности категория вида русского глагола может рассматриваться как своего рода лингвистический эталон, т.е. отправной точкой, основанием для сравнения (*tertium comparationis*), так как среди индоевропейских языков только в славянских, в особенности в русском, она находит свое последовательное грамматическое выражение. Категория вида определяется в РГ как "система противопоставленных друг другу двух рядов форм глаголов: ряда форм глаголов, обозначающих ограниченное пределом целостное действие (глагола совершенного), и ряда форм глаголов, не обладающих признаком ограниченного пределом целостного действия (глаголы несовершенного вида)" [РГ: 583]. Категория вида в русском языке занимает по отношению к другим грамматическим категориям глагола и всей парадигматической системе глагола доминирующее положение. Она является как бы *г и п е р п а р а д и г м о й*, предопределяющей и пронизывающей всю глагольную парадигматику, т.е. макропарадигму данной части речи. Если, например, инфинитив в русском языке находится за пределами глагольной парадигматики как таковой, т.е. он не охватывается, например, грамматическими категориями времени, модальности и т.д., то видовой формой охватываются все глаголы. В качестве структурного и семантического ядра данной категории выступает видовая пара, определяемая как "пара лексически тождественных глаголов сов. и несов. вида, различающихся между собой только грамматической семантикой вида: *делать—сделать, переписать—переписывать*" [РГ: 583].

Постулирование категории вида русского глагола в качестве некоего грамматического эталона не означает, что в лингвистической литературе существует непротиворечивое единое понимание как в определении уровня статуса, так и вопроса о том, какие семантические признаки составляют семантические инварианты грамматической оппозиции СВ: НСВ.

Несмотря на то, что вид, видовое противопоставление пронизывает всю глагольную парадигматику, степень ее грамматикализованности в теории аспектологии оценивается неоднозначно. Причиной тому является, прежде всего, многосложность и противоречивость самого исследуемого объекта. Основное недоразумение кроется в определении статуса членов видовой корреляции, а именно является ли видовая пара грамматической, т.е. противопоставлением двух разных грамматических форм одного и того же слова, или это противопоставление *р а з н ы х с л о в*.

Если речь идет о том, что видовая пара – это чистая грамматическая оппозиция одного и того же слова, тогда многие недоразумения снимаются. Однако, допустив, что члены видовой корреляции являются разными словами, мы выходим за пределы грамматики в узком и строгом понимании этого термина. С другой стороны, иногда видообразование переплетается со словообразованием. Одним из факторов, препятствующих построению непротиворечивой модели, процедуры описания категории вида в русском языке является нередко наблюдаемая между членами видовой пары семантическая асимметрия, например, один член пары обладает одним набором семем (ЛСВ), а другой – другим. Фактор асимметричной полисемии членов видовой пары становится непреодолимой преградой на пути признания ее чисто грамматической категорией. Таким образом, камнем преткновения в решении вопроса о грамматической или неграмматической природе категории вида становится фактор наличия видовых корреляций, члены которых совпадают лишь в части своих значений, имеют "неполную семантическую соотносительность" [Тихонов 1998: 11]. В РГ указывается на тесную связь категории вида и залога с лексикой и категория вида квалифицируется как несловоизменяемая [РГ: 582]. Одновременно аффиксальные средства (в основном префиксы, редко суффиксы), служащие образованию видовых форм, могут быть определены как грамматические аффиксы, так как их назначение состоит в создании того или иного видового значения, т.е. грамматического значения.

Противоречивость категории вида лишней раз убеждает лингвистов в том, что языковые (в данном случае грамматические) категории неоднородны, что, впрочем, было уже продемонстрировано в специальной работе А.В. Бондарко, посвященной типологии морфологических категорий [Бондарко 1976]. Русский вид в чем-то напоминает категорию рода в индоевропейских языках. Эта последняя категория определяется как классификационно-грамматическая. Хотя ее уровень статус толкуется в лингвистической литературе неоднозначно, она пронизывает и определяет всю микропарадигму существительного как части речи. Ср., например, соотношение рода и типов склонения существительных в русском и немецком языках, рода и числа, рода и типов склонения прилагательных, рода и типов склонения местоимений и т.д.

Поиски ответов на некоторые вопросы относительно грамматической природы категории вида в русском языке побуждают исследователя к обращению к теории функционально-семантической категории и теории поля в целом, так как степень грамматичности, чистота грамматического характера отношений между членами видовой пары неоднородна. Полевая природа категории вида очевидна: прототипическая формальная и семантическая структура, находящая свое выражение в видовых парах, в лексико-семантическом отношении тождественных, хотя части их противопоставлены эксплицированными в специальных грамматических аффиксах видовыми значениями – конкретно-фактическим (для СВ) и конкретно-процессуальным (для НСВ), образует ядро функционально-семантического поля аспектуальности. Но, как известно, полевая структура свойственна и грамматическим явлениям и категориям. Безусловно, случаи отсутствия лексико-семантического тождества, особенно это касается случаев семантической асимметрии многозначных глаголов, свидетельствуют о том, что взаимодействие видообразования с лексикой и словообразованием приводит к ослаблению интенсивности (строгости) грамматических правил, и явлениям последнего типа присуща центробежная тенденция.

Продуктивной представляется идея А.В. Бондарко о двух типах семантических инвариантов – абсолютной инвариантности общих значений, присущей всем случаям функционирования данной формы, и относительной инвариантности основных значений, охватывающая центральную сферу употребления грамматической формы, не свойственная периферийным употреблениям [Бондарко 1998: 66]. Эта идея созвучна с концепцией о полевой природе грамматических явлений, в частности с выделением ядра, доминанты и периферийных зон. Выделение прототипических и непрототипических семантических структур или "прототипичности" разных степеней имплицитует идею о соотношении ядра и периферии при описании языковых категорий.

Одновременно новейшие исследования в области русской аспектологии говорят об усилении грамматического ядра данной категории. Так, по свидетельству А.Н. Тихонова, парные по виду глаголы составляют более 75% всей глагольной лексики, непарных (одновидовых) глаголов около 20%, двухвидовых глаголов не более 5–6% [Тихонов 1998: 17].

По данным М.Ю. Чертковой, тенденция к строгой грамматикализации видовых пар носит еще более интенсивный характер. Автор пишет об этом: «Развитие видовой парности ("рассеяние" у двувидовых, образование пар у традиционно несоотнесительных глаголов НСВ и СВ, а также создание новых видовых – префиксальных, суффиксальных и супплетивных пар) позволяет сделать вывод о тенденции развития категории вида в современном русском языке по пути универсализации видového противопоставления во всем объеме глагольной лексики. Статистический анализ количества парных и несоотнесительных пар по виду глаголов в современном русском языке показал следующее процентное соотношение – 97% : 3%» [Черткова 1996: 134].

Другой дискуссионной проблемой категории вида у русского глагола является проблема инвариантного значения, под которым обычно понимается "тот компонент в значении (и, следовательно, толковании) языковой единицы, который присутствует в любом его употреблении либо в своем изначальном (прототипическом) виде, либо в виде другого компонента, полученного из прототипического в определенных условиях по каким-то общим правилам" [Гловинская 1998: 125]. Этот фактор наличия или отсутствия "внутренней динамической структуры протекания действия во времени" [Comrie 1976: 3] свойствен и другим языкам, но специфика русского языка состоит именно в том, что данные видовые значения выражаются эксплицитно, т.е. в морфологических оппозициях, между тем как в других (германских, романских, тюркских) языках те же семантические признаки с точки зрения отражения их в грамматическом строе носят универсальный характер, правда с некоторой их концентрацией в отдельных участках грамматики, часто в сопряженном с другими грамматическими категориями виде.

Существует в русской аспектологии также попытка выработать более жесткую, объективную процедуру определения инвариантного значения категории вида. М.Я. Гловинская считает, что в качестве семантического инварианта может рассматриваться метаязыковой признак "начать (ся)", например, *заснуть* "начать спать", *продолжить Р* "начать Р вновь после перерыва" *перестать* "начать не делать Р", *кончить Р* "перестать делать Р в момент, когда Р начало существовать" и т.д. М.Я. Гловинская отмечает, что «не существует глаголов СВ, которые не включали бы в свое толкование элемента "начать"» [Гловинская 1998: 129]. Такого рода "устроение" процедуры никак не отвергает общепринятое определение категориальных семантических признаков "ограниченность пределом действия" и "целостность", а уточняет понятие границы, предела.

И, наконец, фактор функционального сближения членов оппозиции СВ: НСВ никак не противоречит их грамматической природе. Транспозиция грамматических форм под влиянием контекста – широко распространенное явление; и их синонимическое использование не разрушает систему оппозиций в рамках данной грамматической категории.

В целях типологического изучения аспектологии важно констатировать, что категория вида в русском языке, выбираемая в качестве металингвистического эталона, представлена морфологической видовой оппозицией СВ: НСВ на основе категориальных семантических признаков "ограниченного пределом действия в единстве с его целостностью" и "непредельности, длительности". При этом существует определенная асимметрия между СВ и НСВ, заключающаяся в том, что "интегрирующее воздействие категориального значения грамматической формы при функционировании НСВ выражено слабее, чем в сфере СВ, поскольку форма НСВ не обладает постоянным положительным признаком" [Бондарко 1996: 117].

В других языках, привлекаемых к анализу в рамках данной статьи, категория вида не находит последовательного выражения в грамматическом строе в виде морфологи-

ческих оппозиций, как это было продемонстрировано на материале русского языка. В частности здесь будут рассмотрены особенности проявления категории вида в глагольной системе английского, немецкого, французского, татарского языков, в которых нет грамматической категории вида, которая достигла бы той степени грамматизованности, которая присуща другим глагольным категориям, например, времени, залога, наклонения.

Во избежание терминологических недоразумений и учитывая качественную неоднородность конституентов данной функционально-семантической категории в разных языках, представляется необходимым внести ясность в основные понятия аспектологии, связанные с разными уровнями ее анализа, что особенно актуально для английского, немецкого, французского и татарского языков, в котором аспектуальность лишена морфологического ядра. Следует выделить четыре слоя аспектологических терминов, находящихся в отношениях иерархического соподчинения по степени обобщенности выражаемых ими понятий. Наиболее обобщенным, родовым (Oberbegriff) понятием теории аспектологии, имплицитно содержащим его межуровневый характер, является понятие аспектуальности, которое составляет содержательный стержень, основу одноименного функционально-семантического поля. Второй ряд представлен в виде терминологической корреляции "совершенный вид – несовершенный вид" (СВ/НСВ).

Следующей, важной для функционально-семантической категории аспектуальности в целом характеристикой является деление глаголов на предельные и непредельные (лексико-грамматические разряды) [Бенвенист 1974: 585]. Причем способы действия также определяются как лексико-грамматические разряды. В связи с этим возникает необходимость уточнить соотношение категории предельности-непредельности со способами действия. То, что обе категории квалифицируются как лексико-грамматические разряды, оправдано, так как и противопоставление по признаку предельности-непредельности, и вычленяемые при этом способы действия представляют собой аспектологические классы и субклассы, содержащие в своем лексическом значении обобщенные, категориальные компоненты, которые относятся к ведению "скрытой" грамматики и являются "грамматическими сигналами, имплицитно содержащимися в ...семантике слов" [Кацнельсон 1972: 78]. Несмотря на то, что вид (аспект) и лексико-грамматический разряд предельности-непредельности представляют собой взаимосвязанные и родственные аспектологические категории, – обе категории указывают на характер протекания действия: они разнятся в том, что вид относится к категориям "интерпретационным" [Бондарко 1976: 47], т.е. в нем отражается, говоря словами Б. Комри, оценка, видение внутренней темпоральной структуры ситуации ("viewing... of the internal temporal constituency") с позиции говорящего [Comrie 1976: 3], а способ действия относится к объективной категории. При этом прежде всего речь идет о фазовых способах действия [Deutschbein 1939; Renicke 1961; Erben 1972, ср. Grundzüge 1981: 50].

Таким образом, иерархию основных аспектологических понятий можно представить в виде нисходящей по степени обобщенности линии: аспектуальность (межуровневое понятие) – вид (морфологическое понятие) – предельность – непредельность (лексико-грамматические разряды) – характеризованные и нехарактеризованные способы действия (они, особенно последние, ориентированы на лексическую семантику глаголов, т.е. лексикоцентричны).

Что касается германских, романских и тюркских языков, то аспектуальность в них относится к числу функционально-семантических полей без грамматического ядра, и поэтому использование оппозиции "perfektiv – imperfektiv" по отношению к глагольной лексике следует признать теоретически несостоятельным. В перечисленных языках нет аспектуальной категории, эквивалентной по уровневому статусу категории вида в русском языке.

Характерно, что несмотря на отсутствие грамматической категории вида в этих языках, трудно найти общеграмматические исследования или работу, посвященную

морфологии глагола, которые бы обошлись без упоминания категории аспектуальности.

Как это нередко имеет место в лингвистической литературе, под одной терминологической крышей оказываются далеко не тождественные явления разных языков. Конкретная структурация, т.е. языковая репрезентация того или иного семантического признака той или иной степени обобщенности носит лингвистический характер и в зависимости от этого данная семантическая категория получает свое терминологическое оформление. "Ярлыки, – пишет А. Вежицкая, – отражают здравую интуицию, в соответствии с которой грамматические категории имеют семантическую основу, и потому одноименные категории разных языков могут быть в какой-то степени приравнены друг к другу – не на основании грамматической формы, – а именно на основании некоторого общего семантического ядра" [Вежицкая 1999: 45]. А. Вежицкая одновременно подчеркивает, что общий термин предполагает не сходство семантической категории в разных языках, а однотипность, тождество ее прототипического ядерного значения, хотя "каждый язык располагает своей собственной уникальной системой значений, закодированных в грамматике" [Вежицкая 1999: 46]. Тождество прототипического ядра категории не исключает ее идиоэтнического характера, допускающего возможное "распространение на некоторые другие смежные значения" [Вежицкая 1999: 47]. Такого рода прототипическими значениями категории вида при описании языков является оппозиция наиболее обобщенных семантических признаков, разработанная, прежде всего, применительно к глагольной системе русского языка. Такими семантическими признаками являются "достижение действием предела" и "отсутствие достижения подобного рода (длительность, повторяемость, многократность)".

Статус категории вида в английском языке был предметом лингвистических дискуссий во второй половине XX века. Понятие вида то отвергалось как грамматическая категория и квалифицировалось как некий "разряд" [Иванова 1961], то считалось временной формой [Иртеньева 1956]. Как известно, А.И. Смирницкий наряду с другими грамматическими категориями глагола выделил также категорию вида, состоящую из двух формально и семантически противопоставленных членов: общий вид – длительный вид [Смирницкий 1959].

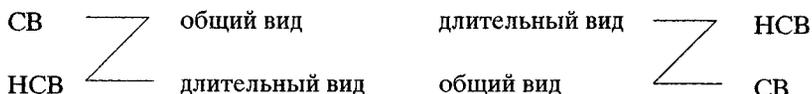
Возможность представления категории вида в английском языке в виде грамматической оппозиции служит его существенным отличительным признаком среди не-славянских, индоевропейских и тюркских языков.

Вид английского глагола качественно отличается от одноименной категории в русском. Первое важнейшее отличие двух языков состоит в том, что английский длительный вид – это не чисто видовая форма, возможно, даже главным образом не видовая форма. Ее основное назначение заключается в выражении временной отнесенности ко времени осуществления другого действия (тогда она создает как бы фон осуществления, протекания главного действия) или к какому-либо другому временному моменту. Другими словами одним из категориальных значений данной формы является **т а к с и с о д н о в р е м е н н о с т и**. Одновременность предполагает наличие средней фазы, т.е. общего временного вектора двух временных отрезков, что и порождает второй категориальный семантический признак – "длительность". Сказанное не исключает употребления длительных форм для выражения развертывающегося действия, т.е. прогрессива в собственном смысле этого слова. Длительные формы достаточно узко специализированы в выражении видовых значений: основной сферой их функционального сопряжения остается именно сфера длительности, в то время как другие видовые значения, находящиеся, например, в русском языке в ведении форм НСВ, оказываются включенными в семантический потенциал общего вида.

Другое существенное отличие категории вида в русском и английском языках состоит в том, что они образуют видовую оппозицию с противоположной направленностью своих членов в плане маркированности/немаркированности. Если в русском языке сильным, маркированным членом видовой оппозиции является СВ, так как, по характеристике А.В. Бондарко, "семантическое пространство частных значений СВ

имеет центрированную, фокусированную структуру, ядром которой является... основное значение", а НСВ напротив, "отличается структурой **диффузной**, слабо центрированной" [Бондарко 1996: 11]. Кроме того, СВ и НСВ характеризуются неодинаковым поведением по отношению к среде. НСВ свойственно **реактивное** отношение к среде, т.е. НСВ испытывает доминирующее воздействие среды, а формы СВ характеризуются **активным** поведением, т.е. несмотря на воздействие среды они сохраняют свое инвариантное значение [Бондарко 1996: 113].

Противоположная тенденция заложена в видовой оппозиции английского глагола: как в формальном отношении, так и в плане семантической определенности сильным членом является длительная форма. Общий вид представляет в семантическом отношении диффузное, многозначное образование, и он соответствует в русском языке как СВ, так и НСВ, между тем как длительный вид всегда передается в русском языке формой НСВ.

Вид и время, безусловно, сопряженные категории. Богатым спектром видовых значений обладают формы общего вида и специализированное, узкое значение характерно для форм длительного вида. Однако, говоря о том, что вид и время тесно связаны между собой, так как "видовые морфологические показатели одновременно служат и временными показателями" [Аракин 1989: 121], следует иметь в виду различную формульную специфику образования временных форм общего и длительного видов, а именно, временное значение общего вида аналитических форм передается аналитической структурой в целом, не расчленено (*has come, had come, will come, would come*), между тем временное значение длительных форм выражается исключительной формой вспомогательного глагола (ср. *is/was/has been/had been/will be + working*).

Английские длительные формы невозможно назвать каким-либо монокатегориальным термином. В их семантическую структуру входят три категориальных семантических признака: видовой (длительность) + временной + таксис (временная отнесенность). Поэтому они представляют собой аспектуально-темпорально-таксисный комплекс. Временные формы русского глагола носят аспектуально-темпоральный характер, а вот деэпричастия лишены темпорального значения и являются аспектуально-таксисными формами.

В рамках общего вида имперфектная и перфектная форма образуют аспектуальные оппозиции. В грамматическом плане аспектуальные семантические признаки обнаруживают себя лишь косвенно. Значения завершенности (результативности), длительности, кратности, точности, инхоативности не находят своей морфологической дифференциации, но они входят как аспектуальные признаки в семантическую структуру форм общего вида. Реализация значения завершенности действия или, наоборот, его длительности осуществляется в конкретном контексте под воздействием близкой и дальней среды. Наиболее значимой в реализации аспектуальных значений является лексико-грамматическая категория предельности/непредельности. Таким образом, репрезентация семантических признаков достижения действием предела или отсутствие его в английском языке с уровня грамматической категориальности перемещается на уровень лексико-грамматических категорий, т.е. способов действия предельности и непредельности. Другими словами, аспектуальное противопоставление в английском языке по признаку завершенности/незавершенности действия с точки зрения грамматики понижено в ранге до уровня субграмматической категории, т.е. структурно-семантических разрядов. Past Indefinite и Present Perfect могут выражать как законченные, так и незаконченные действия в зависимости от того, образованы эти формы от предельных или непредельных глаголов. В ином случае они выражают незакончен-

ность действия, ср.:

русск. Андрей почернел, задохнулся. Порвал застёжки.

англ. Andrei went black in the face and gasped for breath. He tore open his greatcoat... (Past Indefinite соответствует русскому СВ).

русск. А потом долго, не слушая увещаний жены, лежал с открытыми глазами, думал... (М. Шолохов)

англ. Then for a long time, heedless of his wife's pleadings, he lay with his eyes open and thought // (Past Indefinite соответствует русскому НСВ).

русск. Мне твердо надо знать: решил ли? (М. Шолохов)

англ. I've got to know for certain, have you decided? (Present Perfect передается в русском языке формой СВ).

русск. Много мы красных слов слышали. (М. Шолохов)

англ. We've heard plenty of fine words (Present Perfect соответствует русскому НСВ).

Вышесказанное о взаимосвязи способов действия и видовых значений форм Past Indefinite и Present Perfect не означает, что аспектуальный признак обязательно предполагает перфективное значение временных форм. Например, нет у них результативного значения и от предельных глаголов, если они употребляются в контексте многократного действия [Гуревич 1998: 148].

Несмотря на обилие лингвистической литературы по аспектологии английского языка, категория вида еще далека от своего решения. Она в основном исследовалась в плане противопоставления длительного вида и общего вида, между тем как дальнейшее видовое расслоение форм общего вида, совмещающего в себе функции СВ и НСВ русского глагола, еще не стало предметом исследования. Чтобы убедиться в корректности нашего данного суждения достаточно привести характеристику вида в одной из самых объемных и фундаментальных грамматик английского языка: "Aspect relates to considerations such as the completion or lack of completion of events or states described by a verb. The perfect aspect designates events or states taking place during a period leading up to the specified time..." [LG 2000: 460]. Здесь имеет место явное неразграничение законченности действия, т.е. истечения временных рамок осуществления действия, и совершенности действия, т.е. достижения действием своего предела.

Итак, видовая система английского глагола грамматизована лишь при сочетании видового признака с таксисом. Вне такой комбинации нет категории длительности. Однако этот факт не может свидетельствовать об "отсутствии в этом языке собственно категории глагольного вида..." [Гуревич 1998: 150]. Категория вида в английском языке при рассмотрении в зеркале одноименной категории русского языка не может быть признана гомоморфной последней. Безусловно категория вида в двух языках имеет отличные конфигурации. Однако, как отмечает М.Я. Блох, "грамматическая категория в каждом языке формируется конкретными соотношениями его грамматических форм" [Блох 1986: 92]. Не совсем верным представляется утверждение, что вид в английском языке не закреплен за особыми формами. Важнейшим показателем длительного вида является форма на *-ing*, а временное значение выражается исключительно формой вспомогательного глагола (*is/was/has been/had been/would be*). Кроме того, как уже отмечалось, в лингвистической литературе некоторые грамматические категории выступают как сопряженные. В.Н. Ярцева писала по этому поводу: "...В глаголе современного английского языка грамматизированное выражение вида как характеристика протекания действия (его длительности, законченности, интенсивности) выступает в рамках системы времен" [Ярцева 1968: 30].

Категория вида во французском языке является предметом острых лингвистических дискуссий. И дискуссии эти ведутся вокруг трех проблем, от решения которых зависит ответ на вопрос: является ли вид во французском языке категорией грамматической. В данном вопросе можно указать, по меньшей мере, на две тенденции, два направления. Французские лингвисты в основном считают вид грамматической категорией (см. обзор

литературы об этом [Гак 1989; 2000; Реферовская 1984; Пицкова 1982, Pollak 1960]), тогда как по мнению отечественных романистов, вид не является грамматической категорией в строгом смысле слова. Так, например, как и в английском, во французском языке, нет деления глагольных лексем по видовому признаку и один и тот же глагол в зависимости от представленной в предложении аспектуальной ситуации может выражать как законченное (СВ), так и незаконченное действие (НСВ). Л.И. Илия однозначно отрицает грамматическую категорию вида у французского глагола: "Во французском языке отсутствует категория вида, т.е. отсутствуют грамматические формы для обозначения действия как завершенного или незавершенного..." [Илия 1964: 138]. Проанализировав различные точки зрения на категорию вида в зарубежной лингвистике, Е.А. Реферовская приходит к такому же выводу: "...Вопрос о существовании категории вида как отдельной специальной совокупности форм решается для французского языка отрицательно. Вид представляет собой некое сознание временных форм" [Реферовская 1984: 109].

Различия мнений французских и отечественных лингвистов в интерпретации категории вида обусловлены прежде всего разграничением "внешнего" и "внутреннего" времени действия. "Внешнее время" – это, по Гийому, временной план действия (будущее, настоящее, прошедшее), а "внутреннее время" – это временная форма, выражающая длительность совершения действия [Guillaume 1969]. Ж. Лафлеш считает, что во французском языке представлена видовая оппозиция "завершенность – незавершенность" [Lafèche 1973]. Отечественные романисты справедливо указывают на смешение как раз внешнего и внутреннего времени действия и нередко истечение временного отрезка, временных рамок с внутренним временем, т.е. длительностью, многократностью или, наоборот, завершенностью действия в смысле достижения им внутреннего предела и его исчерпанностью.

В качестве основной видовой оппозиции во французском языке рассматривается оппозиция линейные времена (*imparfait*) – точечные времена (*passé simple* и *passé composé*). Данная категория близка к оппозиции СВ – НСВ в русском языке. Данную оппозицию В.Г. Гак характеризует следующим образом: "Точечные времена" (*passé composé* и *passé simple*) используются для выражения конкретных единичных действий, сменяющих друг друга, тогда как *imparfait* выражает одновременность событий, фоновые обстоятельства, состояние... И нередко СВ в употреблении совпадает с французскими "точечными временами", а НСВ – с имперфектом [Гак 1977: 151]. Аспектуальный термин "целостность" используется в общезыковедческом плане неоднозначно. Некоторые лингвисты в семантике "точечных времен" французского языка также усматривают целостность действия [Пицкова 1982: 79]. Однако целостность действия в русском и французском языках структурируется по-разному. На это в частности указывает В.Г. Гак: «Русский совершенный вид обозначает целостность нечленимую, французские точечные времена обозначают и членимую целостность, т.е. единое действие, распадающееся на ряд аналогичных действий. Поэтому повторное действие (членимая целостность) в русском языке выражается НСВ, а во французском – "точечными" временами: *Je l'ai vu plusieurs fois.* – Я видел его несколько раз» [Гак 1977: 151].

Сопоставление аспектуальных ситуаций в русском языке, в которых в качестве грамматической доминанты функционируют формы СВ и НСВ, с таковыми во французском языке с использованием имперфекта и/или "точечных" времен свидетельствует об их неоднозначных аспектуальных соотношениях, ср.:

русск. Все время он мне *пособлял*, быков *давал*, семена *ссужал*... (М. Шолохов).

франц. *Il m'a aidé tout le temps, prêté ses boeufs et ses semences*... (русский НСВ передается "точечной" формой *passé composé*).

русск. Иногда лишь, *встречаясь* со старшим сыном Аникея Девяткина, эмигрировавшего во Францию, *бледнел*. (М. Шолохов).

франц. *Cependant il lui arrivait de pâlir, lorsqu'il rencontrait Déviatkine, le fils aîné d'Anikéi, émigré en France* (наиболее типичный случай видовых соответствий

в русском и французском языках: НСВ – imparfait).

- русск. Часов в семь утра Давыдов, придя в сельсовет, *застал* уже в сборе четырнадцать человек гремячинской бедноты. (М. Шолохов).
- франц. Davydov, arrivé vers huit heures du matin au soviet, *y trouva déjà réunis les quatorze cultivateurs pauvres de Grémiatchi-Log* (passé simple как аспектуальное соответствие русскому СВ) и т.д.

При выражении одновременности действия с действием главного предиката русскому НСВ соответствуют в других языках имперфект или длительная форма, ср.:

- русск. В курень вошли толпой. Жена Титка, худая, высокая баба, *поила* из лоханки телка. (М. Шолохов).
- франц. Ils s'engouffrèrent en bande dans la maison. La femme de Titok, grande et maigre, *faisait* boire un veau dans un baquet.
- англ. They entered the house in a bunch. Titok's wife, a tall thin woman, *was feeding* a call out of a tub.
- нем. Sie gingen alle miteinander ins Haus. Titoks Frau, ein großes, hageres Weib, *tränkte* gerade ein Kalb aus einen Holztrog.
- татарск. Өйгә төкөмнәре белән барып керделәр. Титокның хатыны, озон буйлы, ябык кына бер нәрсә, кечкенә лаканнан бозау *эчереп тора иде* (незаконченное или длительное прошедшее).

По мнению Х. Глинца таксис одновременности или соотносительности с какой-либо временной точкой является одним из основных значений французского имперфекта (imparfait) и при этом предикат главного предложения может стоять как в настоящем, так и в прошедшем времени, ср.: Il affirme que cette femme *travaillait au moment de l'accident*. – Il a affirmé que cette femme *travaillait en ce moment* [Glinz 1994: 142].

Не менее дискуссионно и видовое противопоставление простых и сложных времен. Э. Бенвенист видит в последних два категориальных значения – перфектность, которая понимается как "совершенство действия" + "аспектуальность" ситуации и предшествование.

Избыточное количество времен во французском языке, в особенности в плане прошедшего, может быть объяснено только при учете того факта, что времена одного и того же глагола, как указывает Э. Бенвенист, "распределяются по двум различным взаимодополнительным системам", представляющие "два различных плана сообщения, которые мы будем различать как план истории и план речи" [Бенвенист 1974: 271]. При этом в историческом плане употребляются аорист, т.е., имперфект, плюсквамперфект и проспектив; исключаются: настоящее, перфект, будущее (простое и сложное); в речевом (простое и сложное) [Бенвенист 1974: 279]. Одновременно Э. Бенвенист подчеркивает, что различие между историческим повествованием не совпадает с различием между письменной и устной разновидностями языка, так как, если первое закреплено за письменным языком, то речь существует "равно в письменной и в устной формах" [Бенвенист 1974: 276–277].

Двуплановое расслоение влечет за собой определенные последствия и для видовых оппозиций. Так, форма *passé composé* (j'ai fait) выступает в двух ипостасях: 1) она выражает совершенство по отношению к форме *présent* (je fais), 2) она, по образному выражению Э. Бенвениста, "соскальзывает в ранг простых времен, и системе требуется новая сложная форма для выражения совершенности" [Бенвенист 1974: 283] в виде сверхсложной видовой формы *j'ai eu fait*, который представляет собой новый перфект к *passé composé* [Там же: 283].

Таким образом, образуются две параллельные видовые оппозиции для двух планов повествования: оппозиция "аорист (*passé simple*): *passé antérieur*" в плане исторического повествования и оппозиция "*passé composé* (в функции аориста): *passé surcomposé* (il a eu fait)" в плане речи.

Для Э. Бенвениста четыре сложные формы выражают как предшествование, так и

совершенство действия. Таким образом, формы *passé composé* (il a écrit), *plus-que-parfait* (il avait écrit), *passé antérieur* (il eut écrit) и *futur antérieur* (il aura écrit), помимо таксиса предшествования в разных временных планах, выражают также видовое значение завершенности действия.

По-видимому, Э. Бенвенист в какой-то степени переоценивает роль таксиса предшествования для формирования видового значения французских сложных времен. Впрочем, аналогичное явление наблюдалось и при описании перфектных форм в немецком и английском языках. Предшествование одного действия другому само по себе, безусловно, создает благоприятную языковую среду для выражения завершенного предшествующего действия, но не является обязательным. Как справедливо замечает В.Г. Гак, "любое завершенное действие оказывается предшествующим по отношению к следующему действию, но не всякое предшествующее действие оказывается завершенным в смысле достижения своего внутреннего предела" (разрядка моя. – *P.M.*) [Гак 2000: 333].

Свое однозначное выражение в грамматическом строе французского языка семантический признак "завершенность действия" получает в так называемых сверхсложных временах (*passé surcomposé*: il a eu mangé; *imparfait composé*: il avait eu mangé, а также *futur surcomposé*: il aura eu mangé и *conditionnel surcomposé*: il aurait eu fait), играющих во временной системе второстепенную роль и относящихся к перфекту грамматики французского глагола; именно, они, как правило, не включаются в основную парадигму глагола, употребляются в разговорной речи и характеризуются дефектной залоговой парадигмой. Их синтагматическая комбинаторная особенность состоит в том, что они обычно коррелируют с другой сложной глагольной формой. Их видовое значение носит абсолютный характер. "Они всегда имеют значение совершенного вида и используются обычно с предельными глаголами" [Гак 2000: 335].

Таким образом, в темпоральной системе французского языка можно выделить вдовременные формы, образующие шкалу по степени "чистоты" выражения значения завершенности действия, гомоморфного семантике СВ в русском языке: сверхсложные времена – сложные времена в следующей последовательности: *passé antérieur* и *futur antérieur* – *plus-que-parfait* – *passé composé* и простое (точечное) прошедшее *passé simple*. Иную последовательность имеет видовая шкала, отражающая значение незавершенности: *imparfait* – *passé composé* – *plus-que-parfait* – *passé simple*.

Системное видовое значение временных форм находится в тесном взаимодействии с основной, наиболее обобщенной аспектуальной оппозицией "предельность – неопредельность", определяемой в славянской аспектологии как способ действия. Оппозиция "предельность – неопредельность" обнаруживается, как в славянских, а грамматической категорией вида, так и в германских и тюркских языках, в которых нет такой грамматической категории в строгом смысле этого термина. А.А. Холодович замечает по этому поводу, что разбиение глаголов на предельные и неопредельные "видимо, универсально" и "причина универсальности кроется в сугубо семантическом характере дихотомии" [Холодович 1979: 138]. О значимости данной аспектуальной дихотомии для формирования глагола можно судить по высказыванию одного из французских лингвистов о том, что "для всякой глагольной лексемы предельность или неопредельность является обязательной врожденной чертой" [Lafèche 1973: 367]. Несколько иная точка зрения выражена по этому поводу Л.И. Илия, которая считает, что "большинство глаголов не может быть отнесено ни к той, ни к другой группе даже по значению" [Илия 1964: 139], например: *boire, manger, lire, parler, chanter, regarder* и др. Решительно противоположную точку зрения высказывает Е.А. Черферовская: "...Если рассматривать какой-либо глагол вне контекста в его наиболее часто встречающемся значении, его всегда можно определить как предельный или неопредельный. Так, предел, содержащегося в глаголе *naître*, представлен актом рождения; предел дейст-

вия *mourir* – в факте смерти..." [Реферовская 1984: 94]. Тем не менее аспектуальные признаки предельности и неопределенности легко обнаруживаются в контексте в зависимости от наличия или отсутствия объекта, характера субъекта, временной локализованности/нелокализованности ситуации, и, в особенности при наличии аспектуально "чувствительных" адвербиальных слов и словосочетаний.

В связи с дихотомией "предельность – неопределенность" следует подчеркнуть ее значимость также при видовой характеристике временных форм прошедшего английского, немецкого и татарского языков. При формировании видового значения в этом отношении двусмысленных временных форм аспектуальной дихотомии "предельность/неопределенность" принадлежит решающая роль.

Выражает та или иная глагольная форма значение завершенности или незавершенности действия, сводится к вопросу о том, образованы данные грамматические формы от предельных или неопределенных глаголов. Если грамматическая форма образована от предельных глаголов и в контексте нет специальных аспектуальных наречий и т.п. и не имеет места специальная имперфективация процесса, действия в каких-то стилистических или прагматических целях, то она выражает совершенность действия и, наоборот, наличие аспектуального признака неопределенности создает идеальную аспектуальную среду для *imparfait* для реализации системных значений одновременности, длительности и многократности. Аспектуальная характеристика прежде всего таких форм, как *passé simple*, *passé composé*, *plus-que-parfait*, находится в прямой зависимости от анализируемой аспектологической дихотомии. Даже сверхсложные формы, как указывают романисты, обычно сочетаются с переходными глаголами.

Разбиение глаголов на предельные и неопределенные во французском языке в основном носит лексико-семантический характер и, пользуясь получившей распространение в русской аспектологии терминологией, их можно квалифицировать как нехарактеризованные способы действия, так как во французском языке нет такого набора специальных аффиксов перфективации, как это свойственно русскому и в значительной степени немецкому глаголу. К характеризованным способам действия можно отнести такие, как повторное и обратное действие, выраженное префиксом *re-* (*relire*), взаимное – префикс *s'entre-* (*s'entraider*), смягчительный и итеративный способы, обозначенные суффиксами: (*sautiller*, *vivoter*) и др. [Гак 2000: 337].

Некоторые аспектуальные значения на уровне способов действия выражаются аналитическими конструкциями, один компонент которых является константным, роль которого выполняет глагол в служебной функции, а другой компонент – переменной величиной. Такого рода конструкции в германистике называют "устойчивыми словосочетаниями с грамматической направленностью" [Москальская 1961]. Сюда относятся структуры "*se mettre à* + инфинитив", "*commencer (de, à, par)* + инфинитив", "*finir (de, par)* + инфинитив" для обозначения начала или окончания действия, "*être à, être en train de* + инфинитив" для обозначения процессного, длительного характера действия и т.п.

Немецкому языку чужда категория аспекта в том виде, как она представлена в русском языке. Экстраполяция терминов русской аспектологии в немецкую глагольную систему повлекла за собой их ошибочную интерпретацию, сохраняющуюся по сей день как в академических изданиях немецких грамматик, так и в специальных исследованиях по аспектологии немецкого глагола. В зарубежной германистике, а вслед за ней и в отечественной, лингвисты, нередко оговаривая, что термины "perfektiv – imperfektiv" соответствуют русской терминологической паре "совершенный вид – несовершенный вид", используют их одновременно для обозначения так называемых *Aktionsarten*, представляющий собой при ближайшем рассмотрении не что иное, как способы действия (собственно термин "способ действия" представляет собой прямой перевод немецкого "*Aktionsart*"). Тем самым термин грамматического ранга в русском языке при описании немецкого глагола переосмысливается *potens volens* как

термин рангом ниже, а именно, для описания способов действия. квалифицируемых либо как семантические признаки глагольных лексем, либо как лексико-грамматические разряды, либо как аспектуальные категории уровня пропозиции. Известно, что в основе способов действия лежит признак предельности-непредельности. Понятие предельности-непредельности пересекается с понятием перфективности-имперфективности, но они ни в коем случае не покрывают друг друга. Таким образом, в германистике термины "перфективный – неперфективный" включают в себя как оппозицию грамматического уровня "совершенный вид – несовершенный вид", так и семантическую или лексико-грамматическую категорию предельности – непредельности. Немецкие языковеды применительно к немецкому глаголу используют термины "perfektiv – imperfektiv" как синонимы терминам "punktuell" ("точечный, моментальный") и resp. "durativ" ("длительный") (ср. [Grundzüge 1981: 501; Duden 1984: 93]). С общезыковедческой точки зрения употребление терминов "perfektiv – imperfektiv" при описании аспектологических признаков немецких глагольных лексем следует признать теоретически несостоятельным и вводящим в заблуждение. Аспектуальную специфику глагольной лексики в немецком языке адекватно отражают термины "терминатив" (ср. лат. *terminus* "граница") и "атерминатив".

Оппозиция "perfektiv – imperfektiv" оправдана, однако, при описании аспектуальных значений пропозиций (матричных или номинализованных) и отдельных грамматических форм глагола, выражающих законченное действие или указывающих на достижение предела действия. Так можно говорить о перфективном значении причастия II предельных глаголов в атрибутивном употреблении (*das gelesene Buch, der angekommene Zug*) и о видовой оппозиции "причастие II (предельных глаголов): причастие I" по признаку "перфективность – имперфективность".

Что касается немецкого языка, то аспектуальность относится к числу функционально-семантических полей без грамматического ядра, и поэтому, как уже было подчеркнуто нами выше, использование оппозиции "perfektiv – imperfektiv" по отношению к глагольной лексике следует признать теоретически несостоятельным¹. В немецком языке нет аспектуальной категории, эквивалентной по уровневому статусу категории вида в русском языке (см. обзор литературы по этой проблеме в работе С.-Г. Андерссона [Andersson 1972]). Правда, некоторые германисты приходят к экстремальным выводам – они отрицают существование в немецком языке не только категории вида, а и Aktionsart'ов, т.е. способов действия [Steinitz 1981: 121].

При описании категории аспектуальности в немецком языке следует дифференцировать три взаимосвязанных, но лингвистически разных явления, а именно: 1) классификацию глаголов на основе аспектуального признака в его инфинитивной форме, вне зависимости от контекста, т.е. лексикоцентрический подход; 2) аспектуальные признаки, получаемые глаголами благодаря своим синтагматическим свойствам, прежде всего объектам и обстоятельным актантам; 3) выражение аспектуального значения перфективности (сов. вида) и имперфективности (несов. вида) как сопряженных категориальных созначений временных форм. Последние два типа выражения аспектуальных значений фразоцентричны. При описании аспектуальных значений глагольных форм в составе пропозиций правомерна терминологическая оппозиция "перфективный – имперфективный". Последнее допустимо также по отношению к оппозиции "причастие II – причастие I". Что касается временных форм глагола,

¹ Правомерность такого утверждения очевидна, так как почти любому так называемому "перфективному" глаголу немецкого языка в русском языке соответствуют две формы одного и того же глагола, образующие видовую оппозицию СВ/НСВ. ср.: *aufblühen* "расцвести/расцветать", *einschlafen* "засыпать/уснуть", *erwachen* "просыпаться/проснуться" и т.д. Сказанное выше не противоречит тому, что в немецком языке имеются глаголы с "перфективным" лексическим значением, выражающие действия, не допускающие процессуализации и осуществляющиеся мгновенно, в один прием, например, моментативы (*bersten, platzen, stürzen*), ингрессивы (*losrennen, losschreien*) и т.п.

то здесь перед исследователем предстает сложная и противоречивая картина. С.-Г. Андерссон, В. Флемиг, В.А. Жеребков, В.М. Павлов, Е.И. Шендельс и др. лингвисты отмечают различную аспектуальную "нагрузку" временных форм немецкого языка [Andersson 1972: 130; Flämig 1971: 283; Balin, Žerebkov 1973; Павлов 1984: 55; Шендельс 1970]. В частности, В.М. Павлов подчеркивает, что лишь в случае второго (темпорального) футура от трансформативных глаголов (ср. [Павлов 1984: 50–53, 54]) можно говорить о перфективном значении, а что касается других временных форм, например, перфекта или плюсквамперфекта, то здесь "речь идет хотя и о сильной тенденции, но все же лишь о тенденции, отклонения от которой вполне возможны..." [Павлов 1984: 55].

Инвентарь способов действия в немецком языке, впрочем, как и в русском, нестабилен. Основопологающим является первичное деление глаголов на предельные и неопредельные, в рамках которых вычлениются более мелкие аспектуальные классы. Некоторые способы действия выводятся за рамки предельности – неопредельности, так как глаголы могут быть и предельными, и неопредельными. Например, так называемые аугментативы, т.е. глаголы, выражающие высокую степень интенсивности действия (ср.: *brüllen* "выть, громко плакать", *weinen* "плакать", *sausen* "мчаться, нестись" и *laufen* "бежать, бегать", *schleudern* "с силой бросать, швырять" и *werfen* "бросать", *stürzen* "свалиться" и *fallen* "падать"), могут быть предельными, неопредельными или "рекционально предельными" [Andersson 1972: 34], в то время как противочлен оппозиции – деминутивы имеют дуративное, прерывисто-смягчительное или итеративное значения (ср.: *hüsteln* "покашливать" и *husten* "кашлять", *lächeln* "улыбаться, усмехаться" и *lachen* "смеяться, хохотать", *liebeln* "флиртовать, любезничать" и *lieben* "любить", *tänzeln* "приплясывать" и *tanzen* "танцевать, плясать").

Способы действия выражаются как в лексическом значении корневых глаголов, так и при участии аффиксальных моделей. Лишь при выражении фазовых аспектуальных значений наблюдаются относительно регулярные префиксальные противопоставления, что позволяет квалифицировать их как характеризованные способы действия: *blühen* "цвести" – *erblühen*, *aufblühen* "расцветать, расцвести" – *verblühen* "отцвести, отцвести", *brennen* "жечь, сжигать" – *anbrennen* "зажечь, зажигать", *schlafen* "спать" – *einschlafen* "засыпать, уснуть", *kämpfen* "бороться, сражаться" – *erkämpfen* "завоевать, завоевывать" и т.д.

Во многих грамматиках немецкого языка XIX и начала XX в. была тенденция к противопоставлению перфектных форм не-перфектным не только по временному, а и по видовому признаку. Аспектуальное поведение перфектных форм двойственно. Если данные грамматические формы принадлежат предельным глаголам, то, как правило, можно запрограммировать значение завершенности действия, при условии, если контекст, т.е. среда, не содержит специальных аспектуальных адвербиальных индексов, нейтрализующих значение предельности глагольной основы. В свою очередь, семантический признак предельности может служить базой формирования значения завершенности действия не только у перфектных форм, но и у имперфекта: *Endlich schließt er ein / Endlich ist er eingeschlafen*. "Он заснул".

русск. Андрей почернел, задохнулся. Порвал застежку шинели... (М. Шолохов)

нем. Andrejs Gesicht färbte sich dunkel. Er glaubte, ersticken zu müssen, riß die Mantelhaken auf...

Подчеркивая взаимосвязь имперфекта и предельности – неопредельности в немецком П. Айзенберг пишет: "In einem Satz wie: **Um vier Uhr fand er sein Schlüsselbund wieder kann das Prät. nicht Imperfektivität signalisieren, weil finden punktuell ist**" [Eisenberg 1994: 122].

Однако при сопоставлении функций перфекта и претерита в немецком языке следует иметь в виду темпоральную двуликость первого. Он может быть употреблен абсолютно и относительно. В относительном употреблении перфект обозначает прошедшее действие, контактирующее с моментом речи, что предполагает закончен-

ность, пресеченность действия. Как указывает Е.И. Шендельс, немецкий перфект, однако, не отождествляется с современным видом, т.к. он не всегда означает достижение предела, а понимается как ограниченность во времени [Шендельс 1970: 66]. Тем не менее контактный перфект предельных глаголов регулярно выражает завершенное действие, ср.:

Lenbach *hat* ein sehr schönes Porträt von ihr *gemacht*, das wir besitzen (K. Mann). "У нас есть ее прекрасный портрет, который *нарисовал* Ленбах".

Ср. далее: русск. Ну, лежит себе отрез, *прижавел* (М. Шолохов).

нем. Na gut, der Kurzlauf liegt also herum. Ganz rostig *ist er geworden*.

У предельных глаголов между перфектом и претеритом, особенно при отсутствии контактности с другим действием в настоящем времени, существует парадигматическая синонимия, ср.:

русск. Все время он мне *пособлял*, быков *давал*, семена *ссужал*... (М. Шолохов)

нем. Er *hat* mir immer *geholfen*, *hat* mir Ochsen *gegeben* und Saatkorn *geliehen*...

русск. Он *помогал* своей любушке в хозяйстве, с охоты нес ей убитого зайца... Но Марина никогда *не злоупотребляла* своей властью и *не обделяла* матери Андрея, хотя и *относилась* к ней с чувством скрытой враждебности. (М. Шолохов).

нем. Er *half* seiner Liebsten bei der Feldarbeit und *brachte* ihr von der Jagd Hasen... mit. Aber Marina *mißbrauchte* ihre Macht nicht, sie *ließ* Andrejs Mutter stets ihr Teil zukommen, obwohl sie der Alten nicht sehr *gewogen war*.

Как показывают данные примеры, для обозначения одинаковых аспектуальных ситуаций (обычные, изо дня в день повторяющиеся действия) используются обе временные формы – претерит и перфект.

Возможно, в немецком языке существуют зачатки сложного времени, аналогичного французским сверхсложным временам. По крайней мере, в произведениях писателей южной части Германии встречается двойной перфект, состоящий из вспомогательного глагола в презенсе и двух перфектных причастий – причастия II основного и причастия II вспомогательного глагола. Таким образом, вспомогательный глагол употребляется дважды – в финитной форме и форме перфектного причастия. Действия, обозначаемые данными формами, являются завершенными.

Wir *haben ganz vergessen gehabt*, daß meine Mutter die Papendiecks zum Essen eingeladen hat (H. Blickensdörfer. Der große Tag). "Мы совсем *забыли*, что мама пригласила чету Папендикиков в гости".

Gitta *hat längst entschieden gehabt*, daß es mit dem Auto zu gefährlich ist, weil es Schnee oder Glatteis geben kann und wir eine große Verantwortung haben (Blickensdörfer). "Гитта давно решила..."

Es *hat geregnet gehabt*, und die Stadt ist so matschig und glitschig gewesen, daß man nicht in den Wald *hat fahren können* (Blickensdörfer) "*Был* дождь..."

У немецкого перфекта имеется еще одна функция, где он выражает законченное действие, соответствующее русскому СВ, а именно, его употребление для выражения в будущем. В данной функции футурум II, по свидетельству зарубежных и отечественных германистов, вытеснен перфектом почти полностью:

Wenn du in der Stadt *angekommen bist*, rufe sofort meine Eltern an "Когда *прибудешь* в город, сразу позвони моим родителям".

Таким образом, футуральный перфект соответствует русскому СВ.

Футурум II наделяется некоторыми лингвистами значением СВ [Павлов 1984], но данная форма имеет два не связанных между собой значения: относительный футурум, т.е. футурум предшествования, который характеризуется Е.И. Шендельс семами "будущее время", "предшествование или препозиция по отношению к другому действию" и "пресеченность действия" [Шендельс 1970]. Как уже отмечалось выше, "пресеченность действия" не означает "достижения действия во внутреннем пределе", а истечение временных рамок действия. Но в своей другой функции, а именно в функ-

ции обозначения гипотетического действия в прошлом, футурум II выражает законченное (завершенное) действие: *Er wird wohl gestern angekommen sein*. "Должно быть, он вчера *приехал*".

Плюсквамперфект также не обладает каким-либо видовым значением. В аспектуальном отношении он напоминает перфект, перенесенный в план предшествования в прошлом, который при предельных глаголах обычно выражает законченное действие, причем, по известным, описанным в германистике причинам, плюсквамперфект нередко чередуется с претеритом:

русск. Все это стало известно хутору, и что Евдокия не снесла черного позора, *наложила* на себя руки. (М. Шолохов).

нем. Alle im Chutor wußten davon, und Jewdokija *war* vor Scham über die Schändung aus dem Leben *geschieden*.

При неопредельных глаголах плюсквамперфект выражает незаконченность:

Thomas Mann *hatte* mich schon eine ganze Weile aus der Ferne und von "oben" *beobachtet*, bevor wir uns persönlich *kennenlernten* (K. Mann).

Итак, в немецком языке ни одна временная форма не может быть квалифицирована как видовая и лишь футурум II в гипотетической функции и перфект при употреблении для выражения предшествования в будущем имеют значение совершенного вида.

Как и во французском языке (при исключении из анализа сверхсложных времен), в немецком решающая роль при формировании видового значения принадлежит аспектуальной дихотомии "предельность – неопредельность". По степени же морфологической характеризованности способов действия немецкие глаголы занимают промежуточное положение между русским и французским языками. Относительно регулярный характер носит словообразовательное противопоставление фазовых способов действия – инхотативности и результативности.

Чем менее последовательно выражена видовая оппозиция в грамматическом строе языка, тем больше синтаксических структур участвуют в видовой организации высказывания (пропозиции). В немецком языке можно указать на определенную специализацию средств в выражении видовых значений. Видовое противопоставление в пропозиции проходит по линии кооперации темпоральных значений с таксисом. При наличии темпоральной локализованности ситуаций и предельном характере семантики предиката таксис предшествования и совершенность действия оказываются взаимосвязанными. При таксисе одновременности употребляются временные формы неопредельных глаголов; в немецком языке это обычно претерит. Однако помимо претерита немецкий язык для выражения одновременности, следовательно, процессности, длительности располагает словосочетаниями. Такого рода конструкции достаточно продуктивны и частотны. Они поддаются моделированию. Это следующие модели: *sein* (презенс, имперфект) + *an, auf, bei, in* (D) + *Gerundivum* (т.е. субстантивированный инфинитив). Одновременность может соотноситься с речевым моментом или с временной точкой или отрезком другого действия. *Ich bin gerade dabei, die Temperatur zu messen* (Die 1000 besten Witze der Welt).

Такого рода конструкции были названы Г. Мозером дуративными оборотами речи [Moser 1962: 42, 44].

В 70–80-е годы XX века вопрос выражения аспектуальных значений в сфере номинализаций снова стал предметом лингвистических дискуссий. В качестве номинала со значением длительности и многократности рассматривается субстантивированный инфинитив, получивший в некоторых исследованиях название *Gerundivum*. Как известно, в немецком языке номинализироваться может инфинитивная форма любого глагола в активе, пассиве и стative. Одни германисты в более категоричной форме, другие с некоторыми оговорками настаивают на существовании дихотомии "перфектность – имперфектность" в классе отглагольных имен, причем субстантивированный инфинитив достаточно однозначно выражает аспектуальное значение имперфективности (многократности, длительности и т.д.) [Schippa 1967: 59; Brinkmann 1962: 26;

weilmann 1975; Schäublin 1972; Esau 1973; Ullmer-Ehrich 1977; Мурясов 1991].

По своей продуктивности и частотности модель "перфект *an/lauf/in/hei* + субстантивированный инфинитив" в какой-то степени вытесняет причастие I, которое выражает одновременность и длительность действия. Действие при этом может быть однократным и многократным, но и в том и в другом случае оно является длительным.

Таксис одновременности. Одновременными считаются два действия, если может быть выявлен общий темпоральный отрезок их протекания, называемый А.В. Бондарко "срединным фиксируемым периодом" [Бондарко 1983: 118]. К другому важнейшему признаку одновременности двух действий относится то, что оба они (либо одно из них) являются процессными [Акимова, Козинцева 1987: 258]. Предложные конструкции одновременности всегда выражают процесс, на фоне и в рамках которого протекает действие финитного (главного, опорного) предиката. К подобным моделям относятся: "*bei/in/unter/während* + Nomina actionis", "*in/unter/während* + Nomina actionis", которые выражают "строгую (полную) одновременность"; см. о строгой (полной) и нестройгой (частичной) одновременности [Полянский 1987: 243 и сл.].

В темпоральном соотношении номинализованного и финитно-предикатного действия в немецком языке можно указать на следующие типы таксиса одновременности.

1. Одновременность двух процессов, при которой наблюдается их полное хронологическое тождество. Такого рода одновременность возможна как при наличии ситуации временной локализованности, так и временной нелокализованности. Темпоральная локализованность или нелокализованность действия номинализованной конструкции определяется соответствующими признаками опорного предиката. Однако конкретность действия номинализации частично может быть уточнена благодаря определенности его пациентива. Определенная референтность объекта номинализации создает предпосылки для временной локализованности выражаемой номинализованной конструкцией ситуации. При темпоральной локализованности действия номинализованной пропозиции она может быть трансформирована во временное придаточное предложение с союзами *während, indem, währenddessen, als*:

Beim Schreiben seines Artikels (\approx Als er seinen Artikel schrieb) hatte Kleist natürlich auch das angebliche Testament Peter des Großen im Sinn (Wochenpost).

Er ist Amerikaner: dachte ich *im Laufen* (Welt im Bild). Der Junge dachte *unter* stiller Anteilnahme der anderen eine Weile nach... (H. Kant).

2. Опорный предикат выражает целостный факт, лишь частично совпадающий с процессом, выражаемым номинализованной пропозицией:

Beim Vorstellen (\approx als sich Stille vorstellte) hat Stille ihren Dokortitel *weggelassen* (M. Brun).

So wie er vorher auf dem Sportplatz *beim Beobachten* des Hammerwerfens *auf die entscheidende Idee gekommen ist*, die ihn veranlaßte, auf das Dach zu steigen... (H. Kant) (ср. русск: Как тогда, на спортивном празднике, *при наблюдении* за метателем молота у него *блеснула* гениальная догадка...)

...Wirft *im Vorbeigehen* einem Blick in den Spiegel... (W. Steinberg).

3. На фоне номинализованного процесса опорный предикат выражает прерывистые акты действия:

...Es hatte verweinte Augen, *schluckte* manchmal *im Gehen* vor sich hin, aber es weinte nicht (K. Tucholsky). (В русском языке возможно противоположное, т.е. опорный предикат выражает процесс, в рамках которого происходят прерывистые попутные действия: Вокруг с тревожным *всхлипыванием, бредовым бормотанием* спали солдаты.)

Каким бы короткотечным, мгновенным ни было фоновое действие, выражаемое номинализацией, еще более короткотечным, мгновенным может быть действие опорного предиката:

Es schlug *beim Fallen* (als es fiel) unglücklich mit dem Kopf gegen einen Stein (Neue

Berliner Illustrierte).

Необходимо разграничивать таксис одновременности, выражаемой моделью "Prär. + Nomina actionis"), и значение прогрессива, в репрезентации которого участвует данная модель в качестве именного компонента предиката, выражающего независимый таксис одновременности в темпоральном комплексе с другим финитным предикатом, причем подобного рода прогрессив может фигурировать как в главном, так и в придаточном предложениях. В составе предиката-прогрессива функционирует только одна структурная реализация модели "Prär. + Nomina actionis": *sein + beifinlan* + субстантивированный инфинитив:

Da war die Klasse im Hort schon *beim Anziehen*, als einem auffiel: Wo ist eigentlich Sandra? (Neue Berliner Illustrierte).

Mann könnte das rein für Werbe-Man ipulation halten, wenn nicht jüngste Untersuchungen gezeigt hatten, daß die nächste Welle *im Kommen ist*.

Als er frfib am Morgen vom Friseur zurückkam, *war die Claire am Aufstehen* (K. Tucholsky).

Не все предельные глаголы встречаются в симультанно-дуративных структурах. Например, нет случаев употребления в них герундивов глаголов моментального действия. Анализируя языковые проявления моментальности, Ю.Д. Апресян указывает: "Поскольку глаголы моментального действия всегда результативны, сочинительные цепочки с такими глаголами обозначают, как правило, последовательные, а не одновременные действия" [Апресян 1995: 228].

Темпоральная нелокализованность предполагает многократность, т.е. узуальность или всевременность (общевременность) двух одновременных действий. В таких случаях номинализации могут быть трансформированы в финитные конструкции с союзом *wenn*, указывающим на повторность, узуальность действия предиката. Основной сферой употребления темпорального союза *wenn* является выражение одновременности действий в прошлом. В состав финитно-предикатных трансформ подобного рода номинализаций легко могут быть включены наречия или темпоральные именные конструкции с итеративным значением, например, *immer, jedes Mal* и т.п.:

Wenn auch nur ein paar Groschen Trinkgeld in der Tasche klimperten, *die er beim Abliefern* eines Schrankes, eines Bettes oder auch eines Sarges (wenn er einen Schrank... ablieferte; *immer / jedesmal, wenn er... ablieferte*) erhalten hatte (F. Erpenbeck).

Особенно рельефно выражена узуальность действия номинализаций и финитных предикатов в тех случаях, когда номинализация находится в окружении финитных предикатов в сочетании с узуальным итеративным *wenn*, причем оба типа пропозиций синтаксически однородны:

Gerade von diesem Aufstieg hat er öfter geträumt, *wenn der Fuß ihn quälte* oder *beim Einschlafen* (≈ jedes Mal wenn einnschlieff), *wenn er sich vorstellte*, wie schön das wäre: wieder mal eine richtige Kante, (M. Brun).

Номинализованные пропозиции с вневременным значением "на уровне познания" [Золотова 1973: 181] легко могут быть трансформированы в финитно-предикатные конструкции с союзом *wenn* в сочетании с неопределенным или обобщенно-личным местоимением *man*:

Und es fällt ihm, *man muß beim Vorstellen* (≈ wenn man jemandem vorstellt) den Namen des weniger Geehrten, des Jüngeren, zuerst nennen (M. Brun).

Не всегда представляется возможным провести четкую грань между темпоральной нелокализованностью действий, связанных отношением одновременности, и действиями, связанными условными отношениями и отношениями одновременности – разновременности. При выражении таксиса одновременности номинализация сопровождается обычно предлогом *bei* и может быть трансформирована в предложение с союзом *wenn* нередко в сочетании с неопределенно-личным или обобщенно-личным местоимением *man*:

Madenwürmer kommen vor allem bei Kindern hin und wie vor. Wie gelangen sie in den

Organismus? (Neue Berliner Illustrierte).

Dr. Rother: Die Möglichkeit dafür besteht in vielerlei Situationen in die sich vor allem Kinder begeben. *Beim Spielen* im Schmutz der Straße (\approx wenn man im Schmutz der Straße spielt), *beim Essen* ungewaschenen Obstes (\approx wenn man ungewaschenes Obst ißt) oder *beim Außerachtlassen* grundsätzlicher hygienischer Anforderungen (\approx wenn man grundsätzliche hygienische Anforderungen außer Acht läßt). (Neue Berliner Illustrierte).

Beim genauen *Hinsehen* (\approx wenn man es genauer hinsieht) *merkt* man aber auch, daß dem Künstler jede Eindeutigkeit fernliegt (Süddeutsche Zeitung).

Условность семантики номинализованной пропозиции представляется бесспорной при опорном предикате в конъюнктиве:

Die Kosten waren unvertretbar hoch, und der Rumpf des Schiffs würde *beim Heben* auseinanderfallen (Neue Berliner Illustrierte).

При всей диффузности и разбросанности отражения видовых значений, в немецком языке имеется однозначное морфологическое средство выражения результативности – это пассив состояния (Zustandspassiv), называемый иногда также стативом. Мы солидарны с В.П. Недялковым и С.Е. Яхонтовым в том, что в общезыковедческом плане следует разграничивать два понятия: статив и результатив. Статив обозначает, по мнению В.П. Недялкова и С.Е. Яхонтова, состояние предмета, которое необязательно выражается с помощью специальной глагольной формы [Недялков, Яхонтов 1983: 7]. В любом языке могут быть представлены лексические единицы, обозначающие состояние предмета, например, глаголы *сидеть, спать, лежать* или даже прилагательные (*dry* "сухой" [Чейф 1975]).

Результатив в отличие от статива (состояния) представляет собой г р а м м а т и - ч е с к о е я в л е н и е. В немецком языке Zustandspassiv является членом глагольной залоговой парадигмы. "Различие между стативом и результативом, – пишут В.П. Недялков и С.Е. Яхонтов, – состоит в том, что статив сообщает только о состоянии предмета, результатив же – одновременно о состоянии и о предшествующем ему действии, результатом которого явилось это состояние" [Недялков, Яхонтов 1983: 7]. С этой точки зрения, параллельное употребление в немецких грамматиках терминов "Zustandspassiv (пассив состояния)" и "Stativ" становится нежелательным, и впредь мы будем пользоваться термином "Zustandspassiv" или "результативный пассив". В немецком языке результативный пассив имеет омонимы: во-первых, имеет место формальное совпадение с активной формой перфекта (*ist* + Partizip II: *ist gekommen*), во-вторых, результативный пассив и результативный рефлексив имеют одинаковую грамматическую форму (*Sie verloben sich* → *Sie sind verlobt*; *Er regt sich auf* → *Er ist aufgeregt*) и т.д. О результативном пассиве мы можем говорить лишь в том случае, если данная конструкция имеет другие формы пассива (Vorgangspassiv). При отсутствии последних можно говорить о квазипассивных, или квазирезультативных структурах, к которым немецкие германисты относят, например, рефлексивные результативы (Zustandsreflexive), квазипассивные структуры (Zustandsreflexive), типа *Die Stadt wird / ist von 2 Millionen Menschen bewohnt* или *Die Stadt wird / ist von vielen Bergen umgeben* [Helbig, Buscha 1996: 178–179].

С точки зрения категории вида интерес представляет результативный пассив и результативный рефлексив. Обе формы имеют четкое видовое значение – завершенность, соответствующее пассивному залогу совершенного вида. Впрочем, некоторые лингвисты не без основания называют краткое причастие на *-n/-t* в русском языке формой стального вида страдательного залога [Гаврилова 1998: 99]. Разница, однако, между русским пассивом и стальным видом и соответствующими явлениями в немецком заключается в том, что в русском языке они являются по отношению друг к другу омонимами, а в немецком выражены различными грамматическими формами, ср.: Когда я вошел в комнату, окно было *открыто*, но я не знаю, когда оно было *открыто*. В немецком языке в первом случае стальная форма *открыто* передается формой результативного пассива (*Das Fenster war geöffnet*), а во втором случае –

формой перфекта пассива (*Das Fenster ist geöffnet worden*).

Результативный пассив выражает состояние, возникшее в результате достижения действием предела и исчерпанности самого действия, или, пользуясь удачным термином В.И. Гавриловой, он обозначает "постпредельное состояние" [Гаврилова 1998: 112].

В немецком языке *Zustandspassiv* представляет собой как бы редуцированную форму перфекта пассива и результатив от любого глагола (переходного) может быть преобразовано в перфект:

Ein Arzt und ein Anwalt sind zu einer Gesellschaft eingeladen (→ *sind eingeladen worden*).

Результативный рефлексив не допускает подобного преобразования и он может быть трансформирован только в активную структуру, ср. *Sie sind verlobt* → *Sie haben sich verlobt* (Они обручены → Они обручились).

Немецкий результатив образует полную морфологическую парадигму (инфинитив I и II: *gelernt sein* и *gelernt gewesen sein*, различаются трехчленный, двухчленный и безличный результатив и т.д.).

В английском языке стательное и акциональное значения, так же как и в русском, выражаются омонимичными формами: 1) "*to be + Past Participle*" (временная форма страдательного залога) и 2) "*to be + Past Participle*" (составное сказуемое, в котором глагол *to be* является глаголом-связкой, и *Past Participle* – именной частью составного сказуемого).

В немецком языке нередко статив встречается в редуцированном виде, т.е. без вспомогательного глагола *sein*:

Dann gab mir Kalfaktor zwei Brote mit Margarine an Stelle des Mittagessens in graues Packpapier gewickelt ≈ *Margarine, die in graues Packpapier gewickelt war* (G. Weisenborn).

От редуцированного результатива следует различать имплицитный результатив, который обусловлен контекстом и может эксплицитроваться при переводе с одного языка на другой. При этом эксплицитный и имплицитный результативы могут чередоваться, ср.

русс. Он стоял возле лежанки, *зложив* руки за спину... (М. Шолохов).

нем. Er stand neben der Ofenbank, *die Hände auf dem Rücken*...

русс. ...Закричала хозяйка, выбежав на крыльцо, *руки в бока*... (М. Шолохов).

нем. Tits Frau kam herausgelaufen und blieb auf der Treppe stehen, *die Hände in die Hüften gestemmt*.

Видовые значения в татарском языке не находят такого симметричного и последовательного выражения, как это представлено в глагольной парадигматике русского языка. Если видовое противопоставление в русском языке образует своего рода гиперпарадигму, детерминирующую словоизменительную и формообразующую систему глагола, то в татарском языке вид занимает подчиненное положение по отношению к категории времени. Если в русском языке вид выступает в качестве одного из компонентов аспектуально-таксисно-темпорального комплекса, то в татарском языке данный семантический комплекс включает четвертый компонент "эвиденциальность-неэвиденциальность", т.е. "очевидность-неочевидность", который является одной из причин большого количества грамматических времен в тюркских языках вообще и в татарском в частности. Темпоральная система татарского глагола конституируется 18 формами, из которых 9 отнесены в ТГ к временным формам как таковым, 5 групп форм получают название *перифрастических форм с временным значением* и 4 конструкции определяются как формы ограниченного употребления [ТГ 1997: 125–135]. При этом в разных грамматиках число и номенклатура могут варьироваться или то, что отнесено к разряду перифрастических форм в татарском языке, может рассматриваться как собственно временная форма в других тюркских языках. Разумеется, при их полном совпадении в принципе морфологического оформления и функциональном плане. Например, форма на *-кан булган* (*кайткан булган* "вернулся (к тому времени)", называемая в ТГ перифрастической формой с

временным значением, квалифицируется в ГСБЛЯ как предпрошедшее неопределенное время [ГСБЛЯ 1981].

Картина отражения категории вида в татарском языке асимметрична, т.е. нет расслоения каждой временной формы по видовому значению. Татарские временные формы с точки зрения выражения видовых значений могут быть разделены на две группы:

1. Временные формы обладают абсолютным видовым значением. Особенно однозначны в этом отношении формы, выражающие длительность и многократность, т.е. те аспектуальные значения, которые находятся в ведении русского НСВ. Видовое значение находит свое отражение в самих названиях этих временных форм: незаконченное прошедшее время, многократное прошедшее время, и ряд перифрастических форм: имперфектное неочевидное (форма на *-а* – *булган*), прошедшее многократное неочевидное (форма на *-а* – *торган булган*).

Значение завершенности действия обычно передается преждепрошедшим временем и перифрастическими формами с временным значением: *булыр (кайткан булыр* "к тому времени уже придет"), *-кан / -ган булачак* (то же значение, что и у первой формы, но с большей категоричностью, убежденностью осуществления действия). Значение завершенности действия выступает в комбинации с значением таксиса предшествования в прошедшем и будущем. Они в этом отношении схожи с футурумом II и перфектом в функции выражения предшествования в будущем в немецком языке.

2. Временные формы, видовые значения которых находятся в прямой зависимости от аспектуальной дихотомии "предельность-непредельность". Эти временные формы образуют, таким образом, слабый член по отношению к тем временным формам, которые обладают абсолютным аспектуальным значением, в особенности значением НСВ. Таковыми являются прошедшее категорическое (в некоторых грамматиках: определенное прошедшее время, очевидное прошедшее время), формальным показателем которого является грамматический аффикс *-ды / -ты* (*алды* "взял, брал", *кайтты* "вернулся"), прошедшее результативное (иногда: прошедшее неочевидное, неопределенное и т.п.): форма получает грамматическое оформление с помощью аффикса *-кан / -ган* (*алган* "взял, брал", *кайткан* "вернулся"). Обе временные формы выражают действие, относящееся к плану прошедшего, но различаются между собой прежде всего по признаку "эвиденциальность / неэвиденциальность". Видовое противопоставление этих двух форм практически невозможно, хотя тюркологи называют вторую форму результативным прошедшим. Эти две формы напоминают в видовом отношении перфект немецкого, Present Perfect английского и *passé simple / passé composé* французского языка. Как и все перечисленные формы, значение СВ и НСВ у анализируемых форм в татарском языке могут быть уточнены только при привлечении факторов среды. Уместными здесь представляются слова А.В. Бондарко о характере взаимодействия системных значений грамматических форм с контекстом: «Форма СВ "идет в контекст" с инвариантным значением, которое лишь конкретизируется и модифицируется контекстом (и шире – средой). Иной характер имеет семантический потенциал формы НСВ. Она не имеет инвариантного положительного значения... Реализация семантического потенциала НСВ определяется активным воздействием лексики, контекста и речевой ситуации» [Бондарко 1998: 71]. В татарском языке соотношение членов видовой оппозиции по характеру маркированности / немаркированности имеет противоположную картину, т.е. сильным членом являются формы НСВ, выражаемые специальными временными формами (незаконченным прошедшим, многократным прошедшим и т.д.), которые оказывают активное воздействие на среду. Более того, значения вышеназванных форм татарского глагола никак не могут быть модифицированы в видовом отношении под воздействием контекста. Значения длительности, многократности этих форм абсолютны. Иную картину представляют прошедшее категорическое и прошедшее результативное. Любая из этих форм может выражать как совершенное, так и законченное, не совершенное действие. Подчеркнем еще раз: важнейшим фактором формирования видового значения вышеуказанных

форм является аспектологическая характеристика глагольных основ по признаку "предельность-непредельность". Значительную роль в оформлении аспектуальной характеристики фразы играют многочисленные "аспектуальные спецификаторы". Особенно многочисленные спецификаторы длительности: *көн-төн* "круглые сутки", *озак* "долго", *күп* "много", *елдан-елга* "из года в год" и т.п. [Ганиев 1963; Салехова 1978].

Видовое значение форм татарского глагола сопряжено с такими категориальными семантическими признаками, как таксис – предшествование и одновременность. Так, незаконченное прошедшее нередко обозначает действие, одновременное другому действию или другому временному моменту (точке) и наличие таксиса одновременности само по себе уже исключает значение совершенности. Рассматривая категорию вида татарского глагола "в зеркале" глагольной системы европейских языков, можно констатировать, что она частично как бы копирует фрагменты английской видо-временной системы (наличие специальной формы для выражения одновременности, но только в плоскости прошедшего), частично соприкасается с категорией перфектности в европейских языках, т.е. предшествования, которая имеет определенные последствия для формирования аспектологических значений временных форм и, безусловно, наличие временных форм с невыраженным аспектуальным значением и характер формирования их видовых значений в зависимости от аспектологической дихотомии "предельность-непредельность" сближает видо-временную систему татарского языка с таковой английского, немецкого и французского языков.

Видовое противопоставление временных форм в основном имеет место в прошедшем, потому что, как отмечает А.И. Мельчук, "в прошедшем времени различается, как правило, больше глагольных категорий, чем в будущем: прошедшее воспринимается более отчетливо, с большим количеством деталей" [Мельчук 1998: 67]. Область настоящего репрезентируется только одной, в видовом отношении нейтральной формой.

Помимо временных и перифрастических форм, грамматичность которых не вызывает сомнений, в татарском языке, как и в других тюркских языках [Юлдашев 1965], имеется значительное число структур (словосочетаний), уровневый статус которых в течение десятилетий был предметом лингвистических дискуссий. По мнению А.А. Юлдашева, в тюркских языках можно выделить по меньшей мере 15 аналитических форм вида: 1) *-н -ят-*, 2) *-н отур-*, 3) *-н тур-*, 4) *-н йур-*, 5) *-а (-й) тур-*, 6) *-н бар-*, 7) *-н кел-*, 8) *-а бар-*, 9) *-а бер-*, 10) *-н чык-*, 11) *-н ал-*, 12) *-н йибәр-*, 13) *-н ташла-*, 14) *-н кет* [Юлдашев 1965], большинство из которых представлено и в татарском языке. При употреблении термина "аналитические формы" применительно к вышеназванным следует проявлять осторожность. Все глаголы, функционирующие в составе этих структур в качестве их константных компонентов (в этом они действительно напоминают грамматические форманты), коррелируют с "омонимичными" полнозначными самостоятельными глаголами: *яту* "лежать", *тору* "стоять", *бару* "ходить", *китү* "уходить", *жибәрү* "отправлять, отпускать" и т.п. Их нельзя смешивать с классическими аналитическими временными формами, внутрисинтагматические отношения между частями которых соответствуют пониманию грамматических анализмов, принятому в индоевропейских языках: они образуют грамматические единства, интегрируемые на равных с синтетическими (внутренними и внешними) формами правах в единую морфологическую парадигму части речи. Вспомогательный глагол в качестве obligatory компонента аналитической временной формы полностью десемантизирован и функционально равен грамматической флексии. Они относятся к ядру грамматической категории также в плане охвата лексики.

В рамках данной статьи не представляется возможным привести возможные *pro et contra* признания вышеперечисленных структур как видовых анализмов. Судя по последним исследованиям по данной категории в татарском и башкирском языках, лингвисты склонны рассматривать их либо как формы языковой репрезентации наибо-

лее обобщенных способов действия [ТГ 1997], либо они включаются в раздел словообразования [БСГЛЯ 1981].

А.А. Юлдашев, посвятивший данной проблеме специальное монографическое исследование, дает противоречивые ответы на вопрос о том, можно ли для тюркских языков выделить категорию, сходную с категорией вида русского глагола: "На этот вопрос нельзя дать категорического ответа, ни положительного, ни отрицательно-го", – пишет А.А. Юлдашев. Однако тут же читаем: "В тюркских языках вид в значительной мере грамматикализован" [Юлдашев 1965: 41] и далее: "...материал тюркских языков дает больше оснований для утверждения грамматической категории вида, чем для ее отрицания" [Там же: 42]. Д.М. Насилов считает, что «аналитические конструкции в составе "деепричастие + вспомогательный глагол" являются в тюркских языках морфологическим средством выражения способов глагольного действия», хотя, как отмечает автор, "уровень спаянности компонентов модели может колебаться в известных пределах, что и вызывает споры о грамматическом статусе отдельных образований" [Насилов 1984: 130].

С одной стороны, анализируемые конструкции в татарском языке весьма близки к грамматическим аналитизмам в индоевропейских языках в плане десемантизации вспомогательного компонента, с другой стороны, не свойственная грамматическим аналитизмам дробность, т.е. исключительная ограниченность охвата лексического материала. Лишь относительно небольшая часть глаголов могут образовать подобного рода "аналитизмы". Кроме того, большинство этих конструкций обозначают не столько значение совершенности / несовершенности действия, сколько фазовые значения инхоативности, длительности, кратности и результативности: ср.: *йоклады* "спал" – *йоклап китте* "заснул", *уянды* "проснулся" – *уяным китте* "проснулся", *кычкырды* "кричал, крикнул" – *кычкырып жибәрде* "закричал", *аварды* "болел" – *авырып китте* "заболел".

Примеры: русск. И уснул сразу, едва лишь коснулся щекой прохладной, пахнущей пером подушки (М. Шолохов).

татарск. Каз мамыгы исе аңкып *торган* салкынча мендәргә башын кую белән үк *йоклап китте*.

руссск. Открылись широкие двери конюшни.

татарск. Ат абзарларының киң ишекләрен *ачып жибәрделәр*. (Г. Эпсәләмов).

руссск. Чем ближе Газинур подходил к правлению, тем медленней становился его шаг, глубже *уходила* в плечи голова.

татарск. Правлениегә *якынлашкан саен*, Газинурның адымнары әкрәнә, башы иңнәрәнәк тирәнрәк *бата барды*. (Г. Эпсәләмов).

Несмотря на довольно высокую степень десемантизации функциональных глаголов, выступающих в роли вспомогательных в составе словосочетаний с видовым значением, крайне ограниченный охват лексики не позволяет рассматривать их как грамматические аналитизмы.

Кроме того, эти структуры грамматически ущербны. Они не образуют форм страдательного и взаимного залогов, многие из них не имеют форм повелительного и долженствовательного наклонений, возможны не все временные формы и т.д. и т.п.

Что касается видового значения анализируемых словосочетаний, следует обратить внимание также на то, что сообщаемые словосочетаниями и функциональными глаголами аспектуальные признаки содержатся в их семантике как самостоятельных лексических единиц: либо они выражают состояние покоя (*яту* "лежать", *тору* "стоять", *утыру* "сидеть"), либо движение с неопределенным значением (*йөрү* "ходить", *бару* "ходить"), либо действия с указанием предела (т.е. предельные глаголы) (*чыгу* "выходить", *ташлау* "бросить", *китү* "уходить" и т.п.). Таким образом, вторые компоненты модифицируют видовое значение "основного" глагола, употребляющегося в деепричастной форме.

Как показывает опыт исследования грамматического строя разных языков, грамматическая категория в формальном плане конституируется так называемыми "жесткими моделями" [Ярцева 1968]. Постулирование понятия "жесткой модели" предполагает наличие словосочетаний, которые не могут быть отнесены к морфологическим (парадигматическим) моделям, но характеризуются достаточно устойчивой (стабильной) структурой, которые могут рассматриваться как модели словосочетаний, назначение которых состоит в выражении семантического признака уровня грамматической категориальности, но не достижения полной грамматикализации. Такого рода структуры прослеживаются во многих языках, ср. англ.: "(to) be + Past Participle", "(to) be + Infinitive"; нем. "sein + in / an / bei / auf (D) + субстантивированный инфинитив"; франц. "être en train de + infinitif" и т.д. На наличие аналогичных структур указывают также специалисты по испанскому и итальянскому языкам [Гусман 1998: 151–155]. Всем этим структурам присущи аспектуальное значение длительности в сочетании с таксисом одновременности. О.И. Москальская подобного рода структуры квалифицировала как словосочетания с грамматической направленностью [Москальская 1961].

Сопоставительное изучение категории аспектуальности на материале разных языков позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

1. По характеру выражения временными формами видовых значений языки могут быть сгруппированы следующим образом:

а) Языки, в которых всем временным формам присуще регулярное видовое противопоставление, например, СВ – НСВ в русском языке.

б) Языки, в которых одни формы противопоставлены другим формам лишь по одному видовому признаку, причем, в последних видовой признак не выражен, например, оппозиция, длительный вид – общий вид в английском языке.

в) Языки, в которых абсолютным видовым значением обладают лишь отдельные временные формы, противопоставляемые другим нейтральным в видовом отношении формам, например, сверхсложные времена во французском языке по отношению к первичным сложным временам, прошедшее незаконченное время, прошедшее многократное и ряд перифрастических форм с временным значением, противопоставляемые прошедшему категорическому и прошедшему результативному временам в татарском языке.

г) Языки, в которых ни одна временная форма в полном функциональном объеме не обладает однозначной видовой характеристикой, например, временные формы немецкого языка.

д) Языки, в которых временные формы обнаруживают сильную тенденцию к выражению того или иного видового значения: 1) длительности и многократности: *imparfait* во французском, претерит (имперфект) в немецком; 2) завершенности действия: *passé simple*, *passé composé*, *passé antérieur*, *futur antérieur*, *plus-que-parfait* во французском; *Futurum II*, *Perfekt*, *Plusquamperfekt* в немецком; *Present Perfect*, *Futute Perfect*, *Past Perfect* в английском языке; прошедшее результативное, предпрошедшее время и ряд перифрастических форм с временным значением в татарском языке.

2. По характеру взаимодействия категории вида с другими грамматическими категориями можно указать на следующие их комбинации:

а) Видовое значение сопряжено с таксисом: 1) одновременности во всех временных планах (признак одновременности не является облигаторным), например, форма НСВ в русском языке; 2) одновременности во всех временных планах с обязательной комбинацией с видовым признаком длительности, например длительный вид в английском языке; 3) одновременности в прошедшем временном плане (одновременность не всегда облигаторна), например, прошедшее незаконченное в татарском языке; 4) предшествования в сочетании с завершенностью действия в плане прошедшего, например, сверхсложные времена во французском, предпрошедшее время в татарском языке.

б) Видовое значение никак не связано с таксисом, например, прошедшее многократное в татарском и формы НСВ в русском языке.

Аспектуальное значение грамматической формы может также взаимодействовать с

категорией модальности. Так, например, на целый ряд модальных значений, которые "спаяны" с определенными аспектуальными значениями в русском языке указывает О.К. Грекова [Грекова 1998: 134]. В отдельных случаях констатация близости, доверия свойственна длительному виду в английском языке [Александрова, Комова 1998: 114].

3. С точки зрения характера маркированности / немаркированности членов видовых оппозиций можно указать на следующее соотношение: 1) форма СВ представляет собой сильный (маркированный) член по отношению к своему противочлену: русский и французский языки; 2) маркированным членом является форма, выражающая длительность, многократность (т.е. эквиваленты НСВ русского языка), например, формы длительного вида в английском, прошедшего незаконченного и прошедшего многократного в татарском языке.

4. Кроме временных форм видовые значения находят свое выражение в устойчивых словосочетаниях с грамматической направленностью во всех временных планах: так называемые многочисленные аналитические конструкции с аспектуальными значениями завершенности и длительности (многократности) в татарском, полуграмматизованные конструкции со значением длительности (итеративности) в сочетании с таксисом одновременности в немецком, с аспектуальными значениями длительности в сочетании с таксисом одновременности, а некоторые с фазисными аспектуальными значениями инхоативности и результативности во французском языке.

5. Видовые значения в сочетании с таксисами одновременности и предшествования могут быть выражены также неличными формами глагола в русском, английском, немецком, французском и татарском языках (см. об этом [Мурьянов 2000]).

6. Вид в английском языке должен рассматриваться в двух измерениях: 1) в плане противопоставления длительного вида общему виду, а общий вид, в свою очередь, в плане выражения металингвистической эталонной оппозиции завершенности (СВ) и незавершенности действия (НСВ). В первом случае имеет место грамматическое выражение вида, а во втором случае видовая оппозиция становится диффузной и ее члены характеризуются, как и видовая оппозиция в немецком, французском и татарском языках, более или менее рельефно выраженной тенденцией к обозначению того или иного видового значения. Например, перфектные формы, специализировавшиеся в выражении таксиса предшествования, характеризуются тенденцией к обозначению завершенного действия.

7. В формировании видового значения временных форм английского, немецкого, французского и татарского языков, нейтральных в аспектуальном отношении в своих системно-парадигматических значениях, решающая роль принадлежит универсальной аспектологической дихотомии "предельность - не предельность". Одновременно аспектуальный признак "предельность" не обязательно во всех контекстах предполагает значение завершенности действия. В прагматических целях не только неопределенный глагол может быть употреблен в аспектуальной ситуации НСВ, что для русского языка явление типичное. Даже соответствующее отглагольное имя от НСВ может преследовать аналогичную цель, ср.:

Так он *умирал* в созданных им страхе и показухе (Э. Радзинский).

Меня и сейчас, спустя четверть века, терзает любопытство: как это у м и р а н и е произошло на самом деле (К. Симонов).

8. При аспектологической характеристике глагольной системы разных языков необходимо разграничивать два взаимопересекающихся аспектологических понятия – законченность и завершенность действия. Законченность предполагает также определенный предел, но данный предел представляет собой временной отрезок, в рамках которого осуществлялось то или иное действие, но сами эти временные рамки расположены в плане прошлого и соответствующее действие не имеет своего продолжения. Одновременно и нет указания на достижение действием своего внутреннего предела. Подобного рода действие, без указания на его внутреннюю целостность

или нецелостность, имеет фактическое значение (ср. факты, сообщаемые совершенными или несовершенными формами английского, немецкого, французского языков и некоторыми формами татарского языка). Целостность / нецелостность выявляются в соответствующих диагностирующих контекстах с помощью в аспектуальном отношении "чувствительных" адвербиальных слов и словосочетаний. Ср., например, возможность комбинирования совершенных и несовершенных форм английского, немецкого, французского и татарского языков с пердуративными адвербиалами, и невозможность такого рода комбинаций с формой СВ в русском языке.

9. Транспозиции прошедших времен в план будущего с таксисной функцией предшествования сопровождается приобретением ими значения завершенности действия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова Т.Г., Козинцева Н.А.* 1987 – Зависимый таксис // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Александрова О.В., Комова Т.А.* 1998 – Modern English grammar: Morphology and syntax. М., 1998.
- Апресян Ю.Д.* 1995 – Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Аракин В.Д.* 1989 – Сравнительная типология английского и русского языков. М., 1989.
- Бенвенист Э.* 1974 – Общая лингвистика. М., 1974.
- Бондарко А.В.* 1976 – Теория морфологических категорий. Л., 1976.
- Бондарко А.В.* 1983 – Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
- Бондарко А.В.* 1987 – Аспектуальность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Бондарко А.В.* 1996 – Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.
- Бондарко А.В.* 1998 – Проблемы инвариантности / вариативности и маркированности / немаркированности в сфере аспектологии // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Брой В.* 1998 – Сопоставление славянского глагольного вида и вида романского типа (аорист: имперфект: перфект) на основе взаимодействия с лексикой // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Вежицкая А.* 1999 – Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Гаврилова В.И.* 1998 – Краткое причитие на -н / -т как форма статального вида страдательного залога // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Гак В.Г.* 1989 – Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1989.
- Гак В.Г.* 2000 – Теоретическая грамматика французского языка. М., 2000.
- Ганиев Ф.А.* 1963 – Видовая характеристика глаголов татарского языка. Казань, 1963.
- Гловинская М.Я.* 1998 – Инвариант совершенного вида в русском языке // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Грекова О.К.* 1998 – О собственно аспектуальной, модально-аспектуальной и модальной семантике видового противопоставления // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- ГСБЛЯ* 1981 – Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981.
- Гуревич В.В.* 1998 – Видовая семантика в русском и английском языках // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Гусман Т.Р.* 1998 – Функционально-семантическое поле аспектуальности в русском и испанском языках: опыт функциональной грамматики // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Закиев М.З.* 1971 – Современный татарский литературный язык. М., 1971.
- Иванова И.П.* 1961 – Вид и время в современном английском языке. М., 1961.
- Илия Л.И.* 1964 – Грамматика французского языка. М., 1964.
- Иртеньева Н.Ф.* 1956 – Грамматика современного английского языка. Теоретический курс.

- М., 1956.
- Кацнельсон С.Д.* 1972 – Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Маслов Ю.С.* 1984 – Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Мельчук И.А.* 1998 – Курс общей морфологии. Т. II. Ч. 2: Морфологические значения. Москва; Вена, 1998.
- Мурашов Р.З.* 2000 – Неличные формы глагола в контрастивно-типологическом видении // ВЯ. 2000. № 4.
- Насилов Д.М.* 1984 – Аспектуальные значения аналитических образований и разряды глагольной лексики в узбекском языке // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984.
- Недялков В.П., Яхонтов С.Е.* 1983 – Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций. Л., 1983.
- Павлов В.М.* 1984 – Темпоральные и аспектуальные признаки в семантике "временных форм" немецкого глагола и некоторые вопросы теории грамматического значения // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984.
- Пищкова Л.П.* 1982 – Грамматическая категория вида в современном французском языке. М., 1982.
- Полянский С.М.* 1987 – Одновременность / разновременность и другие типы таксисных отношений // Теория функциональной грамматики. Л., 1987.
- Реферовская Е.И.* 1984 – Аспектуальные значения французского глагола // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984.
- РГ 1980 – Русская грамматика. М., 1980.
- Салехова Н.Х.* 1978 – Средства выражения временной и аспектуальной характеристики действия в их отношении к категории времени татарского глагола // Очерки по морфологии татарского глагола. Казань, 1978.
- Смирницкий А.И.* 1959 – Морфология английского языка. М., 1959.
- ТГ 1997 – Татарская грамматика. Ч. II. Морфология. Казань, 1997.
- Тихонов А.Н.* 1998 – Видовые корреляции в современном русском языке // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Холодович А.А.* 1979 – Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Чейф У.Л.* 1975 – Значение и структуры языка. М., 1975.
- Черткова М.Ю.* 1996 – Грамматическая категория вида в современном русском языке. М., 1996.
- Шендельс Е.И.* 1970 – Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970.
- Юлдашев А.А.* 1965 – Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965.
- Ярцева В.Н.* 1968 – Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка. М., 1968.
- Andersson S.-G.* 1972 – Aktionalität im Deutschen. Eine Untersuchung unter Vergleich mit dem russischen Aspektsystem // Die Kategorien Aspect und Aktionsart im Russischen und Deutschen. Uppsala, 1972.
- Bache C.* 1982 – Aspect and Aktionsart: towards a semantic distinction // Journal of linguistics. 1982. 18.
- Balin F.A., Žerebkov V.A.* 1973 – Aspektuell relevanter Kontext in den germanischen Sprachen // Linguistics. 1973. 117.
- Beck G.* 1987 – Verb – Satz – Zeit. Zur temporalen Struktur der Verben im Französischen. Tübingen, 1987.
- Blickensdorfer H.* 1981 – Der große Tag. München, 1981.
- Brinkmann H.* 1962 – Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf, 1962.
- Cate P.* 1985 – Aspektualität und Nominalisierung. Frankfurt-am-Main; Berlin; New York, 1985.
- Comrie B.* 1976 – Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, 1976.
- Deutschbein M.* 1939 – Aspekte and Aktionsarten im Neuenglischen // Neuphilologische Monatsschrift. 1939. Hf. 10.
- Duden* 1984 – Duden. Bd 4: Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Mannheim; Wien; Zürich, 1984.
- Eisenberg P.* 1994 – Grundriss der deutschen Grammatik. Stuttgart; Weimar, 1994.
- Erben J.* 1972 – Deutsche Grammatik: Ein Arbiss. München, 1972.
- Esau H.* 1973 – Nominalization and complementation in modern German. Amsterdam, 1973.

- Grundzüge 1981 – Grundzüge einer deutschen Grammatik // Hrsg. von Heidolph K.E., Flämig W. und Motsch W. Berlin, 1981.
- Guillaume G.* 1969 – Langage et science du langage. Paris; Québec, 1969.
- Helbig G., Buscha J.* 1996 – Deutsche Grammatik. Leipzig, 1996.
- Išačenko V.A.* 1968 – Die russische Sprache der Gegenwart. Tl. 1: Formenlehre. 2. unveränderte Aufl. Halle / Saale, 1968.
- Klein R.G.* 1984 – Tempus, Aspekt, Aktionsart // Romanistische Arbeitshefte. 1984. 10.
- Knobloch J.* 1961 – Sprachwissenschaftliches Wörterbuch. Heidelberg, 1961.
- Laflèche R.* 1973 – Étude psychosystématique sur les valeurs aspectives des temps du passé français // Revue des langues romanes. T. 80. Montpellier, 1973.
- LG 2000 – Longman grammar of spoken and written English. London, 2000.
- Lyons J.* 1977 – Semantics. 1–2. Cambridge, 1977.
- Mann K.* 1975 – Meine ungeschriebenen Memoiren. Berlin, 1975.
- Moser H.* 1962 – Zur Situation der deutschen Gegenwartssprache // Studium generale. Berlin; Göttingen; Heidelberg, 1962.
- Renicke H.* 1961 – Grundlegung der neuhochdeutschen Grammatik // Wort und Satz. Berlin, 1961.
- Schäublin P.* 1972 – Probleme des adnominalen Attributs in der deutschen Sprache der Gegenwart. Morphosyntaktische und semantische Untersuchungen. New York; Berlin, 1972.
- Schippan Th.* 1967 – Die Verbalsubstantive der deutschen Sprache der Gegenwart. Habilschrift, 1967.
- Ullmer-Ehrich V.* 1977 – Zur Syntax und Semantik von Substantivierungen im Deutschen. Kronberg, 1977.
- Wellmann H.* 1975 – Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache: Das Substantiv. Düsseldorf, 1975.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 10 Bänden. 3. neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Mannheim: "Dudenverlag". 1999. 4800 S.

Гордостью немецкой лексикографии является ставшее традицией составление многотомных фундаментальных толковых словарей: Аделунг, Кампе, Зандерс, Гейне. Гримм, Трюбнер – Гётце, Клаппенбах. Бокхауз – Вариг, Большой Дуден в 6-ти. 8-и. 10-ти томах.

В рекордно короткий срок после завершения в 1995 году выпуска восьмитомного Большого словаря немецкого языка Дуден появился в 1999 г. новый коренным образом переработанный, обновленный и значительно дополненный десяти томник. Он является наглядным подтверждением перспективности применения новой техники в словарном деле.

Хорошо известны издательские трюки, когда в принципе стереотипные переиздания выдаются за новые, но в данном случае дело обстоит совершенно иначе. Новизна последнего издания не подлежит никакому сомнению. Ценность его повышается потому, что к нему выпущена еще CD-ROM-ая версия: ISBN 3-411-71001-2. Вне всякого сомнения перед нами выдающееся произведение современной одноязычной лексикографии, отличающееся универсализмом, полнотой, разносторонностью, обостренным чувством современности и высоким уровнем словарного профессионализма.

Словник словаря охватывает 200 000 единиц с более чем 300 000 значений.

Десятитомный словарь подчеркивает то, что он посвящен современному состоянию лексики, однако словоупотребления немецкой классической литературы им специально учтены (от Лессинга до Фонтане). В нем очень удачно решена пропорция общеупотребительного и терминологического.

Словарь дает дефиниции семантики, грамматические характеристики слова, этимологию, ударение, слогоделение, транс-

крипцию и новую орфографию. Для тех, кто еще не освоил новые правила написания, упоминаются и старые варианты: *fönel/föhnen; Gemse/Gämse; plazieren/platzieren*. Наряду с литературной лексикой приводится региональная и диалектная, учитываются австрийские, швейцарские варианты.

Очень ценны неологизмы: от *Assessmentcenter* и *Bezahlfernsehen* через *Hotline*, *Konvergenzkriterien* und *Telebanking* до *Volltextrecherche* и *Zweieurostück*. Чтобы хотя бы кратко представить себе включенные неологизмы, приведем примеры из следующих областей.

1. Политика, экономика, культура, социология: Altersteilzeit, Ausländerbeauftragte, Bedenkenträger, Beifahrerairbag, Benchmark, Beziehungsstress, Billigjob, Bleiberecht, Cousinwirtschaft, Daytrader, Dekonstruktivismus, Doppelpass, Doppelspitze, Eineurostück, Elchtest, Elternfreibetrag, Erwerbsbiografie, Euroland, Factory-Outlet-Center, Feng-Shui, Finanzierungsvorbehalt, Fixerstube, frau, Gegenfinanzierung, Gutenberg-Galaxie, Gutmensch, Homestory, In-sich-Geschäft, Jahresgespräch, Kahlschlagsanierung, Kaizen, Kirchenasyl, Konvergenzkriterium, LER, Merger, Montagsdemonstration, Müllvermeidung, Nachwendezeit, Nettozahler, Neudeutsch, Ostalgie, Patchworkfamilie, Preisagentur, Ranking, Reformstau, Rentenlücke, Risikokapital, Scheinselbständigkeit, Schnäppchenjagd, Schwangerenkonfliktberatung, Sonntagsfrage, Trendscout, Vor-Ort-Service, Warenwirtschaftssystem.

2. Средства массовой информации, информатика: anwenderfreundlich, Backslash, Benutzeroberfläche, Bildschirmschoner, Bookmark, brennen (eine CD), browsen, Call-by-Call, Callcenter, Callingcard, Chatgroup, chatten, Cracker, Datenschatten, Dual-Band-Handy,

Electronic Commerce, E-Mail, Emoticon, FAQ, Festnetz, Firewall, Freisprechanlage, GPS, highlighten, Hotline, Hyperlink, Internetcafé, Jahr-2000-fähig, Klammeraffe, Link, mailen, Makro, Mauspad, morphen, Netiquette, Newsgroup, Organizer, Pager, Plattform, Quellcode, Snail-Mail, Startseite, Suchmaschine, Unterstrich, Voicemail, Volltext, Volltextrecherche, Website, World Wide Web, Xetra.

Правда, некоторые жаргонизмы компьютерной специфики не учтены (Homepage, Smileys, Spam u.a. – см. [Abel 1999]).

3. Кино, телевидение, поп-музыка:

Backstageausweis, Bezahlfernsehen, Blockbuster, Bonustrack, Boygroup, Comedy, Cross-over, DAT-Rekorder, dissen, Dokusoap, Dreh, Dubbing, DVD, Headbanging, Indie, Location, Major, Making of, Maxi-CD, Mystery, Nachrichtenkanal, Pay-per-View, Remix, Sequel, Spartensender, Splattermovie, Stagediving, Stand-up-Comedian, Trash, Unterbrecherwerbung, Warm-up.

4. Спорт, досуг, мода:

Beachvolleyball, Blutgrätsche, Bodydrill, Canyoning, Cargohose, Carving, cruisen, Cut (Golf), Designerfood, Epo, Erlebnisgastronomie, Erothropoietin, Fahrstuhlmannschaft, Fanzine, Girlie, Golden Goal, Halfpipe, Knipser, Körperkult, Lavalampe, Liegerad, Mehndi, Millenniumsfeier, Nasenpflaster, Picke, Push-up-ВН, Tamagotchi.

5. Сленг и фамильярная лексика:

Arschkarte, den Ball flach halten, Brüller, Buschzulage, endgeil, Familienjuwelen, fett, Fuffi, grottendoof, hammerhart, Hingucker, hundertpro, Hunni, das muß kesseln!, kultig, Mörderkohle, multikulti, Promi, ratzfatz, rödeln, Schniposa, Schrauber, schwächeln, Stutenbiss, fit wie ein Turnschuh, verticken, Vokuhila, Weichei, wie ein Weltmeister, zumüllen.

К более чем 2 600 вновь включенным словам присоединяются многочисленные обновленные и уточненные интерпретации уже известных.

Серьезным шагом вперед в словаре является повышенное внимание к словообразованию и лемматизации ряда аффиксоидов (*Schnupper-*, *-muffel*, *-freundlich* и др.), хотя многие из них по-прежнему не учитываются (*-peter*, *-maxe*, *gunter-*, *zusammen-* u.a.).

Не следует забывать, что данный словарь будет широко применяться не только немцами, но и всеми, причастными к немецкому языку иностранными студентами, преподавателями, переводчиками, лингвистами и др.

Хотя этот словарь обладает не подлежащими никаким сомнениям достоинствами и на сегодняшний день остается самым полным, самым авторитетным и самым новым

словарем современного немецкого языка, он не лишен определенной спорности и имеет резервы совершенствования. Сколько труда вложено в 4 800 страниц, может представить себе далеко не всякий. Более вероятно понимание со стороны лексикографов, знающих, как тяжело составление словарей. Когда речь заходит о конструктивной критике, важно одно – улучшить книгу, сосредоточиться на нужном. При обилии материала, подвергшегося анализу, можно в условиях краткого очерка остановиться лишь на немногом.

Подобающее помещение слова в словарь должно предполагать его позицию в концептуальном ряду (гиперо/гипонимия, когипонимия), в полисемической парадигме в комплекте словосочетательных и фразеологических связей. Насколько это удалось, можно показать на нескольких примерах.

В русском языке очень близко значение и употребление слов *рецензия* и *отзыв*, а в немецком *Rezension* и *Besprechung*. Посмотрим, насколько полно представлена словосочетаемость слова *Rezension* в обсуждаемом словаре. Вехами этого понятия являются: что, кем, для кого/чего (с какой целью), где и как рецензируется. В соответствии с этим можно ожидать следующие словосочетания: рецензия на дипломную работу, диссертацию, статью, книгу, тезисы, совокупность работ, учебную программу, проект, фильм, спектакль, постановку, представление, оперу, балет; рецензия дана, написана, составлена, зачитана, опубликована, обещана (кем: профессором, знатоком, некомпетентным, несведущим, опытным человеком); автором рецензии является, большой авторитет в ..., крупный специалист в этой области, имеющий большой опыт в разработке ..., сам автор ряда работ по данной проблеме, не специалист, всего лишь журналист, взявшийся не за свое дело, мало разбирающийся в данной проблеме, ничего не смыслящий в этом вопросе человек; рецензия положительная, отрицательная, доброжелательная, глубокая, детальная, со знанием дела, хвалебная, снисходительная, ироничная, издевательская, разносная, уничтожающая, поверхностная, халтурная, приятельская, враждебная, строгая, придирчивая, не оставившая камня на камне, но с положительным концом; анонимная, вышедшая, появившаяся; рецензия в журнале (журнальная), в газете (газетная), ученых записках, университетском вестнике; рецензия для рекомендации чьей-либо работы в печать, для защиты диссертации, получения ученой степени или ученого зва-

ния, для рекомендации в условиях конкурса и т.п.

А какие сочетания мы находим в десяти-томнике со словом *Rezeption*? "Ausführlich, sachkundig, gut" и следующую цитату "Auf der Rückfahrt wurde ihr eine Mappe mit den bisher über ihr Buch erschienenen Rezensionen in die Hand gedrückt (Ralf Schneider. November. 121)". Немного, не правда ли? К тому же надобность цитаты сомнительна. В этом примере при известной придирчивости можно увидеть нечто большее, чем одну частную погрешность. К сожалению, довольно типична для данного словаря недодача насущных коллокаций и злоупотребление малонужными цитатами из литературы и прессы.

Прилагательное *rot* обозначает цвета очень широкого спектра от слегка розового до свекольнокрасного, включая кроваво-красный и рыжий – оранжевый. Объективные различия цветообозначения, выраженные этим словом, в данной словарной статье оказались смазанными, потому что она наметила только две семемы: 1) красный цвет, 2) революционный, коммунистический, социалистический. Также не без дальтонического заскока толкуется прилагательное *blau*, из чего не следует, что оно имеет минимум два значения "голубой" и "синий", а также "посиневший" (о коже). Что же касается *Karpfen blau* (которого, кстати сказать, нет) или *Forelle blau*, то их идиоматичность не объяснена. Не могущий себе отказать в цитате составитель приводит ничего не говорящую фразу Фриша: *ein blauer Wintertag ohne Schnee*, которую кроме ее автора вряд ли кто сможет понять и *blaue Tücher* из операционной практики, которые скорее запутывают, потому что чаще они бывают бирюзового, а не синего цвета. Нет фразеологичных сочетаний *blaue Jungs*, *blaue Bohnen*, *den blauen Brief bekommen*, *blauen Dunst vormachen*, *du wirst noch dein blaues Wunder erleben*, *mit einem blauen Auge davonkommen*, *j. blau und grün schlagen*. По самостоятельным статьям разошлись *das Blaue vom Himmel herunterlügen*; *ins Blau hinein träumen*, *reden*, *schließen*; *eine Fahrt ins Blaue*; *blauäugig*, *blaublütig*, *der Blaue* (100 DM), *Blauhelme* (UNO-Soldaten), *blaumachen*, *Blaumann*, *Blaustrumpf* и некоторые специальные термины. Целостной картины с *-blau-* не получилось, как, впрочем, и в большинстве других словарей. Гнездовой принцип – это идея словообразовательного словаря (см. [Augst 1998]), однако и в нем семантические связи общего корня не всегда прослеживаются.

Пункты 3 и 4 в статье **Herr** подразделены нечетко: господин/хозяин и господь-бог; пункт 15 в статье **stehen** объединяет семемы "ручаться за" и "относиться к": *zu seinem Wort, Versprechen stehen*; *wie stehst du zu dieser Angelegenheit?*

В словарной статье **Zwiebel** не проводится различие между репчатым и зеленым луком, нет: *eine Zwiebel* (головка) *Knoblauch*, *Zwiebel* для купола, маковки церкви; цитата из Шапера заглушает эту семему черепичным покрытием.

Статья с простым словом **Tasche** с двумя основными значениями "сумка" и "карман" не дает словосочетания "положить что-л. в сумку". Суп для немцев не актуален, тем не менее "засыпать чем-л. суп" было бы желательно дать, правда, цитата: *"Rattengift in die Suppe tun"* есть. Элементарные понятия "положить, поставить, поместить, достать, снять" для иностранца могут создавать трудности в подборе нужных эквивалентов. Самое ходовое и любому знакомое слово для изучающего чужой язык может оказаться загадкой или ловушкой интерференции.

Метонимичность семантики заслуживает того, чтобы в полисемической парадигме ее отмечать особо. Хорошо, когда, например, учтено, что **Brust** может обозначать "лёгкие" (*trotz seiner schwachen Brust hat er die Schule glänzend absolviert*); *am Feiertag haben wir keine Schule* и т.п.

Повышенное внимание к метонимии необходимо, поскольку в иностранных языках она часто реализуется иначе. Ср. русск.: Ну, **сели** (= вошли в поезд)! Он **звонил**, что не придет. Нельзя употребить слово **школа** со значением "школьные занятия".

Отрадно, когда словарь тонко реагирует на семантические изменения лексических единиц. Например, *schrill* стало употребляться в значении "экстравагантный", "классный", "крутой": *schrilles Klamotten*, *Frisur*; по телевизору была передача о своеобразном соревновании бабушек *"Die schrillste Oma"*. В словаре под ред. Клаппенбах для этого слова дается только "пронзительный", "кричащий", т.е. для акустического качества. Однако трудно согласиться со словарем, когда он проходит мимо вошедшей в язык семантической модификации. В языке прессы совершенно прочно утвердилось новое суженное значение слова *der Beamte* "полицейский". Это словарем не отмечено. Разве *Linkshänder* не имеет значение "träger, arbeitsscheuer Mensch"? Ср.: "Ein fröhliches Wörterbuch Linkshänder von

M. Zips u. E. Hürlimann (München. Tomus. 1997).

Возникновение вторичных (производных, переносных) значений происходит иногда формальным путем, когда в результате усечения слова или словосочетания остаток вбирает семантику сокращенного: *Zoo* (zoologischer Garten), *Bahn* (Eisenbahn). Словарь можно упрекнуть в том, что семантическое своеобразие результата редукции им далеко не всегда выделяется среди других семем.

Семантическое обогащение слов в результате включения элементов контекста словарем в одних случаях отражено (например, *Form* = gute Form: in Form sein, bleiben; wieder in Form kommen; unsere Elf spielte unter Form), в других – нет. Форма может быть и хорошей, и плохой. Без определений форма обретает положительность. *Benehmen* может быть хорошим и плохим. Без определений оно положительно: j. *Benehmen* beibringen, kein *Benehmen* haben. *Qualität* kann gut und minderwertig sein. Das hat *Qualität* – это хорошего качества – отсутствие определения придает положительность. *Die Ausstattung* hat *Geschmack*; *Geschmack* hat er, das muss man ihm schon zugeben; das Wasser mit *Geschmack*. Etwas hat *Niveau*, das *Niveau* halten, *Niveau* muss schon dabei sein, ein Rechtsanwalt mit *Niveau* и т.п. следует, по нашему мнению, в словарной статье выделить как особый семантически осложненный случай "уровень **подобающий, требующийся, служащий образцом**". Das geht = das geht gut. *Quark* бывает разного качества, оно выражается определением; без определения (уже переносно) *Quark* всегда отрицателен: so ein *Quark!* was soll der *Quark?* das geht mich einen *Quark* an.

Фиксация в словаре оценочного прироста смысла слова, кроме прочего, важна и потому, что тип оценки может по языкам различаться. *Погода* по-русски означает хорошая погода: будет погода, получится отдых, а *Wetter* – это непогода: ein *Wetter* braut sich, zieht sich zusammen, bricht los, ändert sich, tobt, zieht ab. Русск.: с **характером** (= с неприятным характером), нем.: etw. hat *Charakter* (= привлекательно).

В связи с исключительной продуктивностью словосложения в немецком языке возникает особый аспект его отражения в словаре. В ряду других моментов очень важным и, к сожалению, нерешенным вопросом лексикографии возникает фиксация семантически обособившихся корневых морфем в составе композита: *Schwiegersohn* – не

сын; *Großvater* – не отец, а отец матери или отца; *Warze* – не только заболевание кожи, но и *Brustwarze*. *Feierabend*, *Sonnabend*, *Lebensabend* мы не найдем в статье *Abend*; *Parkuhr*, *Tankuhr*, *Blutdruckuhr* – в *Uhr*, *Baumschule* – в *Schule* и т.п.

Хорошо ли, когда в словарной статье *Stil* при упоминании разновидностей (*eigenwillig*, *holprig*, *steif*, *flüssig*, *lebendig*, *heiter*, *elegant*, *geschraubt*, *der Gründerzeit*, *Renoirs*) нет *Alamodestil*, *Telegrammstil*, *Biedermeierstil*, *Zuckerbäckerstil*, *Schuluststil*? В какой мере следует приводить сложные слова, когда в морфемной валентности находят выражение регулярные валентности слова? Разве без них можно получить представление о сочетаемостных потенциях слова?

Когда вслед за композитом специально приводится морфемная роль его компонента (*Mammut* "мамонт"; объемная словарная статья с *Mammut*- выражает потенциатор степени: *Mammutgebilde*, *-tournee*, *-sitzung*), – это хорошо. Однако такие случаи, когда, например, соматические компоненты обозначают лицо и это в соответствующей статье не отражено, следует считать упущением: *Schreihals*, *Wendehals*, *Rotznase*, *Schnüffelnase*, *Schlitzohr*, *Schlitzauge*. В отдельных случаях все же отмечается агенная специфика соматической лексики: *hungrige Mäuler*, *böse Zungen* – о лицах.

Абстрактные понятия в роли номинации лиц: *Schreibkraft*, *Küchenhilfe*, *Fahrscheinkontrolle*, и т.п. не входят в парадигму полисемии этих отвлеченных номинаций в словаре. Это тоже упущение. Многие ботанические и зоологические названия (*Löwenmaul*, *Löwenzahn*, *Nilpferd*, *Seelöwe*, *Meerkatze*), как и другие идиоматические композиты для комплексной подачи соответствующих слов в словаре пропадают. Чем хуже фразеологичность слов со статусом морфемы тех единиц, которые считаются словами, однако же в условиях устойчивых комплексов из нескольких слов-идиом традиционно фиксируются? Идиоматичными могут быть не только вторые, но и определительные компоненты сложных слов: *Warzenkaktus*, *-schlange*, *-schwein*; *Beutelbär* (*Koala*), *-meise*, *-ratte*. Детерминативные морфемы денотативно очень сильно разнятся и это опять-таки повод не отказываться от их сравнения и компактной подачи.

В рецензируемом словаре наметился большой сдвиг в сторону признания аффиксов и аффиксоидов и включения их в словник. Однако в этом направлении сделано далеко не все и пока нет должной

последовательности. Например, **-heini**, **-tante**, **-onkel**, **-fritze**, **-muffel** и др. учтены, тогда как лемматизированных полусуффиксов таких слов, как **Prahlhans**, **Neulsuse**, **Zappelphilipp**, **Hundenarr**, **Wurstmaxe**, **Briefmarkenvogel**, **Spottvogel**, **Streitvogel**, **Pechvogel** и мн. др. – нет. Характеристики отдельных аффиксов требуют уточнения: так, **-mann** считается обозначающим мужчину, а **Blauemann** – монтерский комбинезон, **Flachmann** – плоская винная бутылка; **Bergmann**, **Hofmann**, **Kaufmann** могут быть и фамилиями женщин. **Stink-** рассматривается как потенцирующее средство, как синоним *sehr*, что правильно, однако, к тому же присоединяется и возможность придавать пейоративную окраску презрительности: **Stinkfinger**, **-fritz**, **-bock**, **-laune**, **-stiefel**, **-stellen**. Многие аффиксы и аффиксоиды в словник не включены (*ab-*, *durch-*, *-e*, *ein-*, *-el*, *her-*, *herum-*, *-rich*, *zu-*, *zusammen-* и т.д.).

Поскольку пользоваться этим словарем будут многие иностранцы, желательно, чтобы некоторая доля информации, представляющаяся немцам само собой разумеющейся, была бы особо выделена и не тонула в массе других фактов. Например, **Kartoffeln** в немецком языке употребляются во множественном числе, а в русском – в единственном. Ед. число *Kartoffel* – картофелина. Аналогично с ягодами *Erdbeeren*, *Himbeeren*, *Johannisbeeren* или с крупами *Graupen*, *Erbsen*, *Haferflocken*, хотя *Reis*, *Gries* связаны с единственным числом. По-русски говорят: собирать, есть, варить клубнику, малину, горох (ед. ч.!). Грамматические ограничения должны для подверженных им слов (*prima*, *knorke*, *fix*, краткие формы *bei rot über die Straße laufen*, *Natur pur*, *Teller flach*, *Idee fix*) быть оговорены.

Прав словарь для иностранцев (ред. Кемпке), ставящий у слова **fit** в скобах (*nicht attributiv*).

С удовлетворением можно отметить, что фиксация коммуникативных клише, т.е. устойчивых фраз, типичных для стандартных жизненных ситуаций, в данном словаре выгодно отличается от других словарей. Однако доступ к ним затруднен. Допустим, изучающему немецкий язык нужны телефонные стереотипы: *это Иванов; я тебя плохо слышу, я перезвоню, его нет на месте, тебя (к телефону), до свидания*. Как ему добраться до немецких соответствий: **hier ist Ivanov**; **ich verstehe dich schlecht**; **ich rufe zurück**; **er ist nicht im Haus**: (das Telefonat ist) **für dich**; **auf Wiederhören!** Как облегчить нахождение железнодорожных фраз контро-

лера: *bitte alle Fahrscheine!* *ist jemand zugestiegen?* или метакоммуникативных речений, или спортивных и военных команд, приказаний собаке, стереотипных распоряжений детям и т.п.? Как перебросить мостик от теории *Institutionelle Kommunikation* или книги типа М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой [1999] с обиходными клише к словарю? Это одна из исключительно важных практических задач, выдвигаемых речевой практикой перед лексикографами. Кто доберется в словаре до клише: *Feierabend?* *Für heute ist Feierabend!* **Всё! Закрываем (магазин)!** **Кончайте!**, которое к тому же изображено в нем одной буквой **F**?

Если основным средством выделения фразеологизмов является полужирный шрифт, то нельзя считать логичным помещение звездочки перед первой из упоминаемых или единственной идиомой. Читателя, не заглядывавшего в правила пользования словарем (а таких большинство), эта звездочка дезориентирует, поскольку она то появляется, то пропадает без какой бы то ни было мотивации. Иногда для многозначных слов идиомы подаются по каждому значению порциями, и каждая первая в порции идет со звездочкой. Зачем?

Считать или не считать выражение идиомой – существенно, и выбор полужирного шрифта – момент ответственный. Но как при этом принимается решение, не всегда убедительно.

"Фирменное новшество" данного словаря: значок **R** (*Redensart*) для фразеологизмов в форме предложения (в отличие от тех, которые выступают в роли членов предложения) и значок **U** для переносного употребления, хотя и не лишены некоторого основания, не встречают поддержки, поскольку расставлены они очень непоследовательно. Иногда **R** предваряет пословицы: "*Wie der Herr, so's Gescherr*; *niemand kann zwei Herren dienen*", тогда как для них применяется помета *Spr.*

Почему предварающий сигнал **R** перед такими выражениями, как *auf einem Bein kann man nicht stehen* (*ein Glas Alkohol genügt nicht [bei der Aufforderung od. dem Wunsch, ein zweites Glas zu trinken]*): *das Barometer steht auf Sturm*; *das ist doppelt gemoppelt*; *das hast du dir so gedacht!* *denkste!* *bis dahin fließt noch viel Wasser den Berg hinunter*, приводится, а *перед Hals-und Beinbruch!*; *mein herzliches Beileid!* *was werden die Leute denken?* *ich denke nicht daran, das zu tun*; *Gott seis gedank!* – нет?

А ведь выделение стереотипных синтаксически законченных фраз – хорошая идея, только так, как разбросано **R** по корпусу словаря, его не украшает.

Ü чаще ставится при переходе из конкретных понятий в абстрактные. Таких переходов гораздо больше, чем это отмечается словарем. Ü сопровождается *er fährt ein dickes (teures) Auto; dichtes Schweigen; die Grenzen waren dicht; die ganze Brut (Kinderschar) tobt im Haus herum, eine Welle Mitleid, keine Maus (niemand); nieder mit den Unterdrückern!*, в то время как *dicke Freunde, er brüdet über seinen Plänen, brutal! (Jugendspr. großartig!), niedere Menschen, ein Regen bunter Blumen, ein Regen von Granatsplittern, die Keuschheit des Dirigierens, checken (kapieren), abbürsten (schelten)* идет без Ü.

Оправдано ли Ü, когда вместо футбольного мяча ударяют по консервной банке? Так ли значителен здесь перенос?

Прилагательное *sanft* дает большие возможности для применения пометы Ü, но из них использована только одна: *sanfte Energie*. В отличие от *Rettungsmannschaften haben sich in das Katastrophengebiet vorgearbeitet*, предприятие уже подается после Ü: *das Unternehmen hat sich erholt und wieder in die schwarzen Zahlen vorgearbeitet* (4353 с.). Но ведь в обоих случаях предполагаются люди. Ein scharfes Tempo *vorlegen* приводится без Ü, а ein Mordstempo *vorlegen* с Ü (4373 с.). Совершенно не оправданно появляется Ü в: *der "Stern" als Zentralorgan des Sozialliberalismus; vor Gericht, vor dem Richter stehen*.

Ведь что такое Ü, как не самый контрастный, полярный случай переносности, по всей видимости? Не было бы рациональнее просто проследивать без особой специализированной фиксации разную степень семантического удаления от прототипа, поскольку кульминацию переноса выделить сложно. Например, *Blatt* имеет исконную семантику "лист растения", которое порождает вторичные значения "лист бумаги", "страница" (книги, тетради). "изображенное на странице" (текст, рисунок), "газета", "игральная карта" (в отдельности, в совокупности (пошла плохая карта = карты) и как карточная игра) и "лопатка, плечевая кость" (о мясе, части тела животного). Самый смелый случай переноса выделить трудно. Тем не менее словарь ставит Ü только у значения "страница жизни, истории". Оправдано ли это?

Примеры непродуманности пометы Ü встречаются на каждой странице. Ведь переносность так распространена, что упорядочить её подачу трудно и с учетом ее степени едва ли нужно. Так не стоит ли отказаться от этого Ü?

Регистровые и стилистические пометы –

дело тонкое. Поскольку в языковом коллективе существует очень разное отношение к обозначенным ими нюансам, спорить об их объективности можно очень много. Особенно неубедительной представляется помета *gehoben*. Die Sonne *brüdet* über dem Land считается высокостильным. Странно. Так ли нужна помета *gehoben* при: *eine verwöhnte Zunge haben, eine glatte Zunge haben, eine schwere Zunge haben*; а также при глаголе *zuneigen*?

Границы действия пометы не во всех случаях определены. Например, две пословицы со словосочетанием *raue Schale* (3314 с.) имеют только одну помету *Spr.* и напечатаны без полужирности.

Разве *in den Dienst, in die Partei, durchs Gymnasium zwingen* высокостильны? Или Ü здесь следует рассматривать как пересечение регистровой маркировкой?

Как бы ни старался словарь не упустить броское, модное, кое-что из этого оказалось не пойманным: *ob ich das gebacken kriege? (ob ich das schaffe?); ellässän (danke, okay), krass (außergewöhnlich, komisch). Poser (Angeber), Digger (der was checkt)*. Это неизбежно и в конце концов неважно.

Хотя десяти томик Дуден универсален, от него нельзя требовать слишком много. Все же в его возможностях быть ближе к запросам читателей. Если уже он приводит, например, *Kids (Kinder), Session (Treff), Date (Verabredung), dissen (schmähen), checken (verstehen)*, то следовало бы провести соответствующую дифференциацию синонимов. Ведь именно это хотел бы знать интересующийся свойствами языка.

Разве достаточно разведено в словаре применение *cool, fett, geil, groovy, hammers* и т.п.? Они очень близки, но где как не в авторитетном словаре высказаться об их оттенках?

Электротехнический термин *umpolen* дается только с переносными употреблениями "перестроить", "переориентировать": *einen Schwulen auf heterosexuell, einen Raucher zum Nichtraucher, einen auf Wein eingestellten Italiener auf Bier, Kunden auf Euro umpolen*. Нужно ли здесь предваряющее Ü и подача этих словосочетаний в цитатах?

Чтобы словарь был *userfreundlich*, необходимо оберегать его от перегрузки. Цитаты вредят обзорности, делают подачу материала вязкой, засоренной.

Не проявил нужной изобретательности словарь при подаче мультисемичных слов. Хорошо, что они достаточно полно зафиксированы, но плохо, что в их изобилии фактов трудно ориентироваться.

Диминутивность занимает промежуточное положение между словоизменением и словообразованием. Словарникам удобнее первое – меньше хлопот. Но это страусовая позиция.

Как-то профессор Т. Шиппан в письме мне писала: "Ich sitze über meinen Semchen und Noemchen". Ни в какой словарь это явление "стучаться" не может, а ведь в нем живость языка, его гибкость и сила. Решить судьбу диминутивных образований – одна из задач этого словаря, сложных, но разрешимых.

Уточняющие характеристику слова пометы во многих случаях было бы желательнее все же приводить, как бы сложно это ни было. Для примера упомянем следующее. Поддакивающее: *Genau!* (so ist es! eben! ja! du hast Recht; ganz deine Meinung) имело в словаре под ред. Р. Клаппенбах помету *разг.* В десятитомнике ее нет и не высказано никакого отношения к этому выражению, а ведь это штамп, сорняк, который судя по его распространенности, многими уже не ощущается таковым. Правомерна ли здесь индифферентность?

Не всегда имеют одинаковую помету слова с одним и тем же корнем при их идентичной окраске: *der Sound fetzt* считается разговорным, а *fetzige Rockmusik* – молодежным.

Незавершенность синтаксических конструкций цитат и их часто практикуемое слишком насильственное сокращение не способствуют раскрытию семантической структуры слова.

Своеобразную эволюцию проделывают толковые словари в двух направлениях. Во-первых, фиксируя мелиоративный процесс регистровых характеристик (отражающих вкус эпохи): нецензурное становится просто грубым/вульгарным, вульгарное – фамильярным, фамильярное – разговорным, разговорное – нейтральным. Во-вторых, обращение словарей к цитатам переживает некоторый спад, им предпочитают типовые примеры. Эти обе общие лексикографические тенденции прослеживаются и в обсуждаемом словаре. Пристрастие к цитатам в десятитомнике могло бы быть, однако, меньшим.

Преимущество цитат, между прочим, и в том, что они в сжатом виде могут ввести нужным образом в условия применения слова, обозначив среду и обстоятельства общения, тип коммуникантов (кто, кому что-то говорит), а то и что-то из интенций, стратегий и тактик демонстрируемого речевого акта. Цитата способна сообщать информацию комбинированно, сжато и полно,

что обеспечивает ей ряд преимуществ. Цитата хороша своей документальностью, "подписанностью", конкретностью временной и социальной, но она плоха вырванностью из контекста, иногда чрезмерной длиной и тем, что она лишь с трудом поддается сокращению, напрашивающемуся ради экономии.

Примеры допустимости применения номинации, как известно, зыбки. Меткость употребления извиняет его возможное отклонение от нормы. Словарь не прочь прикрыться авторитетом писателя, приводя случаи на грани правильности. Так, например, переносное употребление прилагательного *brenzlich* вполне допустимо для *Sache*, *Situation*, *Klima* и т.п. абстрактных понятий, но сомнительно пригодно для лиц. Словарь же дает цитату из "Бернадетты" Ф. Верфеля: "...dafür hat unsereins den ganzen Tag mit brenzligen Individuen zu tun, mit Einbrechern, Dieben" без оговорок. Наглядным подтверждением выигрышности специально приготовленных для словаря образцов речевых иллюстраций перед авторскими может служить синонимический словарь Вольфганга Мюллера [Die richtige Wortwahl (Schülerduden 1977)], более близкий к жизни, чем синонимический Дуден 1964 с цитатами.

В словаре не должно быть места примерам с необычными, странными, редкими ситуациями. Ср.: "Wenn ein Pferd sich ... wie toll benimmt, so wird es mit besonderer Sorgfalt gewartet, bekommt die weichsten Bandagen, die besten Reiter (Musil. Mann, 242)" – 4430 с.; Das Entbindungsheim *wölbte* Wasserbauch mit schmalen Schlitzen vor (Bieler. Bonifaz. 206) 4391 с.

Когда в цитате говорится "Übrigens verstärkt auch die Enge der Wohnungen *solche* Probleme (Schreiber. Krise. 97)", спрашивается, какие же именно проблемы? Если это от читателя скрыто, достаточно словосочетания *die Enge der Wohnung*, к которому следовало бы добавить *Geräumigkeit*.

Посмотрим презентацию слова **Wohnung**. Где словосочетания одно/двух/трехкомнатная, удобная, шумная, расположенная в центре, на окраине, имеющая удобное сообщение с городом, квартплата, разменять на большую/меньшую с приплатой, в старом доме, в новостройке, чистая, грязная, запущенная, требующая ремонта, освободившаяся, пустая, уютная, скромная, роскошная, со всеми удобствами, без телефона, планировка, метраж, уборка, занимать, обставить, запретить, выехать, переселиться и т.д.? Где связь с *Wohngemeinschaft*?

Вместо типовой, регулярной словосочетаемости словарь то и дело предлагает малонужные экзотизмы. Например, к **Wohnung** приведена цитата: "Immer wieder nehme ich Lucera Wohnung, inmitten der Kinder derer, die ich einst von der Insel entfernte (Stern. Mann. 235)". Некоторые цитаты слишком специальные и чересчур длинные. Ср. пример со словосочетанием *im Zentrum der Arbeit stehen* (4613 с.).

Словарь безусловно выиграл бы после некоторой чистки ("Entschlackung") от малоинформативных дополнений. Что прибавляет ссылка на Кирста ("08/15") к фразе: "Was liegt sonst noch vor?" Есть ли необходимость давать цитаты из литературы на самые простые речевые "дважды два": "Sie las sich das Geschriebene halblaut vor (Handke. Frau. 34)" – 4373 с.

Недостаточность и неясность контекста лишают цитату её назначения: она ничего не дает: "Schurkischer Vorwitz. Wer befiehlt denn in diesem Lande, ihr oder ich? (Hacks. Stücke. 147)" – 4391 с.

Приведение дополнительных случаев злоупотребления длиннотами излишне, поскольку это настолько типично, что не нуждается в подтверждении примерами.

Многочисленные цитаты не только поглощают драгоценное словарное пространство, но подчас и просто запутывают. Ведь читатель зачастую незнаком с контекстом, откуда произведено извлечение минитекста.

Полезно ли иллюстрирование слова **Schale** (семема № 4) цитатой "Die Druckstellen des Büstenhalters entlasten, verstohlen die Schalen lüften (Richartz. Büromann. 65)" – 3314 с.? Что проясняет цитата "Das Frauenhaus bastelt und backt (MM. 3.9.82)" для семемы "печь"?

Вместо возможного примера *der Automechaniker lag im Blaumann unter dem Auto*, словарь приводит цитату: "Hans, der Automechaniker, lag im Blaumann und ölverschmiert unter den Autos (Konsalik. Promenadendeck. 267)". Несколько странно, как можно лежать под несколькими автомобилями сразу. Нужна ли вымазанность маслом, так ли необходимо имя Ханс?

Суммируя замеченные недочеты словаря, можно сказать, что он "болен цитатами", мало чувствителен к учету словообразовательного механизма и особенно роли аффиксоидов, частотных компонентов сложных слов и связанных корневых морфем, что он недооценивает отдельные моменты полисемичной парадигматики (семантические осложнения и перерождения семем), не всегда гарантирует принятие во

внимание всей полноты комплекта димензионально-параметрических осей слова и соответственно упускает из виду некоторые существенные словосочетания.

"Нет такого труда, который заключал бы в себе больше недостатков, чем словарь, а также нет такого, который был бы более способен к продолжительному совершенствованию" (А. Ривароль).

Практическое использование данного словаря со всей настоятельностью выдвигает проблему, назревшую давно и ошущаемую всеми, – создание своеобразной "лексикографической грамматики", которая в некоторой степени нейтрализовала бы косность словаря как жанра, его сопротивление приему явлений, с трудом поддающихся внедрению в словарь, возможности которого ограничены. Язык/речь – это жизнь, а словарь – несмотря ни на что – все-таки результат насильственной операции над ней. Должны быть сформулированы и реализованы правила, компенсирующие словарные недодачи.

"Потолок" словаря можно при желании приподнять. А как именно, над этим нужно задуматься. Главное же – не отделяться от этой задачи, не отодвигать ее в сторону по причине трудноразрешимости. Сколько лингвистов заняты малонужной проблематикой! Если бы активизировать усилия языковедов в лексикографическом русле, можно было хотя бы часть преград преодолеть. Наша отрасль знания (пока еще не вполне научного) выгодно отличается от других (педагогика, медицина, химия, энергетика), например, тем, что она не вредна, возможно, не всегда полезна. Непрерывное повышение коэффициента полезного действия лексикографии – цель, ради которой стоит трудиться.

Несколько технических погрешностей. Встретились опечатки: in [Rauch und] **Flammen aufgehen** (37 с.); Wird in der Bedeutungsangabe ein **Wort**. verwendet... (37 с.); hinter den **Anwendungsbeispielen** (41 с.).

30 "слов века" для приложения не производят впечатления результата тщательного, продуманного отбора и украшением словаря не служат (ср. [Kuntzsch 2000]).

Очень мешает при пользовании словарем то, что граница буквы не совпадает с границей тома: том кончается всегда где-то в середине буквы.

Недостатки словаря составляют в целом ничтожную долю и тушатся его несомненными достоинствами. "Один только Бог может составить идеальный словарь", – говорил П. Буаст. То, что рецензируемый сло-

варь значительно к этому приблизился, подтвердят многие благодарные его пользователи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. 1999 – Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.

М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. М.: "Русские словари". 1999. 396 с.

Исследование М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой – один из первых опытов монографического описания живой устной речи города (см., например [Прокуровская 1996]). Задача осложняется тем, что объектом описания выступает речь жителей столицы – многомиллионного мегаполиса. Именно поэтому авторы тщательно отбирают и н ф о р м а н т о в, круг которых составляют коренные москвичи и люди, давно живущие в Москве. Так, в списке информантов-рассказчиков (с. 49–50) значатся москвичи в нескольких поколениях (Т.В. Иванова – 93 года, коренная москвичка; М.Е. Миртов – 70 лет, коренной москвич) и люди, длительное время прожившие в Москве (В.Д. Берестов – 52 года, в Москве с 1944 г.; Н.С. Кочарова – 45 лет, родилась в Ташкенте, в Москве живет с 3-х лет).

Языковой паспорт информанта включает сведения о социальном происхождении, позволяющие проследить семейные и шире – социокультурные речевые традиции, а также межкультурные речевые влияния (дочь известного книгоиздателя М.В. Сабашникова; дочь купца I гильдии, вдова купца I гильдии; дочь выдающегося русского филолога Д.Н. Ушакова, жена авиаконструктора А.А. Архангельского; Н.И. Ильина, писательница, из дворян, родители эмигрировали после революции). Принадлежность к сословию (дворянскому, купеческому) остается, как следует из материалов разговорного взаимодействия, маркером русской речевой культуры. В этом же ракурсе можно рассмотреть образцы просторечия – разнообразные в тематическом и жанровом отношениях.

Тексты воспроизводят речевые портреты носителей столичной речевой культуры (см. [Китайгородская, Розанова 1995]). Целый ряд записей воспроизводит речь с установкой на творчество, отражающую индивидуальность говорящего. Установка на

Abel J. 1999 – Die Sprache des Internet von A bis Z. München, 1999.

Augst G. 1998 – Wortfamilienwörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen, 1998.

Kuntzsch L. 2000 – 100 Wörter des Jahrhunderts (Auswahl). Gesellschaft für deutsche Sprache. Wiesbaden; Moskau. 2000.

В.Д. Девкин

творчество сближает речь разговорную с речью художественной, например, рассказы З.С. Паперного, В.Д. Берестова. Записи позволяют обнаружить не только особенности индивидуальной стилистики речи, но и формы воздействия на языковое сознание собственно русской культуры и культуры тоталитарной; внутрисемейной культуры и культуры профессиональной. Уникальны тексты, позволяющие проследить процесс самоанализа культурных, в том числе инокультурных, влияний, факторы отбора и реализации ситуативно заданных речевых жанров, оценку и переоценку ценностных объектов [например: "А когда пришла Октябрьская революция, то я абсолютно не понимала, на чьей я стороне" (рассказ Тамары Владимировны Ивановой о своей юности)]. Автором удалось предявить разговорный дискурс, дающий представление о философичности русского народа. В монологах и диалогах москвичей запечатлены зрелость, выстраданность суждений о времени, жизни, судьбе. Иногда культурно-фоновый контекст оттеняет неожиданность таких суждений и умозаключений [например: "И тридцать седьмой год – это был для меня год слепящей красоты" (из воспоминаний Татьяны Григорьевны Винокур)]; в ряде случаев суждения рассказчика отвечают культурно-фоновым ожиданиям [например: «...он (Сталин) знаменитый свой с... сказал тост-то / "человек винтик-то" // (...) Я с ним / согласна между прочим / с какой-то такой философской точки зрения / что каждый человек / должен делать свое дело"//].

Нельзя не сказать о том, что разговорный материал достоверно воспроизводит быт москвичей: семейный уклад, заботы, отношение к труду и профессии, человеческие контакты и др. Тексты дают возможность проследить гендерное своеобра-

зие речи [например: "*Все-таки мужики чудные – у-ужас!*" (беседа приятельниц за чаем во время обеденного перерыва)].

Диалоги и полилоги выступают как источник ценных сведений о роли ситуации в процессе общения, о ролевых функциях участников общения, о традициях русского диалогического взаимодействия.

Безусловна собственно лингвистическая ценность материала, обнаруживающего фонетические, лексические, грамматические особенности русской разговорной речи в ее функционально-стилевой ипостаси.

Обращает на себя внимание позиция авторов как непосредственных участниц диалогических контактов. Собирая разговорный материал методом включенного наблюдения, они выработали систему коммуникативных поддержек, которые в каждом конкретном случае позволяют стимулировать говорение, выразить сочувствие / сопереживание, утвердить говорящего в правоте суждения, позволить ему максимально реализовать речевые способности. Экспериментальная методика сбора и обработки разговорной речи обеспечивает качество текстового материала.

Собранные тексты, разнообразные по тематическим, жанровым, собственно культурным, коммуникативно-стратегическим, хронологическим параметрам, составляют энциклопедию речевого существования столицы. Энциклопедический охват речевого взаимодействия позволяет авторам предложить стройную коллоквиалистическую концепцию.

М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова отталкиваются от того, что теория разговорной речи многоаспектна: социолингвистический, коммуникативно-прагматический аспекты анализа живой речи с необходимостью учитываются. Вместе с тем основное внимание уделяется аспекту культурологическому. Речевая действительность рассматривается как органическое звено русской культуры. Особое внимание в этой связи уделяется культурным традициям, которые по-разному проявляют себя на тех или иных уровнях культуры (см. [Толстой 1999]). Так, внутри элитарной культуры прослеживается трансформация жанра литературного анекдота в жанр "байки" [например, театральные байки Б.Г. Голубовского (с. 231–238)]. Вместе с тем отмечается редукционирование отдельных речекультурных пластов, как, например, старомосковского городского просторечия.

При описании разновидностей московской речи учитываются внешние факторы,

отбор и взаимодействие которых оказываются специфическими даже в географически различных районах Москвы. Собственно лингвистические особенности речи москвичей, например, особенности произношения, объясняются на фоне внешних и внутренних факторов влияния, при этом один из последних может оказаться главенствующим (см. наблюдения о миграции населения). Широкий подход к феномену разговорной речи позволяет, в частности, дать объективный анализ семантики неофициальных устных номинаций. В качестве примеров приведем толкования эпистемических пластов смысла в динамике: "...*Пашкин дом*" (по имени бывшего министра обороны Павла Грачева (...)) и ассоциативная связь этой номинации: *кошкин дом* и *дом Пашкова, Пашков дом* (с. 17). Подобные материалы могут стать основой словаря русской разговорной культуры.

В монографии предложен новый подход к жанрам речи в их соотношении с коммуникативными актами. Обозначены "жанрово-выделяющие" параметры, которые, как доказано авторами, могут быть положены в основу типологии речевых жанров. Разработанный авторами алгоритм описания жанра обеспечивает необходимый переход исследования от коммуникативной ситуации к типу текста, позволяет установить границы жанров в речевом потоке. Системно-текстовый взгляд на проблему жанра укрупняет подход к разговорной речи как психолингвистическому объекту, открывает перспективу вычленения репертуара жанров, их описания в парадигматическом (набор "прямых и непрямых" стандартных жанровых форм) и синтагматическом (модели жанровой сочетаемости) аспектах.

В книге М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой обозначены основные нарративные фатические жанры. дана емкая характеристика лингвокультурных коммуникативных традиций русского фатического общения. Впечатляют не только охват жанровых форм, находящихся в объективе авторского внимания, и новизна методики анализа, но и классификационные результаты. Так, насколько нам известно, классификационный очерк рассказов-пластинок (истории-апологии, "комедии положений", анекдотические истории) предлагается впервые. В характеристику жанровых разновидностей включаются универсальные и ментально заданные константы культуры (например, универсальная оппозиция *свой – чужой* в рассказах-воспоминаниях и *кухня* как зона русского доверительного обще-

ния). Предъявлению группы текстов, объединенных по признаку жанра, предшествует их интерпретация – общая и видовая (см., например, с. 229–231).

Проведена систематизация первичных и вторичных ("объемных") жанров, заполняющих речевой быт москвичей. Описание проводится по линиям: *дом – вне дома; будни – праздники; фатика – информатика*. В центре внимания авторов – речевое существование семьи, организующим центром которого выступает *дом* (квартира, дача). Позиции коммуникантов отражаются в типовых ролях (родственники, соседи, знакомые и др.), функционально отраженных в ситуациях **стереотипных**. Последние характеризуются набором коммуникативно-жанровых категорий (например, выявляется универсальность внутрисемейного хронотопа), повторяемостью, воспроизводимостью, клишированностью, тематической заданностью и обзорностью. Материал дает возможность выявить домашние "шаблоны быта", вербальные стереотипы, отражающие культурные традиции русского семейного общения.

Стереотипные ситуации противопоставлены ситуациям **спонтанным**. Последние отличаются нежестким хронотопом, нерегулярной повторяемостью, тематическим многообразием, широким тематическим диапазоном (при наличии тематических доминант). Стереотипная целеориентированная коммуникация, организующая социально-биологический ритм семейной жизни, как показано авторами, сочетается с коммуникацией фатической, которая составляет своеобразие речевого облика русской (московской) семьи. Выведено правило "диффузного взаимопроникновения фатики и не-фатики", действующее как норма речевого семейного быта. Дан очерк монологических и диалогических жанров повседневной коммуникации. Отметим, что здесь желательна терминологическая шлифовка, в частности, выход за пределы омонимических пар терминов (ср.: *приказ* как жанр семейного предписания / *приказ* как императивный жанр официально-делового взаимодействия и др.). Разумеется, сопоставление типов речи и жанров в пределах функциональных разновидностей русской речи – задача особая. Здесь нельзя ограничиться лишь попутными замечаниями (см. с. 255–264). Рецензируемый труд содержит богатый материал для подобного сопоставления, а интерпретация этого материала заставляет усомниться в некоторых общих рассуждениях о сущности разговорной речи,

например, о нетипичности ее собственно текстовой организации (см. [Сиротинина 1994]). Разговорная речь в монографии предстает как жанровый континуум, с различимыми границами отдельных жанров. В их числе жанры, отлитые в стереотипы, и жанры, не имеющие общекультурной традиции, со складывающимися стереотипами (например, разговор до домофону), жанры малых форм и "объемные" жанры, бытующие в стереотипных и спонтанных ситуациях коммуникативного взаимодействия, распределенные по разным сферам общения. Системный подход к объекту, который в силу принципа спонтанности сопротивляется системному описанию, позволил М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой решить проблему создания непротиворечивой жанровой классификации. В основе концепции – фундаментальные положения московской школы функциональной лингвистики. Признавая, что оппозиция кодифицированной речи и речи разговорной на рубеже веков сместилась (с. 7–8), авторы все же используют ее в качестве базисной. Нет ли в этом противоречия? Не пора ли пересмотреть содержание самого понятия "кодификация" в его ориентации на живые языковые процессы, реальное языковое существование? Еще одно замечание связано с асистемным взглядом на просторечие. Мне кажется, что просторечие не описано еще изнутри. Будучи особым типом речевой культуры, просторечие обладает своей системной организацией, которую нельзя выявить с позиций носителя кодифицированного литературного языка.

Завершая характеристику монографии, хочу еще раз подчеркнуть ее новаторство, постановочный характер и общекультурную значимость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* 1995 – Русский речевой портрет. М., 1995.
Прокуровская Н.А. 1996 – Город в зеркале своего языка. Ижевск, 1996.
Сиротинина О.Б. 1994 – Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек, текст. Культура. Екатеринбург, 1994.
Толстой Н.И. 1999 – Язык и культура (Некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Доклады Всероссийской научной конференции "Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики". Ч. 1. М., 1999.

Н.А. Купина

Рецензируемая книга представляет собой расширенный и переработанный вариант "Сравнительно-этимологического словаря германских языков", опубликованного в 1994 г. тем же автором небольшим тиражом (250 экземпляров). Книга предназначена, как отмечает сам автор, прежде всего для студентов-германистов и преподавателей высшей и средней школы. Именно поэтому книга по замыслу автора должна сочетать в себе по возможности свойства научного издания и вузовского учебника. Следует, однако, сразу отметить, что рецензируемый Словарь – серьезная научная работа, обнаруживающая глубокие знания автора в области этимологии и владение им современными методиками этимологизирования, а также хорошее знание специальной научной литературы. Перед нами первый в России этимологический словарь германских языков, появление которого следует всячески приветствовать¹. Вполне естественно, что ни один словарь не может быть совершенным. Поэтому вполне уместны приводимые автором слова Сэмюэля Джонсона, заимствованные им из знаменитого словаря Ю. Покорного: "Dictionaries are like watches: the worst is better than none, and the best cannot be expected to go quite true".

Словарь содержит около 1300 словарных статей, которые охватывают основной лексический состав германских языков. Отдельная словарная статья в рецензируемом словаре состоит из четырех основных блоков. Первый блок включает в себя следующие данные: германский корень, к которому могут быть возведены реально зафиксированные слова современных и древних германских языков². Обычно приводится материал следующих языков: английского, древнеанглийского, немецкого, древневерхненемецкого, нидерландского, древнесаксонского и/или древнефризского, шведского, древнеисландского, готского. Этот блок завершает прагерманская форма, снабженная предлагаемым исходным значением. Если в статье рассматривается только древнегерманская

лексика, то порядок следования языков обычно меняется: готский, древнеисландский, древнеанглийский, древнесаксонский, древнефризский, древневерхненемецкий. В т о р о й блок включает (после знака //) генетически родственные слова за пределами германских языков. Обычно приводятся греческие, латинские, кельтские (языки кентум), древнеиндийские, балтийские и славянские (языки сатэм) формы. В некоторых случаях этот блок дополняется иранскими, хеттскими, тохарскими, албанскими, армянскими и другими параллелями. Завершается второй блок индоевропейским корнем с предполагаемым комплексом присущих ему значений. Т р е т ь и й блок: в необходимых случаях дается фонетический, семантический и культурно-исторический комментарий, касающийся прежде всего германских и славянских форм, приведенных в первых двух блоках. Ч е т в е р т ы й блок вводится словами "сюда же относятся" или "сюда же". Этот блок образуют г н е з д а с л о в, связанных с интерпретируемой базисной морфемой – германским или индоевропейским корнем. В четвертый блок включены также морфемы с деривационным значением, возникшие из свободных морфем, – суффиксы и префиксы глаголов, существительных и прилагательных, – а также имена собственные германского происхождения (личные имена, топонимы и гидронимы). Материал словарной статьи дополняется рассмотрением или представлением лексем, обозначающих данное понятие в сравниваемых языках при отсутствии генетического родства между этими лексемами (системно-семантический принцип). Кроме того, в словарной статье (разумеется, там, где это возможно) представляются и рассматриваются не отдельные слова германских языков, а серии морфем – альтернантов, различающихся прежде всего чередованием гласных (в соответствии с индоевропейским аблаутом) или, реже, согласных (в соответствии с форматами, расширяющими индоевропейский корень). При этом В.В. Левицкий рассматривает по преимуществу случаи так называемого отклонения от "нормального" аблаута. Ссылаясь на теорию П. Перссона, согласно которой индоевропейский корень мог расширяться с помощью чередующихся между собой формативов *i* и *u*, автор говорит о чередовании в индоевропейском [*i*–*u* – нуль], постулируя равнозначность таких корней, как **strei-/streu-/strē-* или **bhlei-*

¹ Наиболее известными этимологическими словарями германских языков являются словари А. Торпа, Э. Зебольда и Ф. Хайдерманса [Torp 1909; Seebold 1970; Heidermanns 1993].

² Отметим, что в рецензируемом словаре при каждом из приводимых германских корней-архетипов почему-то не дается общее значение корня, что усложняет пользование словарем.

*/*bhleu-/*bhlé-* [Persson 1912; Gasiorowski 1998; Nyman 1995; Mottausch 1999].

В.В. Левицкий учитывает в своем исследовании и так называемое *s-mobile*. Он полагает (т. 2, с. 233), что с фонетической точки зрения многие индоевропейские корни с начальным *ц*- восходят к корню **sṷē-/*sṷe-*. Этот корень, в свою очередь, может быть дериватом базового **sē-/*se-*, для которого автор реконструирует значение "жила, тетива". Последнее значение, по мнению автора, позволяет объяснить синкретизм понятий "резать/рвать/связывать, соединять/гнуть, крутить" (с характерными дериватами "дрожать, колебаться, швырять", а также "звучать" и "сиять"). Форма **sē-/*se-* порождает морфемы **sei-/*seu- *sṷē-/*sṷe- *(s)ṷei-/*(s)ṷer-, *(s)ṷel-, *(s)ṷen-, *(s)ṷem-* и т.п., которые нередко объединяют указанные выше значения "связывать/рвать/гнуть".

Хотелось бы прежде всего приветствовать стремление автора к объединению корней, традиционно считаемых "омонимичными", во всех тех случаях, когда для такого объединения не существует серьезных формальных и семантических противопоказаний (О.Н. Трубачев называет такое исследование "решением задач на омонимы" [Трубачев 1985]). В равной мере следует весьма положительно оценить разработку автором лексико-семантических гнезд, приводимых во многих статьях рецензируемого Словаря. К сожалению, в ряде случаев в лексико-семантические гнезда автор включает слова, генетическое родство которых вызывает сомнение. Автор предлагает целый ряд собственных этимологических решений. Это касается, например следующих слов: англ. *happy, slow*; гот. *filhan, fitan, fraisan, ganaitjan, hugjan, hunsl, mekeis, neiþ, saiwala, siuks, skatts, skura, tekan, wepna*; нем. *Bein, besser, jäten, Mark, Nachen, Napf, schneiden, schnell, Schoß, Schwade, schwimmen, Süden, trinken* и др. (ср. т. 3, с. 215–216).

Важное место в словаре отводится указателям (регистрам) слов и корней. В отдельном регистре собраны все имена собственные (безотносительно к языку). Регистр, условно названный "Индоевропейские корни", дает системное представление о внутригерманских лексических связях по формальным признакам (учтено большинство индоевропейских корней по словарю Ю. Покорного, рефлексy которых зафиксированы в германских языках). В указателе "Семантические процессы и закономерности" содержатся сведения об основных

типах изменения значения и о регулярных семантических связях (семантических законах) в германских языках. В "Понятийном регистре" германская лексика сгруппирована по идеографическому принципу (в регистр включены наиболее важные понятия). Кроме "Понятийного регистра" книга содержит "Ономазиологический словарь", где в алфавитном порядке представлены типичные модели семантической мотивированности слов в германских языках.

Значительную роль в этимологическом исследовании В.В. Левицкого играет так называемый "семантический синкретизм", главным образом синкретизм понятий "резать/связывать/гнуть/плести". При этом он основывается на высказываниях О.Н. Трубачева [Трубачев 1966: 250], но в большой мере на гипотезе Й. Трира, согласно которой на базе понятий "низкорослый лес", "дерево", "ветки, хворост" могли возникнуть три комплекса значений: "резать, подрубать, подчищать, ломать, расщеплять", "связывать, сплести, вить, собирать, подгонять друг к другу" и "жечь, гореть". Сам автор выдвигает гипотезу, согласно которой в основе синкретического значения "резать/связывать/гнуть" лежит понятие "жила; манипулировать жилами" (см. т. 1, с. 43–44). К сожалению, автор никак не упоминает о том факте, что гипотеза о первичности и синкретизме значений "резать/гнуть" в индоевропейском была уже давно выдвинута Т.Дж. Таккером [Tucker 1930]; основываясь на мифе о создании Вселенной (Вселенная была создана в результате разрыва Хаоса Божеством с последующим установлением Гармонии-Соединения), М.М. Маковский выдвинул гипотезу, согласно которой именно значения "резать/гнуть/соединять" являлись в индоевропейских языках "первозначениями", которые легли в основу всех других значений [Маковский 1995; 1996: 337–375; 2000б]. Гипотеза эта была доказана на большом фактическом материале и практически применена М.М. Маковским в его "Историко-этимологическом словаре современного английского языка", вышедшем в 2000 г.

Этимологические исследования много теряют от того, что в них обычно не учитываются так называемые начальные табуирующие отрицания (и.-е. *ne-, ve-, se-, le-, me-*): многие слова, начинающиеся на эти отрицания, рассматриваются таким образом, как будто отрицания являются неотъемлемой частью корня, что, естественно, не дает возможности установления

реальных лексико-семантических связей или вообще исключает возможность этимологизирования [Маковский 1996: 314–326]. Жаль, что в рецензируемом словаре В.В. Левицкого не учитывается это обстоятельство. В.В. Левицкий в своем словаре не принимает во внимание и так называемые преформанты (типа лат. *acrima, lacrima, dacrima* "слеза": см. [Маковский 2000а: 237–246]), что также отрицательно сказывается на результатах анализа. Как показывают наши исследования, человеческий праязык состоял из ограниченного числа сочетаний гласных, которые использовались как сугубо сакральные символы и отличались синкретизмом выражаемых ими значений. Впоследствии (опять-таки из чисто религиозных соображений) гласные "обрастали" согласными, которые ставились в начале (преформанты) и в конце (расширители, детерминативы) сочетаний гласных и олицетворяли соответственно табуирующие элементы (в начале сочетаний ставились также табуирующие отрицания) и тотемы (разные корни могут иметь одинаковые расширители, которые относят их к одному тотему³, тогда как табуирующие элементы, стоящие в начале корня, могут быть различными в рамках одного тотема). Так, и.-е. корень **ai-* "гнуть" > "гореть" может выступать с преформантами и с "тотемом" *-l:* **bhel-* "brennen"; **ghel-* "brennen, leuchten"; **pel-* "brennen"; **tel-* "brennen" [ср. только с "тотемом" *-l:* **al-/*el-* "гнуть" > "гореть", также "колдовать" и "кормить" (огонь "кормит")]; ср. то же сочетание **ai-* с "тотемом" *-g:* **bhag-* "zuteilen, als Anteil bestimmen"; **bheig-* "brennen; glänzen"; **dheg-* "brennen"; **leg-* "brennen" (др.-англ. *lieg* "Feuer"); **mag-/*meg-/*mog-* "brennen; Feuer" (кельтск. **mag-/*mog-* "Feuer"); **reg-* "brennen" (лат. *rogus* "Feuer"); ср. также сочетание **ai-* с "тотемом" *-r:* **ar-* "brennen"; **bher-* "brennen"; **gher-* "brennen" (также "съедать": огонь "съедает" бросаемую в него жертву); **ker-* "brennen"; **mer-* "brennen"; **uer-* "brennen" (ср. **uer-* "brechen"; "reißen"; **uer-* "nehmen": огонь "берет" бросаемую в него жертву). Приведенные соображения могут оказаться полезными не только при этимологизировании,

но и при исследовании вопроса о происхождении языка.

Весьма спорным в рецензируемом словаре является использование фоносемантики (идеофонии) при историческом исследовании языка. Автор пишет: «Особую роль в изменении значения слова, как показал Г. Шпербер, играет эмотивный фактор. Вслед за Г. Шпербером можно полагать, что один из главных факторов изменения лексического состава языка является эмоционально-экспрессивная окрашенность слова ("эмотивный фактор"). Эмоционально-экспрессивный компонент значения слова обусловлен, в свою очередь, наличием у слова фонетической, семантической или морфологической мотивированности. Иницируя семантические изменения отдельных слов, эмотивный фактор порождает целую цепочку дальнейших изменений, которые носят системный характер. В силу закона обратного соотношения сферы употребления знака и его эмоционально-экспрессивного содержания мотивированные слова постепенно демотивируются, утрачивая свой эмотивный заряд, уступая место новым "эмоционально-окрашенным единицам"» (Т. 1, с. 38). Как мы пытались показать в другой своей работе [Маковский 2000в: 144], этимологический анализ, построенный на основе идеофонии и эмотивных соображений, неизбежно влечет за собой: 1) невозможность использования фонетических законов; 2) произвольность включения слов в идеофонический ряд и произвольность исходного значения (этимона), приписываемого всем словам того или иного идеофонического ряда; 3) невозможность проведения диахронического анализа, являющегося основополагающим для любой этимологизации; при этом, поскольку рассмотрение идеофонов возможно только в синхронии, не учитывается историческая изменчивость формы и значения слов; 4) невозможность выявить траекторию развития значений (метафор) и последовательность (историю) перехода значений того или иного слова; 5) невозможность установления хронологического статуса исследуемых лексических единиц; 6) игнорирование того факта, что ни одно этимологическое решение, даже самое гениальное, не является истиной в последней инстанции, а представляет собой гипотезу. Идеофония всегда однозначна, всегда замкнута в себе, всегда статична и не допускает разночтений. Между тем в современной лингвистике признана правомерность так называемой множественной этимологии, обоснованной В.Н. Топоровым: в отличие от "одномерной

³ Различные расширители при одном и том же корне относят этот корень к разным тотемам. Тотемами могли быть и определенный порядок букв в пределах слова или сочетания определенных букв.

этимологизации", признающей право на существование т о л ь к о о д н о й семантической связи и объявляющей неверными все остальные возможности соотношения смыслов, множественная этимологизация исходит из признания возможности изначального существования н е с к о л ь к и х метафор того или иного понятия (первоначально, в языческом обществе, такая множественность метафор использовалась для табуирования наряду с энантиосемией и использованием табуирующих отрицаний). В рецензируемом словаре множественная этимологизация, к сожалению, не используется. Автор рецензируемого словаря в своем исследовании не опирается и на языческую символику, что в значительной мере снижает возможности проведения анализа и отрицательно сказывается на результатах этого анализа [Lurker 1990; 1991].

Приведем некоторые примеры использования автором рецензируемого словаря "эмотивного фактора" при анализе германских корней. На с. 85 рецензируемого словаря при анализе немецкого слова *Arbeit* "работа" автор отмечает, что «в звуковом оформлении слов, означающих "труд" (независимо от их исходного значения), наблюдается наличие R – часто в контактном или дистантном сочетании со взрывными согласными: ср. франц. *TRavail*, русск. *ТРуд*, укр. *Праця*, русск. *Работа*, нем. *aRbeit*, лат. *laBoR*, рум. *luCRu*, нем. *weRK*, латышск. *daRBs*, индонезийск. *keRDja*». На с. 184 первого тома рецензируемого словаря автор говорит о "звукоподражательном происхождении" таких слов, как нем. *geben*, англ. *give* "давать", лат. *habere* "держатъ, иметь", приводя при этом ностратические параллели (семитск. *kapp* "кисть руки", *harp* "горсть"). На с. 156 первого тома словаря читаем: «Примечательно, что и.-е. **po-/pə-* "маленький", "молодое животное" и "ребенок" совпадают с первым компонентом и.-е. **pater* "отец". Если допустить, что **po-/pə-* в **pater* является лепетным словом, то следует признать идентичность обоих корней. По наблюдениям специалистов в области детской речи, нередко дети получают прозвища со своим лепетным словом... Это дает основание допустить, что **po-/pə-* с позиций ребенка было обозначением старшего мужчины в семье, а с позиций взрослых – обозначением маленького существа (ребенка, детеныша и т.п.). Ср. повторяемость одних и тех же фонетических элементов в лепетных словах, обозначаю-

щих детей и взрослых: англ. *baby* (< редупл. **ba-ha* "ребенок") – русск. *баба, бабушка...*; русск. *няня*, украинск. *ненька* "мать", еврейск. *nin* "дитя"...».

На с. 202 первого тома рецензируемого словаря автор пишет: «Примечательно, что и слово *guerre*, и слово *Krieg* включают звук *g*, который, по данным психолингвистики, обладает символически значением "сильный, твердый", а сочетания /*kt*/ и /*gt*/ в современных английском и немецком языках связаны с семами /грубый/, /сильный/, /большой/, а также /ужас/... Явными звуко-символическими свойствами обладает и англ. *struggle* "борьба": ср. нем. *Streit* "спор", *Strauß* "поединок" с тем же сочетанием /*str*/, которое, по данным экспериментов, символизирует понятия "напряженный", "тугой", "натянутый", "строгий"». На с. 259 своего словаря В.В. Левицкий высказывает следующее мнение: «...более вероятно допустить, что **jag-* (речь идет о немецком слове *jagen*. – М.М.) является звукоизобразительным словом из языка охотников со значением "улюлюкать". На с. 12 второго тома рецензируемого словаря читаем: «Нем. *klein*, по данным экспериментов, обладает значительным звуко-символическим потенциалом, который усиливается противопоставлением /*kl*/–/*gt*/, символизирующим противоположные понятия (*klein* "маленький" – *gros* "большой"). Пройдя путь семантического развития от семы /блестящий/ через /изящный, тонкий/ до семы /маленький/, это слово достигло той точки семантического пространства, где его звучание стало коррелировать со значением (вторичный звуко-символизм). Наличие двух видов мотивированности (семантической и фонетической) позволило слову *klein* вытеснить из соответствующей семантической сферы ср.-в.-нем. *lützel* "маленький"... и *smal* "узкий, мелкий"... В английском языке, напротив, оба германских корня (англ. *little* и *small*) остались в сфере обозначения понятия "маленький", поскольку не испытывали давления со стороны *clāne*, специализировавшегося на обозначении "чистый". Однако и в английском языке корень **klein*-обладал экспрессивностью, позволившей ему вытеснить из понятийной сферы "чистый" герм. **hrain*-». Приходится только пожалеть, что автор рецензируемого словаря, с такой тщательностью разрабатывающий весьма спорный и умозрительный звуко-символизм в языке и постулирующий "лепетные слова", совершенно не уделяет внимания реальному символизму понятий,

засвидетельствованному историей языческой культуры⁴.

Проводя этимологический анализ отдельных германских корней, автор иногда приводит лексико-семантические параллели постулируемой им модели семантического развития. Однако в большинстве случаев эти параллели берутся не из индоевропейских языков, а из языков других семей (нотратические языки), причем автор даже устанавливает соответствия германских корней нотратическим.

Как уже говорилось, автор рецензируемого Словаря дает целый ряд своих собственных этимологий, в ряде случаев весьма удачных и интересных. Так, на с. 133 первого тома Словаря рассматривается германский корень **deur-*: ср. др.-англ. *dear* "дорогой", нем. *teuer*, шведск. *dyr*, др.-исл. *diuri*. Происхождение этого корня в этимологических словарях считается неясным. В.В. Левицкий, однако, выдвигает следующую весьма интересную гипотезу. У ското-водческих племен богатство, ценность ассоциируется с понятием "скот". Логично допустить, что у охотников ценность измерялась добычей (дикими животными). Если принять такую гипотезу, то герм. **deuz-* точно укладывается в апофонический ряд **deuz-/dauz-* "живое существо, зверь" > "добыча, ценность". Семантическая пропорция: англ. *deer* : *dear*, нем. *Tier* : *teuer* равна пропорции: русск. *скот* – нем. *Schatz*. На с. 138 первого тома Словаря этимологизируется немецкое слово *trinken* "пить" (англ. *drink*). Автор полагает, что это слово соотносится с и.-е. корнем **dher-* "прочный, крепкий" ("прочный" > "твердый, сухой" > "жажда" > "утолять жажду") и находятся, следовательно, в генетической связи с англ. *dry*, нем. *trocken* "сухой". В компаративистике предпринимались аналогичные попытки связать лат. *siccus* "сухой" и лат. *sitis* "жажда" (А. Вальде). На с. 142 первого тома Словаря дается этимология корня **dur-* "дверь". Автор полагает, что и.-е. **dhuer-* "проход, дверь" является вариантом и.-е. **dheu-* "дуть" с исходным значением "отверстие для прохода воздуха или дыма (в качестве параллели приводится название окна в германских языках: **we-* "глаз для ветра"). В древних жилищах, как отмечает автор, существовали верхние и боковые отверстия для воздуха (дыма) и света. По-видимому,

функции окна и двери при этом не различались, т.е. существовало единое нерасчлененное понятие "дверь/окно". Специфические функции окна вычленились, очевидно, позднее. о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что названия окна в различных индоевропейских языках не совпадают⁵. Автор, однако, не учитывает и.-е. **dher-/dhur-* "strike, pierce, penetrate".

В отношении и.-е. корня **dur-* "дверь" следовало бы также учесть и.-е. **dho(u)-*, **dhu-* "Strick, Schnur, Band, Sehne des Bogens" [Pokorny 1959: 272]. Дело в том, что, как показывает материал готского языка, понятие двери может восходить и к понятию плетения: ср. гот. *haurds* "дверь", которое восходит к и.-е. **kert-* "flechten" [Feist 1939: 250]. Отметим также, что в словаре В.В. Левицкого не дается этимология немецкого слова *Fenster* "окно"⁶. Согласно мифопоэтической традиции, окно является посредником между Божеством и людьми, сообщает им божественную благодать: ср. нем. *Fenster* "окно", но хет. *taninu-* "set in order", и.-е. **dhen-* "produce, yield", ср. также и.-е. **dei-n* "glänzen" (-*ster* – суффикс). С другой стороны, однако, окно – отверстие для выхода души умершего человека, а также символ всего внешнего, символ перегородки между посторонним и потусторонним мирами: ср. др.-англ. *teona* "Schaden", др.-сакс. *tiono* "Böses, Unrecht" + **ster-* "unfruchtbar"; ср. также хет. *dannat-*, *tannata-* "empty" [Neuhardt 1978; Cowen 1979]: окно как Бездна, мировая Вагина.

Весьма интересна гипотеза В.В. Левицкого относительно соотношения англ. *bone* "кость", нем. *Gebein* "кости", *Bein* "нога" с и.-е. **bheu-* "быть, существовать", причем он истолковывает эти слова как "сущее, бренное, материальное". На самом деле верно обратное: согласно древним представлениям, кость – символ вечности (в связи с этим следует истолковывать "вечно сущее"). Можно полагать, что др.-англ. *bān* "кость" представляет собой образование с преформантом *bh-*: и.-е. **an-* означает "душа", "дух" (кость –местилище души).

Нем. *Getreide* "зерно" автор связывает с нем. *tragen* "нести" ("то, что уносят с поля"): т. I, с. 136.

⁵ Здесь и еще в ряде мест своего Словаря автор применяет метод "слов" и "вещей".

⁶ Отметим, однако, что и лат. *fenestra*. прототип заимствованного нем. *Fenster*, фактически не имеет надежной этимологии.

⁴ В рецензируемом словаре не используются и специальные словари символов: см. [Маковский 2000б: 11].

На с. 195–196 первого тома Словаря дается весьма интересное объяснение соотношения таких слов, как др.-исл. *grein* "ветка", шведск. *gren* "ветка" (а также "шаг" – "угол между двумя ветками") – с одной стороны, и др.-исл. *grina* "скалить зубы", норв. (диал.) *grina* "исказить рот гримасой", а также "иметь течь, протекать, пропускать воду", шведск. *grina* "злобно, коварно смеяться", нем. *greinen* "жалобно причитать, скулить", англ. *groan* "стонать". С учетом семантической типологии (ср. **smil-* "искажать лицо гримасой" < "резать, расщеплять") можно полагать, как отмечает автор, что в основе должен лежать и.-е. корень **ghrei-* со значением "резать, расщеплять". Такой корень (**ghrēi-/ghrei-/ghri-*) реконструирован в [Pokorny 1959: 457] как дериват корня **gher-* "тереть". Если исходить из более широкой семантики этого корня ("обрабатывать острым инструментом, дробить, растирать, расщеплять" и т.д.), то в конечном итоге оба реконструированных выше значения ("ветка" и "гримаса") можно совершенно обоснованно рассматривать как дериваты семы (резать). Можно также уверенно отождествлять др.-исл. *grein* "ветка" и *grein* "различие, раздор, вид, способ". Сема (расщеплять) хорошо представлена также в норв. (диал.) *greivast* "широко открыты глаза", *grivis* "разветвляться", др.-англ. *graf* "рощина", англ. *grove* "рощина". К тому же корню относятся также: др.-исл. *grima* "маска", "шлем", "загадка", англ. *grime* "сажа, грязь". Это гнездо, как отмечает автор, объединяется скорее семой /покрывать/, чем /резать/. Однако корень **grim-* соотносится с и.-е. **ghrei-* "резать, расщеплять", т.е. "расщеплять" и "покрывать" часто оказываются связанными друг с другом. Отметим, что в рассмотренном автором лексико-семантическом гнезде почему-то отсутствует др.-в.-нем. *grana* "борода"; при этом автор, видимо, не подозревает о непосредственной связи значений "волос" и "краска" (и.-е. **ker-/gher-* "краска") [Маковский 2000а: 142–148].

Следует вместе с тем отметить, что в целом ряде случаев германские корни, представленные в рецензируемом Словаре, остаются без всякого этимологического истолкования; истолкование же многих других корней совершенно неудовлетворительно.

1. Немецкое слово *Frau* "женщина" соотносится В.В. Левицим (с. 162–163 первого тома) с постулируемым им прагерманским корнем **FIR-* "ставить вперед, вытягивать, выводить" и толкуется как "госпожа" (ср. гот. *fraujinon* "Herr sein"). Такое толкование содержится во всех этимологических словарях немецкого языка. Следует прежде всего учесть, что в древности женщины не только участвовали в сражениях, но и погребались согласно обычаям воинского сословия [Джонс-Блэй 1997]: ср. арм. *her* "ссора", русск. *спор*, др.-инд. *pṛī* "борьба". Как отмечает Б. Уолкер, "it wasn't unusual for barbarian armies to include women. Feminine magic power was often considered necessary for victory... Again and again, legends mention the women's magic cries, which made their enemies helpless" [Walker 1985: 25–26]. В этой связи показательны и.-е. **preu-/prau-* "einen Laut von sich geben". С другой стороны, следует принять во внимание тот факт, что в языческом обществе женским символом считалась Вода (в отличие от Огня – мужского оплодотворяющего начала): ср. **preu-/prau-* "Regnen". Женщины в древности рассматривались как сосуд: ср. хет. *puris* "vessel". Ср. далее: др.-инд. *pura* "Strom, Flut"; и.-е. **preu-* "sprinkle, spray, wash", литовск. *prauti* "wash, bathe". Типологический ср.: нем. *Weib* "женщина", но тох. *A wip* "мокрый". Следует, кроме того, учесть, что вода в древности воспринималась как плетение, в связи с чем следует учесть русск. *су-пру-га*, др.-русск. *съпряжеться* "состоять в половой связи", др.-инд. *pravésin* "kohabitierend". Ср. русск. *за-пря-гамь*, болг. *за-пря-гам* "стягивать, соединять". Женским символом считался в древности шар, круг: ср. и.-е. **sprā-* "ball; circle": и.-е. **sper-* "drehen". Типологически ср. др.-русск. *коло* "круг", но тох. *A kuli* "женщина"; др.-сев. *vorð* "женщина", но др.-инд. *vartula* "круглый".

2. В.В. Левицкий соотносит немецкое слово *Maus* "мышь" с лат. *musculus* "мысул" и с др.-инд. *mūṣṇāti* "воровать" (т. 2, с. 74). Рассмотрим этимологические связи этого слова подробнее.

Как справедливо отмечает В.Н. Топоров, многие мифологические представления о музах (греч. *μοῦσα*) в греческой мифологии совпадают с представлениями о мышах: родителями мышей являются громовержец (или небо) и Мать-Земля

(жена громовержца): ср. карийск. *mus/mas* "божество" и др.-англ. *mus* "мышь". В этом плане интересно сопоставить и др.-инд. *musala, mausala* "Stock, Keule" (язычники поклонялись столбам, олицетворявшим для них Божество); родителем же м у з являются Зевс-громовержец, или Уран (небо) и Мнемосина, или Гея (земля). Место рождения и обитания мышей и муз — Г о р а (вместилище Огня) и Вода. Ср., с одной стороны, нем. диал. *Mauch, Mauger* "гора, холм", а с другой, англ. диал. *mose* "to burn slowly"; ср. литовск. *mūšti* "бить" > "высекать огонь": типологически Ср. русск. диал. *смагать* "бить", но русск. диал. *смага* "жар, пламя"; ср. также и.-е. **mei-s* "двигаться"; эпитет Огня "находящийся в движении". Вместе с тем ср. и.-е. **mei-s* "сырой", осет. *mizun, mezun*, протекать", др.-сев. *musa* "saure Molken", исл., норв. *musa* "Buttermilch". Вода, согласно древним представлениям, — женское начало: ср. нем. *Maus* "мышь" и нем. диал. *Maus, Moß* "девушка": типологически ср. лат. *sorex* "мышь, землеройка", но и.-е. **sor-* "женщина"; понятие воды связано с понятием еды (ср. нем. *Schmaus* "угощение"; типологически ср.: русск. *влага*, но литовск. *válgyti* "есть, съедать"), а понятие еды непосредственно соотносится с понятием соития: мышь — фаллический символ (ср. литовск. *mausti* "brunstig sein", *mausis* "brunstiges, stößiges Tier"; типологически ср.: литовск. *pele* "мышь", но др.-инд. *pelah* "половые органы"; русск. диал. *поткан* "крыса", но русск. диал. *потка* "мужской половой член") Ср. [Grohmann: 1962].

Понятие Огня (ср. англ. диал. *to mose* "to smoulder, to burn slowly", норв. диал. *mosen* "warm, sultry") непосредственно связано с понятием Силы (ср. тох. А *muk* "сила, мощь"), которое закономерно соотносится с понятием Богатства, Собственности (ср. нем. *Schmuck* "драгоценности", др.-инд. *mūṣṭi* "Handvoll"; "Faust"; и.-е. **muk-* "Haufe, große Menge": др.-англ. *mēagol* "stark"). Все указанные значения связаны с исходным значением "бить, разрывать": 1) "бить, высекать" > "огонь" 2) "бить, ударять" > "сила" (огня); 3) "бить, ударять" > "огонь" > "хватать, брать" (огонь "берет" жертвоприношение) > "богатство" > "иметь, обладать"; значение "бить, ударять" (ср. литовск. *mūšti* "бить") может также лежать в основе значения "быть, существовать, возникать": ср. др.-инд. *miṣati* "возникать", тох.

А *māsk* "быть, становиться, превращаться". Значения же "иметь" и "быть" часто лежат в основе значения "долженствовать": ср. нем. *müssen* "долженствовать", англ. *must* "долженствовать" (имеется в виду сверхъестественная сила Мыши: она может и исцелить, и погубить). В этой связи интересно сопоставить англ. диал. *mausie* "крепкий, плотный" (но также англ. диал. *bausie* "крепкий, плотный": ср. др.-инд. *bhiṣaj* "cure, heal, make strong"). Типологически ср.: и.-е. **pel-* "stoßen, schlagen" — **pel-* "brennen" — **pel-* "verkaufen, verdienen; Lohn" (> "Schatz") — нем. *be-fehlen* "велеть, распоряжаться, командовать" (> "долженствовать"). Кроме того, мышь считалась хранительницей подземных богатств: ср. лат. *mus* "мышь", нем. *Maus* "мышь", но греч. *μυχός* "внутренность, недра". Понятие мыши связано также с понятиями Порядка, Гармонии, Музыки: ср. лат. *mus* "мышь", но нем. *Musik*, англ. *music*; типологически ср.: др.-инд. *giriḥ* "мышь", но и.-е. **ger-* "издавать звуки"; литовск. *pele* "мышь", но и.-е. **pel-* "издавать звуки". Интересно сопоставить индо-арийск. *muss-* "sob; laugh" (в древности смех и громкие причитания, как и мышь, использовались для исцеления)

3. В словаре В.В. Левицкого отсутствует этимология немецкого слова *gestern* "вчера". Рассмотрим это слово. Речь идет об индоевропейском корне **ghdjiés*, который означает не только "вчера", но и "завтра" (как в готском): ср. [Pokorny 1959: 416]. Можно высказать следующую гипотезу. Рассматриваемый корень соотносится с и.-е. **ghaida-* "Ziegenbock, Ziege; Vieh", а также с и.-е. **ghed-* "to acquire"; другие варианты этого корня соотносятся с англ. диал. *to gist* "to put out cattle to pasture"; *a-gist* "grazing on the field". Речь идет о времени выгона скота на пастбище (ср. и.-е. **ghei-so*, **ghei-dh* "antriben, lebhaft bewegen" и гот. *gistra-dagis* "утром") или о времени привязывания скота вечером в стойле (ср. и.-е. **ghad-* "festbinden, festhalten"; **ghais-* "haftenbleiben, steckenbleiben"), а также о времени отвязывания скота утром перед выгоном (ср. и.-е. **gei-dh* "schneiden, spalten"). Типологически ср.: др.-ирл. *imbúarach* "this morning" < *(*en*) + **g^wowi* + **rigoi* "when the cow (is) bound"; др.-ирл. *imbáarach* "tomorrow mornin g" < *(*en*) + **g^wom* + **rigom*: *(*in*) + *ban* + *rigon* "until the cow (is) bound" [Ahlqist 1977].

Подобным же образом немецкое слово *früh* "рано" буквально означает "время" (тох. А *preke* "время") отвязывания (хет. *parš* "zerbrechen") скота (греч. πόρις "Kalb, junge Kuh", англ. диал. *pur* "a male lamb", а также др.-инд. *pūrítá* "Lohn", греч. περάσω "покупаю": скот как богатство). Таким образом, в пределах одного и.е. корня **per-* "отрезать, преломлять, ломать" оказались наслоненными друг на друга две метафоры, производные от этого корня – "время" ("то, что делится": типологически ср. англ. *time* "время", но и.е. **tem-* "делить, разделять, разрывать") и "богатство" > "скот" (в древности при покупке/продаже обычно преломляли ветку).

Возвращаясь к немецкому слову *gestern* "вчера", следует указать на то, что приведенный выше и.е. корень **ghdhjés* имеет несколько вариантов: **gher-* (ср. **gher-* "brennen"), **ghes-* (ср. польск. *gusla* "колдовство"; и.е. **gheis-* "aufgebracht, bestürzt, erschreckt sein" и, возможно, хет. *kiša* "быть, существовать")⁷. Можно полагать, что рассматриваемый корень выражает идею "высокого огня" (Божество; восход солнца, утро) и низкого огня ("вечер"): в древности эти значения обычно совмещались в одном слове. Следует отметить, что слова со значением "огонь; гореть" соотносятся со словами, означающими как "высокий", так и "низкий". Ср. и.е. **gher-* "гореть", русск. *жар*, *жарить*, но русск. диал. *жаровой* "высокий", а с другой стороны, и.е. **gher-* / **ghes-* "гореть", но вульг. лат. *bassus* "низкий". Типологически ср.: др.-англ. *lieg* "огонь", но др.-сев. *lāgr* "низкий".

4. "Свобода" в древности означала прежде всего Связь, Целостность (ср. др.-инд. *ṛi* "целостный"), единство вселенских Начала и Конца (ср. др.-инд. *para* "bester; höchster Gipfel", но также "schlimmster; Fremder; weiteste Ferne", а главное – "Allseele"), а также непрерывность. В этом плане следует рассмотреть немецкое слово *frei* "свободный". Целостным в языческом обществе считался Огонь (переплетение языков пламени), который приравнивался к Божеству и был предметом ритуального поклонения: ср. нем. *frei* "свободный",

но и.е. **prei-* "brennen, glänzen, leuchten"⁸. Типологически ср.: лат. *liber* "свободный", но и.е. **leip-* "гореть" (сюда же: литовск. *labas* "хороший; ценный"); русск. *свобода*, но и.е. **kūei-bh* "brennen, glänzen". Огонь считался мужским оплодотворяющим началом, источником продолжения рода (ср. типологически др.-инд. *su-* "гореть", но также "оплодотворить женщину"). В этом плане можно сопоставить и.е. **pes-* / **per-* "мужской половой член". Огонь – один из элементов древней энантиосемической диады "огонь–вода", причем жидкость, вода, дождь понимались как божественное семя, оплодотворяющее Землю: ср. англ. диал. *perry* "ливень, проливной дождь", чешск. *pršet* "to rain", тох. А *pärs-* "лить". Продолжение рода (ср. также лат. *pariō* "рожать") считалось в древности категорией непрерывности и целостности. Отметим в связи с этим, что половые органы приравнивались в древности к Божеству и были предметом поклонения (ср. англ. диал. *feit* "superstitious observance or rite; a charm, an omen, a prediction"; и.е. **per-* "чудо": рождение ребенка считалось величайшим чудом). Свобода в древности соотносилась также с понятиями вселенской Связи, вселенского божественного Порядка и Гармонии: ср. и.е. **per-* / **pel-* "reißen/binden" и греч. πόρκης "Reif zum Festhalten der Speerspitze am Schafte"⁹.

⁸ Понятие огня непосредственно связано с понятием души (ср. лат. *spirō* "дышать", др.-англ. *feorh* "душа"). Типологически ср. и.е. **leip-* "гореть" – латышск. *elpēt* "дышать" и лат. *liber* "свободный". Ср. также др.-инд. *Parjanya-* "Gewittergott", литовск. *perkūnas* "Donner, Blitzschlag". Можно учесть также и.е. **perg-* "столб" (язычники поклонялись столбам) и и.е. **perg-* "бояться" (божества); ср. еще **pret-* "verstehen" (Мировой Разум, Божество как олицетворение вселенской Свободы).

⁹ Типологически ср.: русск. *свободный*, *свобода*, но и.е. **sueib-* "связывать, скручивать"; тох. А *sopi* "Netz".

Рассматриваемое немецкое слово *frei* вполне можно соотнести с и.е. **prai-* "gern haben, schonen, friedlich-frohe Gesinnung" [Pokorny 1959: 844–845], как это делается во всех этимологических словарях немецкого языка (В.В. Левицкий присоединяется к этой этимологии), в правовом значении "zu denen gehörig, die man gern hat und schon" (свободный член клана). Этот корень, безусловно,

⁷ Ср. также и.е. **ghaiso-* "Stange, Stock" (возможно, имеется в виду огненная вертикаль сакрального костра; следует иметь в виду, что язычники поклонялись столбам).

Следует также иметь в виду тот факт, что понятие свободы в древности могло пониматься и как "свобода кровотока" при обряде кровопускания, которое рассматривалось как возвращение к божественному Первоестеству, к первозданному мировому Океану: ср. литовск. *peĩi* "рассекать, пускать свободный кровоток". В открытии кровопускании есть чувство облегчения и экстаза, чувство покоя и тишины, чувство обретения единого архаического тела. синхронизации ритмов Космоса.

Интересно соотношение значений "жидкость" – "свобода": тох. А *war* "вода, жидкость", но литовск. *arvas* "свобода"; др.-инд. *mic-* "befreien, freilassen", но русск. *мок-рый* (и.-е. **meu-* "жидкость; жидкий"); и.-е. **lei-* "лить" (др.-англ. *lið* "яблочное вино"), но лат. *liber* "свободный".

В представлении язычников вселенская Целостность, равнозначная понятию Свободы, олицетворялась также понятием абсолютного божественного Времени (ср. нем. *frei*, но англ. *spur* "отрезок времени", тох. А *preke* "время, вечность"). Символом Целостности–Свободы считалась связь посюстороннего и потустороннего миров: ср. гот. *fera* "Seite" [Eliade 1938]. Намечается следующая мифопоэтическая парадигма: "плетение–связь" – "огонь" (огонь как плетение) – "вода" (вода как плетение) – "свет" – "звук" – "божественная сила" – "божественное движение" и, наконец, Змей, Змея (символ переплетающегося пламени и одновременно олицетворение плетения вод, а также символ божественной силы, символ божественного движения). Все члены этой парадигмы входят в понятие Божественной Стихии, которая, в понимании язычников, была наиболее ярким выражением б о ж е с т в е н н о й С в о б о д ы: ср. и.-е. **per-* / **pel-* "распоряжаться" [лат. *im-periõ*, нем. *he-fehlen* "распоряжаться, изъявлять (божественную) Волю"] – др.-англ. *faran* "двигаться" – тох. А *pal* "природа" – и.-е. **per-* / **pel-* / **pal-* "издавать звуки" – и.-е. **prei-* "свет, огонь". Относительно соотношения значений "свободный" – "змея" ср. англ. *free* "сво-

бодный", но англ. диал. *free* "червь, змея" (ср. англ. диал. *perry* "ливень", тох. А *pãrs-* "лить"); типологически ср.: лат. *liber* "свободный", но исл. *liðr* "змея" (ср. также лат. *liberi* "дети", и.-е. **lei-* "хотеть, повелевать", **lei-* "лить", **lei-* "гореть"); русск. *свобода*, но др.-англ. *wibba* "жук, насекомое" (буквально "летающий": змей в верованиях различных народов имел крылья и летал). Можно полагать, что гот. *freis*, англ. *free*, нем. *frei* "свободный" являются образованиями с преформантом: ср. и.-е. **ar-* "связывать, сплетать, устанавливать божественную Гармонию": литовск. *arvas* "свободный", хет. *arawwis* "свободный"; бретонск. *aer* "змея": и.-е. **ar-* "говорить, приказывать": и.-е. **er-* "двигаться": и.-е. **er-* "разрывать" (божественный разрыв Хаоса как предпосылка Божественного творения: и.-е. **ar-* "творить").

Следует отметить, наконец, что понятие Свободы в древности отождествлялось с понятием Мировой Души и с понятием божественно созданного Мироздания: ср. др.-англ. *feorh* "душа", но также "Вселенная, Мироздание". Мироздание олицетворялось Мировым деревом (и.-е. **perk-* "дерево, дуб") и Мировой Горой (гот. *fairguni* "гора").

5. Немецкое слово *jetzt* "сейчас" В.В. Левицкий соотносит (т. 1, с. 74) с сочетанием нем. *je + zu*, как это обычно делается во всех этимологических словарях немецкого языка. Нам представляется, однако, что дело обстоит намного сложнее. В свете языческих верований о циклическом "рождении" и "умирании" Космоса важно учесть то обстоятельство, что Рождение (в том числе и циклическое рождение Времени) мыслилось в древности как р а з р ы в (ср. др.-в.-нем. *jetan* "schneiden" и др.-сев. *geta* "erzeugen", др.-сев. *geð* "Sinn, Verstand": Божественный Разум). Разрыв мыслился как божественное Движение (и.-е. **ghei-* "lebhaft bewegen")¹⁰, как проявление божественной Силы (и.-е. **gheid-* "Gewalt"). Будучи творческим началом, Разрыв рождал "сейчас" человеческого Бытия. Типологически ср.: и.-е. **tem-* "разрывать" – тох. А *tãt* "рождать" – англ. *time* "время"; и.-е. **cer-*

входит в семантическую парадигму "связывать, делать цельным". Однако на основе только одного этого корня нельзя воссоздать всю мифопоэтическую и культурно-историческую канву, в лоне которой развивалось понятие "свобода" в индоевропейском.

¹⁰ Типологически интересно отметить, что нем. *nun* "сейчас" в немецких диалектах употребляется как существительное со значением "движение": ср. нем. диал. *in Nu* "sehr schnell". *итэ дэп.кножкэп .: чиниер отф удна*

"разрывать" – осет. *waryn* "рождать" – греч. *ώρα* "время", и.-е. **uer-men* "время"; и.-е. **bher-* "разрывать" – и.-е. **bher-* "рождать" – др.-англ. *hyre* "время". Интересна этимология некоторых слов со значением "сейчас": литовск. *dabar* "сейчас" < *da* (< *dar*) "прямо, сразу, уже, непосредственно" + и.-е. **bher-* "рождать" (возможно и другое объяснение этого слова: **dab-* "rechtzeitig" + **ar-* "родить": ср. осет. *aryn* "родить"); ср. далее: бретонск. *brema* "сейчас" < **bher-* "родить" + **mā-* "rechtzeitig" [Pokorny 1959: 693]; хет *kinum* "сейчас", но и.-е. **gen-* / **ken-* "родить".

Можно, однако, подойти к этимологии нем. *jetzt* "сейчас" и иначе. Следует иметь в виду, что стойбище рода (клана), т.е. место, где ж и л тот или иной род, олицетворяло для язычников первозданную Вселенную, которая описывалась такими метафорами, как "истинная", "настоящая", "умытая, чистая". Язычники мыслили свою жизнь таким образом, как будто она протекала именно в то время, когда Божество творило Вселенную, т.е. каждый раз "сейчас" [Элиаде 2000], что отразилось и в религиозных обрядах, основное место в которых отводилось повторению тех действий, которые они считали божественными и, в частности, повторению одних и тех же барабанных звуков, которые, по их убеждению, перемещало их в божественное "сейчас", в "истинное, настоящее время" (ср. др.-сев. *itr* "trefflich"): ср. авест. **īiti-* "Leben" [Pokorny 1959: 467–469, ср. 355–356]; др.-инд. *yat* "bleiben, wohnen"; др.-инд. *jiti* "Sieg, Gewinn"; др.-инд. *jati* "Echtheit": др.-инд. *jati* "Familie, Geschlecht". Типологически ср.: арм. *hup* "гнездо" (и.-е. **bhū-* "быть, существовать, жить") > "стойбище рода"; это слово, однако, означает также "истинный", "настоящий" и одновременное "настоящее время, сейчас"; ср. в русском: *настоящий*, но настоящее (время). Интересно соотношение значений "толпа, род" и "время", с одной стороны, и "место" и "время" – с другой. Ср.: ирл. *aimser* "время", но прусск. *amsis* "народ"; др.-англ. *tid, tyd* "время", но гот. *fiuds* "народ"; тох. А *preke* "время", но др.-в.-нем. *firihi* "народ"; англ. *spell* "промежуток времени", но русск. *племя* (**pel-men*). С другой стороны, ср.: латышск. *vieta* "место", но и.-е. **uet-* "время"; лат. *templum* "священное место", греч. τόπος "место", но лат. *tempus* "время"; др.-англ. *tid* "время", но др.-англ. *stede* "место"; горнийск. *gwel* "поле", ирл. *falach* "дом", но гот. *hveila* "время", др.-англ. *hwil* "время"; др.-англ. *sael*

"комната"; "зámок", но др.-англ. *sæl* "время", гот. *saljan* "жить, обитать". Относительно перехода значения "настоящий" в значение "время" ср.: греч. δικάιος "истинный, настоящий", но гот. *þeihs* "время"; лат. *verus* "истинный, настоящий", но греч. ὥρα "время"; др.-в.-нем. *erchan* "настоящий, истинный", но и.-е. **rek-* "время".

Наконец, существует еще одно объяснение происхождения немецкого слова *jetzt* "сейчас". Божественное творение мыслилось таким образом, как будто из Пустоты (или на месте Пустоты) возникли Божественные Явления, Божественные Нечто (иначе – Вещь, Предмет): ср. лат. *objectum* "то, что выбрасывается, т.е. является, Божеством" и русскую кальку *пред-мет*. В этой связи следует принять во внимание др.-англ. *céat* "нечто, предмет, явленный Божеством"¹¹. Первоначально слова со значением "предмет, нечто" осмыслились как демонстративы, которые затем приобрели темпоральное значение: "Вот (появилось божественное Нечто!)" (ср. русск.: *он вот-вот придет*) > "Вот!" > "Вот уже!" > "Вот сейчас (появилось)!" > "Сейчас!". В этой связи интересно принять во внимание русское словосочетание *только что* "сейчас", где *только* раньше означало "как раз, именно, вот", а *что* первоначально означало "Нечто, явленное Божеством". Ср. др.-инд. *jatas* "sofort, sobald", др.-англ. *giet* "noch, wieder", англ. *yet*, англ. диал. *jettus* "just now, at present". Типологически ср.: латышск. *lieta* "вещь, объект", но др.-сев. *leið* "время"; тох. А *wram* "вещь, объект, нечто", но русск. *время*. Важно также учесть следующее. "Сейчас" – это как бы край, конец

¹¹ Ср. также: гот. др.-фризск. *skett* "Geld; Vieh", русск. *скот* (богатство в древности символизировало божественную силу); типологически ср.: литовск. *naudà* "Gewinn, Habe, Besitz", латышск. *nauda* "Geld", др.-русск. *нута* "Hornvieh", но др.-англ. *nu*, др.-в.-нем. *nu* "сейчас" (акросиллабические образования, обусловленные табуированием); др.-англ. *hriðer*, др.-сакс. *hrith*, греч. кратή "корова; рогатый скот" > "богатство", но прусск. *kerdan* "время". Таким образом, мы имеем дело с семантическим переходом: "нечто" > "вещь" > "богатство" > "явленная божественная сила" > "момент явления божественной силы". Отметим, что рогатый скот (символ богатства) в древности считался божеством.

прошедшего и край будущего. В связи с этим интересно сопоставить арм. *jet* "хвост, конец". Типологически ср. хет. *kinum* "сейчас", но и.е. **ken-* "конец".

6. Остановимся теперь на этимологии немецкого слова *Kneipe* "пивная, харчевня; погребок", которое В.В. Левицкий соотносит с нем. *kneipen* "сжимать" и объясняет как "место, где теснятся" (т. 2, с. 17). Нам представляется, что нем. *Kneipe* соотносится с и.е. корнем *(s)*ken-* "жать, бить, выжимать" (в частности, в отношении винограда при изготовлении вина), в связи с чем следует учесть, с одной стороны, осет. *saen* "вино", нем. *Schnaps* "вино" < *(s)*knei-po*, а с другой стороны, нем. *knei-pen*, *knei-fen* "жать, сжимать, выжимать", а также др.-инд. *nirana* "Trank"; "Trinken" (без начального k-). Типологически ср.: др.-англ. *lidian* "бить, мять", но др.-англ. *lid* "яблочное вино"; и.е. **ghel-* "сжимать, тереть, бить", но и.е. **gela-* "вино". К тому же корню, что и нем. *Kneipe*, принадлежат др.-англ. *cinan* "разрывать, расщеплять", латышск. *ciņa* "борьба". Эволюция корня: *(s)*ken-* > *(s)*knei-* > **knei-* и с расширителем **knei-po*: букв. "место, где пьют вино".

7. В.В. Левицкий соотносит немецкое слово *kein* "никакой" с др.-в.-нем. *nih-ein* "ни один" (ср. отрицание *nein*: с. 72 рецензируемого словаря), что совпадает с этимологией этого слова, приводимой во всех этимологических словарях немецкого языка. Нам представляется, что нем. *kein* следует сопоставить с др.-инд. *hiná* "mangelhaft, gering; frei von, ohne", *hanoti* "vertilgen; aufgeben".

Вместе с тем следует учесть тот факт, что понятие "пустой" соотносится с понятием "двигаться; движение" (согласно древним представлениям, движение возникло из пустоты). Ср. в связи с этим греч. *κινεῖν* "двигаться", но греч. *κενός* "пустой", ионийский диалект др.-греч. *κενός*, арм. *sin* "пустой". Типологически ср.: гот. *ga-leiþan* "двигаться", но нем. *ledig* "пустой"; др.-англ. *liran* "идти, двигаться", но нем. *leer* "пустой"; осет. *tox* "быстрое движение", но латышск. *tukšs* "пустой"; др.-англ. *lacan* "быстро двигаться", но англ. *lack* "mangeln"; и.е. **ghei-* "sich bewegen", но и.е. **ghei-* "mangeln; leer".

С другой стороны, значение "разбивать, раскалывать" также может соотноситься со значением "пустой", "ничего": ср. др.-англ. *cinan* "brechen, spalten", но нем. *kein*.

Типологически ср.: литовск. *daužti* "to strike, cut, beat", но англ. *duck* "ничего" (ср. англ. диал. *duck for dinner* "на обед нет ничего"); и.е. **kes-* "раскалывать", но лат. *cassus* "пустой".

Согласно древним представлениям. Слово (ср. и.е. **kens-* "feierlich sprechen" [Pokorny 1959: 566–567]) возникло из Пустоты (ср. греч. *κενός* "пустой", др.-инд. *kināśa* "arm, leer"). Типологически ср.: др.-англ. *ǣmetig* "пустой", но исл. *oemta* "to speak, to pronounce"; и.е. **qak-* "издавать звуки", но лат. *vacuus* "пустой"; и.е. **rek-* "говорить, издавать звуки", но др.-инд. *ric-* "опорожнять", *rikta-* "пустой".

Далее следует учесть, что корень **kei-* может означать не только движение, но и движение горения, движение пламени (ср. гот. *skeinan* "гореть, сиять"), а с другой стороны, может выступать в значении "лежать, класть" (ср. и.е. **kei-* "лежать, класть": хет. *kinu* "класть"). Что касается значения "гореть", то на основе энантиомерии оно тесно связано со значением "погаснуть, исчезнуть": ср. и.е. **pel-* "гореть", но тох. *A pal-, pāl-* "s'êteindre": др.-в.-нем. *wahan* "гореть", но лат. *vacuus* "пустой"; и.е. **tep-/ *top-* "гореть", но англ. *to stop* "остановиться". Что же касается значения "класть", то важно учесть, что горизонтальное положение в древности символизировало все тленное (ср. ирл. *cin* "вина, изъян"), все непостоянное, все исчезающее в отличие от вертикального положения, которое олицетворяло все божественное и вечное.

8. Танец в языческом миропонимании имел прежде всего фаллическое значение: он символизировал соитие, оплодотворение Небом-Божеством Матери-Земли, причем соитие обычно уравнивалось с борьбой как творческим началом. Ср. в этой связи: нем. *Tanz*, англ. *dance*, франц. *danse*, но хет. *tenzi* "they approach sexually" (ср. хет. *tiyazzi* "approach, approach sexually"). Далее можно сопоставить: и.е. **dhen-* "produce, yield" (ср. ирл. *din* "generation") + **sei-* "säen", а также др.-англ. *ðān* "feucht" + **sei-* "лить" (семя), "оплодотворять", **sei-/ *soi-* "feucht"¹². Следует также учесть: гот. *at-þinsan* "тянуть".

¹² Ср. также: и.е. **dhen-* "fließen" [Pokorny 1959: 249]: тох. *AB tsān* "fließen"; В *tsnam* "écoulement"; лат. *fons* "Quelle", др.-инд. *dhanvati* "fließend"; др.-инд. *danu-* "Flüssigkeit"; осет. *don* "Wasser"; др.-инд. *dāna* "Brunst; Brunstsafft".

натягивать(ся)", др.-в.-нем. *dansōn* "натягивать(ся), растягивать(ся)": о пенисе; лат. *tonsilla* "Pfahl" (пенис), норв. диал. *dasa* "become faint", др.-сев. *dasask* "become exhausted" (сексуальный экстаз), ср.-англ. *dasen* "betäuben", но с другой стороны, хет. *dassus* "сильный, крепкий" (эрекция пениса; соитие как приобщение к божественной силе). Типологически ср.: арм. *par* "танец", но тох. А *pārs-* "лить", англ. диал. *perry* "ливень" (дождь как божественное семя, проливаемое Небом на Мать-Землю), лат. *pariō* "родить", лат. *sper-ma* "мужское семя"; ср. еще: гот. *plinsjan* "танцевать, плясать", но и.-е. **pel-* "лить" (сперму), др.-инд. *pelah* "половые органы"; греч. *ὄρχοισι* "танцевать", но греч. *ὄρχις* "половые органы", ср. и.-е. **reg-* "лить" (лат. *rigare* "лить"), хет. *ark* "coire".

Первоначально танец возник как подражание неровному горению, движению сакрального огня, "танцам" языков священного пламени¹³. В этой связи следует принять во внимание и.-е. **dei-n-so / *dau-n-so* "brennen, hell glänzen, schimmern". К тому же корню относятся и.-е. **dhes-* "andächtig, fromm, heilig"; др.-инд. *dhiṣṇya* "fromm"; хет. *dassus* "strong"; типологически ср.: гот. *plinsjan* "танцевать", но и.-е. **pel-* "гореть"; алб. *kercej* "танцевать" (это слово одновременно означает "лить": о выливаемом семени), но и.-е. **ker-* "гореть", др.-англ. *tindan* "зажигать", но др.-инд. *tanḍi* "вид танца". Танец символизировал "брак" огня и воды.

Движущиеся языки пламени метафорически и символически отождествлялись с зубами (символ божественной силы и сексуальной потенции), с руками (символ божественной силы). Интересно в этой связи

сопоставить лат. *dens* "зуб" и нем. *Tanz*, англ. *dance*, ст.-франц. *daunce* "танец". У язычников практиковались танцы вокруг зерна: ср. др.-инд. *dhānyà* "Getreide, Korn".

В.В. Левицкий придерживается старой этимологии немецкого слова *Tanz* "танец", связывая это слово с германским корнем **pinh-* "тянуть" (т. 2, с. 217), как это делается во всех этимологических словарях немецкого языка: речь идет о так называемом "круговом танце" (*Reigentanz*), при котором танцующие крепко держатся за руки и время от времени тянут друг друга то вправо, то влево.

9. В.В. Левицкий считает немецкое слово *Affe* "обезьяна" древним миграционным словом (*Wanderwort*), засвидетельствованным, в частности, и в семито-хамитских языках. Никакой этимологии этого слова в словаре не содержится, а английское слово *monkey* "обезьяна" вообще не рассматривается. Следует прежде всего отметить, что согласно древним индийским поверьям, обезьяна считалась покровителем дождя. С другой стороны, дождь считался семенем, которым Небо оплодотворяет Землю (в Индии бесплодные женщины обнимают статую священной обезьяны Ханумана с целью забеременеть): ср. в этой связи, с одной стороны, и.-е. **ap-* "вода, жидкость, дождь", а с другой, – хет. *ep* "зачинать (ребенка)". Показательно, что в различных языках понятие обезьяны часто связывается с понятием опьянения: ср. нем. арго *Affe* "опьянение", чешск. *opice* "опьянение", букв. "обезьяна".

Подобным же образом англ. *monkey* "обезьяна" соотносится с нем. диал. *Munk* "жидкая масса, каша", лат. *mucus* "слизь, жидкость", исл. *tugga* "Nebelregen". С другой стороны, ср.: англ. *monkey* "обезьяна", но индо-арийск. *moha* "swoon", а также америк. сленг *to carry the monkey, to suck the monkey* "быть в состоянии опьянения".

Вместе с тем обезьяна в древности соотносилась с понятием чудодейственной силы: ср. нем. *Affe* "обезьяна", но лат. *ops* "сила, мощь"; англ. *monkey* "обезьяна", но тох. А *muk* "сила, мощь". Обезьяна – символ злой силы, колдовства: ср. тох. А *ur* "делать, совершать" (колдовство).

10. На с. 43 второго тома рецензируемого словаря В.В. Левицкого немецкое слово *leben* "жить" связывается с герм. **lib-* "приклеиваться; липкий; липнуть" > "оставаться,

¹³ Индоевропейский корень **kei-* "гореть" непосредственно соотносится с и.-е. **kei-* "цвет, краска" (горящего огня). Именно от этого корня образованы и.-е. **kei-no*: русск. *синий*. Синий цвет в древности символизировал тот мир, где обитают только боги и души умерших; этот мир служил как бы перегородкой между смертными людьми и божествами. Основная символика синего цвета – это экстаз. Типологически ср. французскую идиому *je ne vois que du bleu* "я ничего не вижу", букв. "я вижу только синее"; ср. также русскую идиому – *ни зги не видать*, где слово *зга* – застывшее заимствование из персидского (перс. *zag* "синий").

существовать" > "жить". Такая этимология является традиционной и постулируется во всех этимологических словарях немецкого языка. Нам представляется, что при этимологизации указанного немецкого слова необходимо учитывать следующее. В языческом обществе Жизнь приравнивалась к Божественному Огню, центром которого в антропоморфной модели Вселенной (человеке-микрокосме) считался живот: ср. нем. *leben* "жить", но и.е. **leip-* "гореть"; "огонь", а также англ. диал. *lebb* "желудок теленка", нем. *Leber* "печень". Типологически ср.: осет. *coeryn* "жить", но и.е. **ker-* "гореть" и валлийск. *croth* "живот; матка", и.е. **gʷei-* "жить", но и.е. **keu-* "гореть; огонь", англ. *gut* "кишка". С немецким словом *leben* "жить" следует также сопоставить латышск. *elpēt* "дышать" (огонь считался олицетворением души).

11. На с. 36 второго тома рецензируемого словаря В.В. Левицкий соотносит немецкое слово *lieben* "любить" с и.е. **leubh-* "желать, любить". Нам представляется, что указанное слово соотносится с и.е. **leip-* / **leib-* "гореть"; "огонь": речь идет о почитании Огня, об обожествлении Огня. С другой стороны, огонь для древнего человека означал "очаг" – символ своего рода в отличие от других ("враждебных") родов [ср. и.е. **leip* "гореть"; литовск. *lopšna* "schwanger", греч. *λείβω* "лить" (семя)]. Вместе с тем ср.: др.-в.-нем. *gi-libida* "vow", валлийск. *llwf* "клятва", а также др.-инд. *lā bhate* "брат, хватать" > "зачать". Важно также учесть англ. *loop* "узел" (связь членов рода)¹⁴.

12. В.В. Левицкий неуверенно связывает немецкое слово *Lied* "песня" с лат. *laus* "хвала". Нам представляется, что рассматриваемое немецкое слово соотносится с и.е. корнем **lei-* "лить" (ср. др.-англ. *lið* "яблочное вино"). С точки зрения древнего человека устанавливается связь по смежности: "жидкость льется" > "звук льется". Ср. семасиологические параллели: и.е. **ag-* "издавать звуки", но лат. *aqua*

"вода"; др.-инд. *nadati* "издавать звуки". но и.е. **nad-* "мокрый"; и.е. **rek-* "издавать звуки", но русск. *река*.

13. На с. 214 первого тома рецензируемого Словаря автор высказывает мнение, что происхождение таких слов, как англ. *hand*, нем. *Hand*, шведск. *hand*, др.-сев. *hǫnd* "рука", – "неясно". Следует отметить в этой связи, что рассматриваемые слова, безусловно, соотносятся с и.е. *(s)*kend-* "высекать" (огонь) > "гореть", "светить": ср. лат. *candere* "гореть" ("обхватывать языками пламени": ср. гот. *frahinþan* "схватить"). Руки, пальцы, а также волосы и трава в древности отождествлялись с языками пламени. Понятие огня и света в древности связывались с понятием звука (лат. *cantare* "петь") и с понятием божественной силы (ср. валлийск. *cadarn* "сильный"). Кроме того, понятие огня, языков пламени (а следовательно, и руки) соотносилось с понятием правды: рука уподоблялась языку пламени, а огонь выступал как очищающее начало: ср. хет. *handuz* "правда". Типологически ср.: и.е. *(dh)*len(gh)-* "гореть" (ср. др.-англ. *lieg* "огонь"), но русск. *по-длинный* (сюда же и др.-русск. *длань* "рука").

14. На с. 209 первого тома рецензируемого словаря автор отождествляет немецкое слово *Herr* "господин" с и.е. корнем **kei-* "dunkel, grau-, braun": ср. русск. *серый*. Это слово интерпретируется как "седой" > "старый" > "достойный уважения" (именно такой путь развития постулируется в большинстве немецких этимологических словарей, которые к тому же корню относят еще и нем. *hehr* "величественный; священный; возвышенный"). Автор верно высказывает догадку относительно соотношения и.е. корня **kei-* "серый, темный" с **kei-* "резать, высекать" (огонь). Однако он не учитывает того обстоятельства, что значение "гореть" (и.е. **ker-* "гореть") могло соотноситься со значением "сила, сильный, крепкий" (и.е. **ker-* "сильный, крепкий"). Корень **ker-* может соотноситься с корнем **kei-* "гореть, светить".

В заключение необходимо подчеркнуть, что рецензируемый Словарь представляет собой значительное явление в российской и в мировой германистике: практическое использование новейших методик этимологизирования сочетается в нем с анализом огромного фактического материала не только германских, но и индоевропейских языков, хорошее знание специальной литературы сочетается в ряде случаев с

¹⁴ В.В. Левицкий соотносит корень **leubh* "любить, желать" с гот. *ga-laubjan* "верить". Однако это последнее слово соотносится с ирл. *lub* "куст, дерево". Типологически ср.: русск. *верить*, но латышск. *veris* "лес"; русск. *дерево*, но прусск. *druwi* "вера"; лат. *credere* "верить", но нем. диал. *Kratt* "лес": твердость дерева как моральная категория.

творческим подходом к анализу. К сожалению, автор неправомерно увлекается использованием фоносемантики в историческом анализе лексики и семантики, а с другой стороны, находясь в большой мере в плену традиционных этимологий, не учитывает целый ряд важнейших явлений языка, имеющих принципиальное значение для этимологизирования: возможность не с к о л ь к и х этимонов (скрытых метафор) слова, а не одного единственного этимона, как это принято в этимологической традиции; возможность наличия табуирующих отрицаний (и.-е. *ne-, se-, ve-, le-, me-*) в начале слова (учет этого принципа в корне меняет возможности и результаты этимологизирования), возможность наличия так называемых преформантов¹⁵ и вариантов корня, а также необходимость учитывать языческую символику и культурно-историческую канву слова при этимологизировании.

¹⁵ В.В. Левицкий в своем Словаре приводит несколько примеров на преформанты, хотя и не называет их преформантами и вообще никак не объясняет: др.-инд. *kapi-* "обезьяна", но др.-англ. *apa* "обезьяна"; русск. *коза*, др.-англ. *hecen* "козленок", но др.-инд. *ajáh* "коза"; лат. *os*, др.-инд. *ásthi* "кость", но лат. *costa* "ребро", русск. *кость* (т. 1, с. 84).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Джонс-Блэй К. 1997 – Женщины и война в индоевропейском мире // Стратум: Структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб., 1997.
- Маковский М.М. 1995 – У истоков человеческого языка. М., 1995.
- Маковский М.М. 1996 – Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996.
- Маковский М.М. 2000а – Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев. М., 2000.
- Маковский М.М. 2000б – Историко-этимологический словарь современного английского языка. М., 2000.
- Маковский М.М. 2000в – ВЯ. 2000. № 3: Рец. на кн. "Язык и речевая деятельность".

Трубачев О.Н. 1985 – О семантической теории в этимологическом словаре. Проблемы омонимов подлинных и ложных и семантическая типология // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985.

- Элиаде М. 2000 – Миф о вечном возвращении. М., 2000.
- Cowen P. 1979 – Rose windows. London, 1979.
- Eliade M. 1938 – La concezione della libertà nel pensiero indiano // ASA. 1938.
- Feist S. 1939 – Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. Leiden, 1939.
- Gasiorowski P. 1998 – Strange ablauts and neglected sound changes in Proto-Indo-European // IF. Bd. 103. 1998.
- Grohmann J.V. 1962 – Apollo Smintheus und die Bedeutung der Mäuse in der Mythologie der Indogermanen. Prag, 1962.
- Heidermanns F. 1993 – Etymologisches Wörterbuch der germanischen Primäradjektive. Berlin; New York, 1993.
- Lurker M. 1990 – Die Botschaft der Symbole. In Mythen, Kulturen und Religionen. München, 1990.
- Lurker M. 1991 – Wörterbuch der Symbolik. Stuttgart, 1991.
- Mottausch K.-H. 1999 – Lautverschiebungen und Verwandtes im Bereich der indogermanischen Sprachen // IF. Bd. 104. 1999.
- Mylius K. 1975 – Wörterbuch Sanskrit-Deutsch. Leipzig, 1975.
- Neuhardt G. 1978 – Das Fenster als Symbol. Versuch einer Systematik der Aspekte // Symbolon. N.F. 1978. № 4.
- Nyman M. 1985 – *Ela-o* as ablaut pattern in Indo-European // IF. Bd. 90. 1985.
- Persson P. 1912 – Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. 1–2. Uppsala; Leipzig, 1912.
- Pokorny J. 1959 – Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München, 1959.
- Seehold E. 1970 – Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch der germanischen starken Verben. The Hague; Paris, 1970.
- Torp A. 1909 – Wortschatz der germanischen Spracheinheit. Göttingen, 1909.
- Tucker T.G. 1930 – Notes on Indo-European etymologies. Halle, 1930.
- Walker B. 1985 – The woman's encyclopaedia of myths and secrets. New York, 1985.

М.М. Маковский

Словарь, о котором пойдет речь, подобрал в себя 40000 образов, принадлежащих 631 русскому писателю XVIII—XX вв., стихотворцу и прозаику. Так что название труда следует понимать так, что образы извлечены из художественной литературы, в том числе из прозы, а не только стихов. Поскольку вся художественная литература — это плоды творчества с установкой на вымысел, существенной разницы между образами в стихотворной и прозаической речи не предполагается.

"Словарь поэтических образов" стоит на фундаменте монографического исследования [Павлович 1995]. Как ни странно может показаться, эта книга — первое глубокое исследование проблемы образа в художественной литературе. В начале XX в. неблагополучие всей проблемы образа нащупала формальная школа. Шкловский по сути предложил вовсе отказаться от этого конструкта [Шкловский 1919: 3–6]. Мировая наука охотно последовала его совету, что можно рассматривать как лучшее свидетельство отсутствия до последнего времени всякой теории образа. В свое время сильное впечатление произвел раздел "Поэзия без образов" замечательного доклада Якобсона [Якобсон 1961; 1983]. Предельно ограничена область употребления термина "образ" в наиболее популярной во всем мире "Теории литературы" Уэллека и Уоррена [Wellek, Warren 1977: 26; Уэллек, Уоррен 1978: 44]. Воспе без конструкта "образ" обходится монументальный труд М.Р. Майеновой [Maenowa 1974]. Советская теория литературы ставила художественный образ во главу угла, однако предлагалось принимать этот постулат на веру, так как никакие аргументы в его поддержку не приводились. Призыв Щербы ограничить учение о тотальной образности [Щерба 1957: 32] прошел незамеченным. Так что труд Наталии Витольдовны Павлович в сущности в п е р в ы е подверг строгой процедуре научного анализа несомненно значительную и несомненно не изученную проблему [Баевский 1996].

Теперь мы получили массивный словарь образов русской литературы, основанный на строгой теории. Насколько нам известно, подобного словаря нет ни для какой другой литературы мира. По-своему замечательный, широко известный словарь символов и образов [Ad de Vries 1981] представляет явления, сформировавшиеся в западной культуре в целом; статьи расположены в

алфавитном порядке без какой-либо системы и квантификации; ссылки на источники даются выборочно; в аппарате издания перечислено около 180 источников; всего в словаре по приблизительной оценке 3000 статей.

"Словарь поэтических образов", которому посвящена настоящая рецензия, построен в соответствии с постулатом: «существуют законы, по которым устроены "поэтические образы". Законы эти — парадигмы образов» (т. 1, с. XXVIII). "В основе словаря — идея о том, что каждый образ существует в языке не сам по себе, а в ряду других — внешне, возможно, различных, но в глубинном смысле сходных образов — и вместе с ними реализует некий общий для них смысловой инвариант, т.е. модель, или парадигму" (т. 1, с. XXIX). По мнению составительницы, понять образ во всей его глубине — значит определить парадигму, к которой он принадлежит. Если в поэтическом тексте основание сопоставления ДИЛИЖАНС заменено образом АРБУЗ, то такую замену трудно понять. Но если образ ДИЛИЖАНС ⇒ АРБУЗ мы соотнесем с известным нам с детства по волшебной сказке превращением тыквы в карету и кареты в тыкву (образ КАРЕТА ⇒ ТЫКВА), а также с образами АВТОБУС ⇒ ДЫНЯ, КОЛЯСКА ⇒ АРБУЗ и т.п., встречающимися в поэзии, то смысл образа ДИЛИЖАНС ⇒ АРБУЗ, а заодно и всех других образов данной парадигмы, для нас прояснится.

Рецензируемый словарь содержит систему всех парадигм русской поэзии трех последних веков, т.е. того периода, на протяжении которого существует поэзия, существует литература в привычном для нас облике. Разумеется, здесь представлены не все писатели, а "всего" 631; не все образы ("всего" 13 образов Симеона Полоцкого, 125 образов Ломоносова, 683 образа Пушкина, 78 образов Л. Толстого, 418 образов Чехова, 2583 образа А. Белого, 2418 образов Хлебникова, 3 образа Черубины де Габриак, 1 образ Ю. Олеши и т.д.), а, как было сказано, "всего" около 40000; но представлены все модели, по которым образы в русском языке создаются, все парадигмы образов.

Словарь состоит из 23 больших разделов, таких как "Живые существа", "Календарный цикл", "Пространство" и т.п. Каждый из больших разделов включает в себя разделы более мелкие. Так, раздел "Живые существа" состоит из подразделов "Человек",

"Животные", "Птицы", "Насекомые", и др. Эти подразделы состоят из еще более мелких подразделов. "Человек" включает в себя подразделения "Воин", "Царь", "Женщина" и мн. др. Каждый из этих разделов, подразделов, подразделений вбирает в себя те образы, в которых идет речь о тех предметах, которые указаны в названиях раздела, подраздела, подразделения.

Кто имел дело с тезаурусом Роже и созданным на его основе [ST 1911], уже понял, что у нас в руках – тезаурус русского образного языка, т.е. такой словарь, в котором материал расположен не по алфавиту, как мы привыкли, а по смыслу: наиболее общие категории подразделяются на рубрики, те, в свою очередь, на подрубрики и т.д. В английском стандартном тезаурусе рубрикация имеет шесть этажей. В словаре Павлович их три. Это значит, что он значительно проще в употреблении, хотя по объему словарь Павлович несколько превосходит стандартный тезаурус английского языка.

Появление словаря Павлович остро ставит вопрос о необходимости создать, наконец, стандартный тезаурус русского языка. В частности, почти необозримо много информации содержало бы сопоставление стандартного тезауруса и тезауруса образного языка. Предметом исследования должно было бы стать сопоставление основных разделов, подразделов в пределах каждого раздела, выявление сближений и расхождений между ними.

Стандартный тезаурус представляет картину мира, увиденную народом и воплощенную им в своем языке. Словарь образного языка представляет картину мира, увиденную поэтами народа и воплощенную ими в поэтическом языке. Словарь, созданный Н.В. Павлович, открывает новые замечательные перспективы исследования русской картины мира, запечатленной в поэтическом языке.

В монографии, положенной в основу словаря, и в кратких комментариях к словарю составительница бросает лишь беглый диахронический взгляд на материал. Однако словарь предоставляет богатейшие возможности для изучения широкого круга вопросов в диахронии. Например, если для какой-то парадигмы приводятся образы только из литературы XX в., значит, в двух предшествующих веках такая парадигма не существовала и появилась скорее всего только в XX в.

Важные результаты принесло бы сопоставление словаря образов русской литературы с аналогичным словарем другой

литературы. Совпадения и расхождения рассказали бы много важного о единстве и особенностях культуры, мировой литературной традиции, а, возможно, и о принципах художественного мышления...

Составительница в своем труде сочетает теоретический и эмпирический подходы. Она разработала оригинальную и убедительную теорию поэтического образа и в соответствии с нею собрала большое количество образов. Когда же она приступила к освоению материала, то ничего ему не навязывала, а шла за ним. В словаре нет стремления к симметрии рубрик, их следование не предопределено привнесенными извне представлениями составительницы, как бы это ни выглядело соблазнительно в иных случаях. На любом этаже рубрикации на первое место всегда выдвигается рубрика, содержащая больше всего парадигм, за нею следует вторая по количеству парадигм и т.д. в порядке убывания парадигм.

Пора сказать, что в словаре выделяются парадигмы двух уровней. На более низком уровне образ сопоставления представляет собою видовое понятие, на более высоком – родовое. Так, парадигма ЧЕЛОВЕК ⇒ ДРУГОЕ СУЩЕСТВО включает в себя парадигмы более низкого уровня ЧЕЛОВЕК ⇒ ЖИВОТНОЕ, ЧЕЛОВЕК ⇒ ПТИЦА, ЧЕЛОВЕК ⇒ НАСЕКОМОЕ, ЧЕЛОВЕК ⇒ БОЖЕСТВО ИЛИ МИФОЛОГИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК ⇒ ЗМЕЕОБРАЗНОЕ СУЩЕСТВО и ЧЕЛОВЕК ⇒ МАЛЕНЬКОЕ БЕСФОРМЕННОЕ СУЩЕСТВО. Приведенный фрагмент тезауруса показывает, что охотнее всего поэты соотносят человека с животным (со зверем вообще, с собакой, лошадью, медведем, оленем и т.д.), а реже всего – с маленьким бесформенным существом (пиявкой, амёбой, мидией и даже со сперматозоидом).

Внутри каждой парадигмы образы упорядочены тоже по частотности образующих их понятий. В пределах же каждого понятия образы расположены по хронологии.

По мысли составительницы словаря, создать новый образ сегодня возможно; можно создать малую парадигму; но создать новую большую парадигму нельзя. Любой вновь созданный образ будет принадлежать к уже известной и зафиксированной в словаре большой парадигме. Мир образов живет по своим законам. Как человек не властен над языком, так не властен он над системой поэтических образов языка.

И. Бродский в нобелевской речи говорил об абсолютной, деспотической власти языка

над поэтом, о том, что не поэт владеет языком, а язык владеет поэтом [Бродский 1992: 15–16]. "Словарь поэтических образов" показывает особый аспект этой власти языка над поэтом: язык диктует поэту парадигмы, по которым поэт может строить свои образы. И это будут одновременно образы и его собственные, и его языка.

Насколько представителен словарь? Насколько значимы результаты с точки зрения статистики? Иными словами, если бы в словарь попали другие образы из других текстов, сохранились бы те же рубрики, те же парадигмы, которые мы имеем сейчас, или были бы заменены другими? Если были бы заменены, то в каком количестве?

Предпринятая нами проверка показала, что все писатели первого ряда (масштаба Третьяковского, Гоголя, Блока) и второго ряда (масштаба Карамзина, Баратынского, И.В. Елагина) в словаре представлены. Поэты третьего ряда и сливающиеся с фоном, как правило, представлены малым числом образов. Так что в смысле отбора авторов выборка Н.В. Павлович безусловно репрезентативна. Что же касается отбора образов у каждого автора, то этот аспект выборки не поддается строгой оценке: мы не можем даже приблизительно назвать объем генеральной совокупности – количество образов всей русской художественной литературы, – выборка из которой включена в словарь. Однако можно заметить, что приблизительно две трети образов попали в словарь из больших выборок – таких, где из текстов одного автора заимствовано от 400 до 2644 образов. Следует осторожно предположить, что такие большие выборки дают достаточно устойчивое распределение, не зависящее от случайных факторов. И в общем можно утверждать, что выборка образов, включенная в словарь, репрезентативна для всей русской художественной литературы, что перечень рубрик и парадигм и их порядок объективно отражают структуру образов всей русской художественной литературы.

Словарь снабжен очень небольшим – слишком небольшим – аппаратом. В нем есть список источников; список авторов, чьи образы содержатся в словаре, с указанием количества образов каждого автора, включенных в словарь, список непонятных слов, и очень важный предметный указатель. Этот указатель позволяет быстро установить, на какой странице (на каких страницах) находится интересующее нас сейчас слово (понятие). Но рассмотрение этого указателя поучительно и само по себе. Сразу бросается в глаза, что такие понятия,

как ЧЕЛОВЕК, СВЕТ, ВОДА (и ряд других) участвуют в создании образа чаще всего; а такие, как СЛОВЕСНОСТЬ, СЛОВАРЬ, ЖОНГЛЕР, ГИМН – по одному разу или совсем немного, в пределах пяти раз (напомним, на 40000 образов).

И все же одного указателя не хватает. Не просмотрев все полторы тысячи страниц большого формата, мы не можем выбрать все образы того или иного поэта. Я не могу узнать, например, какие парадигмы предпочитал Пастернак. Я знаю из указателя, что в словаре 1096 его образов; но чтобы их выбрать, мне нужно пересмотреть весь словарь. Или я знаю из указателя, что в словаре есть один образ Зиновьевой-Аннибал; но чтобы его отыскать, мне нужно, опять-таки, пересмотреть весь словарь.

Несмотря на этот недостаток и ряд других, менее существенных, на которых не будем останавливать внимание читателя, "Словарь поэтических образов" Н.В. Павлович – событие в мировой лексикографии. Он открывает новые перспективы в исследовании поэтики. Так случилось, что кафедра истории и теории литературы Смоленского государственного педагогического университета довольно давно познакомилась с трудом Н.В. Павлович, когда он был далек от завершения. Кафедра оценила возможности, которые он открывал. С использованием методики исследования образа Н.В. Павлович и созданного ею словаря на кафедре защищено уже три диссертации: «Парадигмы 1907 года: "Ярь" С. Горюхиного и "Эрос" В. Иванова» Л.В. Павловой, «Поэтический мир Зинаиды Гиппиус 1889–1919 годов» Я.В. Лейкиной и «Поэтический мир Николая Гумилёва: "Огненный столп"» О.А. Смагиной. Вообще трудно себе представить, как теперь можно изучать творчество русского поэта, не обращая к рецензируемому словарю.

В таком виде, в каком он предстал перед нами, он мог быть создан лишь благодаря компьютерной технике и благодаря тому, что составительница свободно владеет компьютером. Пока у нас немного трудов подобного масштаба, единолично выполненных на компьютере.

Лауреат Нобелевской премии немецкий физико-химик В.Ф. Оствальд разделил всех ученых на два основных типа: на классиков и романтиков. Эти термины у него не имеют оценочного значения. Классики, по Оствальду, всю жизнь разрабатывают одну проблему. Романтики на протяжении научной жизни неоднократно переходят от одной темы к другой. По классификации Оствальда, Н.В. Павлович – классик.

"Словарь поэтических образов" – ее *Lebenswerk*. Но ее труд классический и в другом значении. Он принадлежит поэтической лексикографии и обозначает собой поворотный пункт и в поэтике, и в лексикографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баевский В.С. 1996 – ВЯ. 1996. № 5: Рец. на кн. Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 1995.
- Бродский И.А. 1992 – Сочинения Иосифа Бродского. Т. 1. СПб., 1992.
- Павлович Н.В. 1995 – Язык образов: Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 1995.
- Уэллек Р., Уоррен О. 1978 – Теория литературы. М., 1978.

Шкловский В.Б. 1919 – Потебня // Поэтика: Сборник по теории поэтического языка. Т. 2. 1919.

- Щерба Л.В. 1957 – Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
- Якобсон Р.О. 1961 – Поэзия грамматики и грамматика поэзии // *Poetics. Poetyka. Poetika*. Warszawa, 1961.
- Якобсон Р.О. – 1983 – Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. М., 1983.
- Mayenowa M.R. 1974 – *Poetyka teoretyczna*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974.
- ST 1911 – *The Standard Thesaurus*. New York, 1911.
- Ad de Vries 1981 – *Dictionary of symbols and imagery*. Amsterdam; London, 1981.
- Wellek R., Warren A. 1977 – *Theory of literature*. New York; London, 1977.

В.С. Баевский

W. Schmidt. *Geschichte der deutschen Sprache*. Ein Lehrbuch für das germanistische Studium. 8., völlig überarbeitete Auflage, erarbeitet unter der Leitung von H. Langner und N.R. Wolf. S. Hirzel Verlag, Stuttgart, 2000, 407 S.

Прежде чем приступить к анализу нового издания данного университетского учебника, следует отметить, что одним из первых трудов по истории немецкого языка является, насколько нам известно, книга "Geschichte der deutschen Sprache", принадлежащая перу ведущего немецкого германиста конца XIX – начала XX столетия Отто Бехагеля (Otto Behaghel) и впервые увидевшая свет в 1891 году. В 1938 году в Германии появилась еще одна книга по истории немецкого языка ("Geschichte der deutschen Sprache"), написанная Адольфом Вахом (Adolf Bach), вышедшая в период войны в 1943 г. 2-м и 3-м изданием, а в послевоенное время периодически переиздававшаяся в ФРГ до конца 60-х гг. Этот труд представлял собой историко-филологический анализ развития немецкого языка, но основным его недостатком являлось отсутствие самой системы немецкого языка и ее анализа в различные периоды ее существования (древневерхненемецкий период, средневерхненемецкий, ранневерхненемецкий периоды и др.).

Между тем в 1969 году коллектив германистов Лейпцигского университета под руководством Вильгельма Шмидта (Wilhelm Schmidt) опубликовал в берлинском издательстве "Volk und Wissen" (ГДР) труд "Geschichte der deutschen Sprache", ставший

заметным событием в германистике. Помимо так называемой внешней истории немецкого языка от древнейших периодов его существования до наших дней здесь впервые была представлена сама система языка (звуковой состав, грамматический строй, лексический состав) в ее развитии и изменениях от древневерхненемецкого до современного периода, как это было всегда характерно для трудов по истории немецкого языка, созданных в свое время В.М. Жирмунским, О.И. Москальской или Н.И. Филичевой. Особую ценность этого немецкого издания составляло то обстоятельство, что здесь впервые появился раздел, в котором были представлены отрывки из текстов, относящиеся к различным историческим периодам – своеобразная хрестоматия (Textteil), предназначенная для анализа на практических занятиях в студенческой аудитории.

В рецензиях, появившихся уже вскоре после первого опубликования этого университетского учебника, отмечался его высокий научный уровень и исчерпывающая полнота описания исторического процесса развития системы немецкого языка. Известный лингвистический журнал ФРГ "Muttersprache" подчеркивал, что книга является "идеальным" учебником и рекомендовал ее всем, кто интересуется немецким

языком не только в Германии, но и в других странах. За короткое время после ее первого издания (1969 г.) книга часто переиздавалась, в 1984 г. вышло ее 5-е издание. Здесь следует сказать, что это издание увидело свет, когда главного автора этого труда Вильгельма Шмидта уже не было в живых: он скончался несколько недель спустя после того, как была завершена работа над рукописью готовившегося 5-го издания. В сентябре 1982 года он еще смог написать предисловие к этому изданию, но всю необходимую работу по опубликованию книги в 1984 году пришлось взять на себя его главному помощнику и коллеге Гельмуту Лангнеру (Helmut Langner).

На 1990–91 гг. планировалось ее очередное переработанное (6-е) издание, но к этому времени берлинское издательство "Volk und Wissen", оказавшись в новых условиях после объединения Германии, не смогло издать подготовленный авторами обновленный вариант. Этот труд увидел свет лишь в 1993 г. благодаря тому, что о своей готовности принять рукопись для опубликования заявили представители известного стуттгартского издательства Гирцеля (Hirzel – Verlag), рекомендовавшие авторам отразить в книге изменения, произошедшие в стране после 1990 года, увязав их с наметившимися процессами в самом немецком языке. Это издание, как и последовавшее за ним в 1996 году 7-е издание, получили высокую оценку специалистов в лингвистической прессе и широкое признание в университетской среде в качестве стабильного учебника истории языка.

Поскольку автор этих строк уже писал рецензии на отдельные издания этого учебника, вошел в список библиографии по истории немецкого языка, а отдельные положения его работ цитируются в тексте самой книги (с. 167–168), то издатели, как правило, присылают ему все ее новые издания. По этой традиции недавно издательство "S. Hirzel Verlag Stuttgart" прислало автору 8-е издание этого труда, которое и является предметом настоящей рецензии. Хотя авторский коллектив книги остался почти прежним, главным редактором этого издания, наряду с Г. Лангнером, выступает также известный историк немецкого языка, профессор университета г. Вюрцбург Н.Р. Вольф, ранее уже участвовавший в разработке этого труда (6-е изд.), написав, в частности, разделы 3–5 главы 1, связанные с внешней историей немецкого языка в период с 1050–1250 гг. по 1450–1650 гг. (с. 89–121).

Следует в самом начале сказать, что новое издание книги содержит заметные изменения как в структуре, так и в содержании ее отдельных глав и разделов, хотя в своей основе авторы сохранили прежнюю структуру изложения материала: после "Введения" (с. 17–34), в котором была рассмотрена и проблема периодизации истории немецкого языка, следует 1 глава (с. 35–189), посвященная изложению внешней истории языка, начиная от времен индогерманского (индоевропейского) периода ("Предыстория немецкого языка") и кончая периодом наших дней. Глава 2 (с. 190–239) содержит рассмотрение системы немецкого языка древневерхнемецкого периода: состав фонем, фонетические процессы и изменения (аблаут, монофтонгизация, дифтонгизация, грамматическое чередование, геминация и др.), морфология и синтаксис данного периода. В Главе 3 по этой же схеме рассмотрены процессы в языке средневерхнемецкого периода (с. 240–297), при этом большое внимание уделено вопросам синтаксиса. Завершающая глава (Глава 4, с. 298–376) посвящена ранненововерхнемецкому периоду развития системы немецкого языка, а в конце книги помещена обширная (свыше 800 названий) библиография (с. 377–401), в которой содержатся названия трудов и наших отечественных германистов: В.Г. Адмони, М.М. Гухман, В.М. Жирмунского, О.И. Москальской, Н.Н. Семенюк, Н.С. Бабенко, А.Л. Воронова и др., включая и автора этих строк. Как и в прежних выпусках, в пакет книги вложена карта распространения немецкого языка и других языковых групп Европы, а также таблицы, отражающие фонетические и морфологические процессы в немецком языке на протяжении всей его истории, и способствующие лучшему восприятию материала о направлениях развития фонетической и грамматической системы немецкого языка в различные исторические периоды.

Изменения, о которых идет речь, касаются прежде всего "Введения", в частности, раздела, посвященного проблеме периодизации истории немецкого языка. Именно этот раздел привлекал к себе постоянное внимание многочисленных рецензентов, полагавших, что при определении границ отдельных периодов развития системы языка необходимо более полно учитывать взаимодействие факторов экстралингвистического характера и внутрисистемных языковых процессов. Обобщая эти вопросы, можно сказать, что в поле зрения авторов труда и их критиков были 4 основные

группы критериев: 1) Языковые критерии, которые при этом следует различать как относящиеся к самой системе языка и как таковые, которые относятся к сфере употребления языка. 2) Различные критерии социолингвистического плана: варианты и их отношения друг к другу, роль других языков и их влияния на немецкий язык, воздействие языковых образцов отдельных регионов распространения немецкого языка, социальные группы носителей языка, влияние авторитетных исторических личностей на язык и др. 3) Экстралингвистические критерии: исторические события, социальные, экономические и различные культурные факторы. Одновременно выдвигаются предложения сформулировать еще одну группу критериев, четвертую, в которую предлагается включить различные "прагматические и медиаисторические" критерии, которые, как подчеркивают авторы книги, трудно отделить от второй (социолингвистической) группы критериев.

Напоминая, что споры по поводу определения границ временных периодов развития системы немецкого языка ведутся уже многие десятилетия, авторы и на этот раз не решаются на то, чтобы отдать предпочтение какому-либо одному типу критериев, чтобы не допустить вульгаризации и неприемлемого упрощения роли взаимодействия языковых и общественных структур. В этих условиях они видят выход в том, чтобы предложить своеобразную двухчастную периодизацию процесса развития языка в пределах верхненемецкой языковой области (с. 33): 1. Немецкий язык Средневековья (500 г. – 1450/1500 гг.), который можно подразделить на язык периода раннего Средневековья (5/6 вв. – 1050 г.), язык периода расцвета Средневековья (Hochmittelalter), приходящийся на 1050–1250 гг., и язык периода позднего Средневековья (1250–1450/1500 гг.); 2) Немецкий язык Нового времени (1450/1500 гг. – Современный период), в котором выделяют следующие этапы: язык раннего Нового времени (1450/1500 гг. – 1650 г.), язык среднего Нового времени (1650 г. – 1800 г.), язык нового (jüngerer) Нового времени (1800 г. – 1950 г.) и язык новейшего (jüngsten) Нового времени (1950 г. – настоящее время). Таким образом, в первом варианте схемы находит свое выражение периодизация немецкого языка на его ранних, собственно исторических этапах развития, тогда как с помощью второй схемы достраивается картина всего процесса развития и существования системы немецкого языка, соотносимая : этапами, которыми охватываются соб-

ственно языковые изменения в различных периоды времени: древненемецкий, средненемецкий, ранненовенемецкий, современный немецкий язык (с. 33–34).

Поскольку рецензенты ранее неоднократно упрекали авторов книги в том, что они практически игнорируют любые сведения относительно нижненемецкого языка, то на этот раз, объясняя свою принципиальную позицию по этому вопросу, они нашли возможным отразить все этапы развития нижненемецкого языка, начиная с раннего древнесаксонского (5–8 вв.), вплоть до новонижненемецкого, включив эту иерархию развития в общую схему периодизации немецкого языка (с. 34). При этом они справедливо подчеркивают, что основная задача авторов состояла в разработке проблематики, непосредственно отражающей процесс развития современного верхненемецкого языка (Hochdeutsch), и они не ставили перед собой цели (с. 12) разработать "историю всей области распространения немецкого языка" ("eine Geschichte des gesamten deutschen Sprachraums"). Однако идя навстречу таким пожеланиям, авторы предприняли усилия, чтобы расширить список теоретической литературы путем включения в него ряда трудов, непосредственно связанных с описанием нижненемецкого языка (см. работы таких авторов, как: Renate Herrmann-Winter, Dieter Stellmacher, Timothy Sodmann, Willy Sanders и др.). К сказанному следует добавить, что еще в 1990 г. известный специалист в области немецкой германистики и истории нижненемецкого языка профессор Геттингенского университета Дитер Штельмахер (Dieter Stellmacher) опубликовал в международном издательстве Петера Ланга (Verlag Peter Lang, Bern) свою книгу "Niederdeutsche Sprache" (236 с.), скромно названную им "Введением" (Einführung) и целиком посвященную анализу системы нижненемецкого языка на всех исторических этапах его развития и существования (древненижненемецкий, средненижненемецкий, новонижненемецкий периоды), а также описанию современного статуса этого языка и его диалектов, грамматики и орфографии. Книга автора снабжена специальными картами, на которых наглядно показаны ареалы распространения нижненемецкого языка и его диалектов, а также содержит обширную специальную библиографию (272 названия). Таким образом, этот труд можно рассматривать в качестве своеобразной второй части истории немецкого языка и, по нашему убеждению, вполне извлекать

авторов рецензируемого труда от необходимости включения в него раздела о положении нижненемецкого языка и его диалектов, на чем настаивают, как отмечалось выше, некоторые специалисты.

Признавая, что многие рецензенты после выхода в свет 6-го издания книги постоянно высказывали пожелание восстановить ранее имевшийся раздел избранных исторических текстов (Textteil), которые широко использовались на практических занятиях по истории языка, авторы пошли в данном случае на то, чтобы в различных главах появились небольшие отрывки из текстов, относящихся к отдельным историческим периодам. Однако такие включения служат лишь иллюстрацией при изложении того или иного языкового процесса и явления и не могут служить адекватной заменой ранее имевшейся небольшой, но чрезвычайно полезной хрестоматии. Становится даже непонятным упорное нежелание авторов пойти навстречу столь многочисленным сторонникам сохранения в составе учебника этого в сущности небольшого раздела (в 5-м издании он занимал вместе с замечаниями и небольшими глоссариями всего 50 страниц, тогда как весь учебник насчитывал 412 страниц). Подчеркнем, что далеко не во всех студенческих библиотеках имеются необходимые собрания исторических тек-

стов или соответствующие отдельно изданные хрестоматии. Кстати заметим, что в сравнении с упомянутым объемом 5-го издания (412 страниц) объем рецензируемого 8-го издания сократился лишь на 5 страниц! Очевидно, что дело здесь не в объеме учебника, однако авторы о причинах ничего не говорят, ссылаясь лишь на "различные причины" ("Aus verschiedenen Gründen"), препятствующие этому (с. 12). Представляется, что книга, будучи стабильным университетским учебником, только выиграла бы от того, если бы упомянутый раздел был восстановлен в полном соответствии с первоначальным замыслом ее главного создателя, видного немецкого германиста Вильгельма Шмидта, имя которого навсегда останется на ее титульном листе.

Рецензируемая книга немецких авторов может быть широко рекомендована нашим отечественным германистам, аспирантам и студентам, которые в настоящее время по известным нам причинам, к сожалению, практически не встречаются с подобными новинками и пользуются изданиями учебников по истории немецкого языка прошлых лет, еще сохранившимися, будем надеяться, в наших университетских библиотеках.

А.И. Домашнев

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

29–30 июня 2000 года в г. Улан-Удэ (Республика Бурятия) состоялась международная научная конференция "Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии", организованная по инициативе Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН при поддержке Правительства Республики Бурятия, Сибирского отделения РАН, Академии наук Монголии, Международного института кочевых цивилизаций (ЮНЕСКО).

В работе конференции приняли участие более 400 человек, в том числе ученые из Японии, Китая, Монголии, США, Венгрии, Польши, Турции, Украины, Кыргызстана, России.

В программе конференции было заявлено 285 докладов, работало 8 секций и 2 "круглых стола". Две секции были посвящены филологическим наукам: "Языки народов Центральной Азии" и "Фольклор и литература в духовном наследии народов Центральной Азии". Первая из них была одной из наиболее многочисленных. В ее работе приняли участие более 60 человек. Наряду с отечественными учеными из Улан-Удэ, Москвы, Кызыла в ее работе приняли участие исследователи из Монголии, Внутренней Монголии (Китай) и Японии. Всего было заявлено 47 докладов по различным языковым проблемам. Заслушано 15 докладов, 21 участник представили стендовые доклады.

На пленарном заседании конференции вниманию участников был предложен доклад И.Д. Бураева (Улан-Удэ) "Циркумбайкальский языковой ареал и образование бурятского языка". По мнению автора, за последнее тысячелетие различные группы алтайских языков претерпели самые неравномерные, а в определенных регионах интенсивные взаимодей-

ствия и взаимопроникновения. Что касается бурятского языка в семье монгольских, то это более широкий круг контактирования и взаимодействия языков алтайской общности. И.Д. Бураев вслед за В.М. Наделяевым связывает образование бурятского языка с циркумбайкальским ареалом и делает вывод, что его носители – аборигены этого края.

Всеобщий интерес вызвал доклад К. Танака (Япония), представившего оригинальный взгляд на языковую унификацию кочевых народов.

В докладе Л. Болда (Монголия), посвященном некоторым вопросам письменности у кочевых народов Центральной Азии, рассмотрены характерные особенности систем древнетюркской орхонской рунической письменности, древнеуйгурского и уйгуро-монгольского письма, проведено их сопоставление. При этом сделано очень интересное и важное наблюдение, согласно которому у всех этих систем письма прослеживается преемственная связь, выражающаяся в традиции передавать на письме однотипным способом твердые и мягкие согласные, сингармонирующие ряды гласных. Это открытие имеет большое значение для истории монгольской письменности.

Серия докладов посвящена лексике, семантикой своей связанной с кочевым образом жизни. Ц.Ц. Бальжинимарева (Улан-Удэ) – "Пласт лексики, отражающий кочевой образ жизни бурят" – выделяет несколько тематических групп в лексике хори-бурят и агинских бурят, связанных с кочевым образом жизни: пять видов скота – основа скотоводческого хозяйства бурят, экстенсивный характер скотоводства, циклический характер кочевания бурят, распределение пастбищ, жилище бурята-кочевника, пища, утварь, одежда и т.д. Приводится анализ терминов, обозначающих процесс кочевания, с точки

зрения их образования и происхождения. Ц.Б. Базарова (Улан-Удэ) в своем докладе "Лексика национальной одежды агинского бурята-кочевника" показывает, как условия жизни и тип хозяйствования диктовали выбор материала и фасон для шитья одежды. По свидетельству автора традиционная одежда отражает духовное содержание национальной среды, предьявляющей высокие эстетические требования к одежде. О.М. Козина (Улан-Удэ) – "Отражение влияния кочевой культуры в лексике старообрядцев Забайкалья" – рассматривает заимствования из бурятского языка в лексической системе старообрядцев Забайкалья. Система номинаций анализируется в рамках лингвогносеологии – как информация, отражающая результаты познавательной и классифицирующей деятельности человека. Анализируются названия бурятских народных инструментов, Д.Д. Дондкова (Улан-Удэ) – "О музыкальной культуре кочевников (анализ названий бурятских народных музыкальных инструментов)", – делает попытку установить историю как происхождения в монгольском языке самих рассматриваемых слов, так и возникновения данных инструментов у монголов. Данный анализ четко освещает тесные культурные связи в области музыкальной культуры монгольских кочевников с соседним Китаем. В докладе В.В. Тэлина (Улан-Удэ) "Сравнительно-историческое изучение терминологии традиционного хозяйства бурят" в основном рассматриваются термины молочного ряда. Выявляются заимствованные тюркские термины, что объясняется тем, что монгольские народы в свое время, испытав сильное влияние тюрков, переняли у них разведение крупного рогатого скота. Работа Л.В. Шулуновой (Улан-Удэ) "Ономастика как источник этнической истории кочевых цивилизаций Центральной Азии" посвящена выявлению роли онимической лексики в исторических и этнографических исследованиях. На материале названий географических объектов Прибайкалья рассматривается этническая история бурят и взаимодействие бурятских племен с иноязычными этносами.

Новое освещение в исследованиях участников конференции нашли проблемы взаимосвязей монгольских, тюркских, тунгусо-маньчжурских языков и письменностей. Доклад В.И. Рассадина (Улан-Удэ) – "О характере влияния тюркских языков на монгольские в разные эпохи" – посвящен проблеме тюрко-монгольских языковых взаимоотношений, очень

важной в рамках алтаистической теории, поскольку касается вопроса контактов этих языков, происходящих с разной степенью интенсивности в различные исторические эпохи, начиная с глубокой древности. Результатом этих контактов явились заимствования из тюркских языков в монгольские, выявленные на общемонгольском уровне, в древнемонгольском языке, средневековом монгольском, в современных монгольских языках, причем как в их ареалах, так и в отдельных языках и их говорах. Исключение этих явных тюркизмов позволяет сузить круг общеалтайских элементов и сделать собственно алтаистические исследования более реальными. В докладе А.А. Бурыкина (Санкт-Петербург) "Монгольская лексика в текстах-образцах малого чжурчженского письма" устанавливается и доказывается монгольское происхождение 32 чжурчженских слов, выявленных автором в текстах малого чжурчженского письма. Искажения в облике монгольских слов он объясняет несовершенством данного письма. Чжурчженскому письму посвящен также совместный доклад В.Д. Аткин и А.А. Бурыкина (Санкт-Петербург) "К характеристике малого чжурчженского письма". В нем рассматривается вариативность написания слов в образцах малого чжурчженского письма, созданного в XII веке. Различные варианты написаний слов в материалах МЧП разделяются на несколько групп: немотивированные дублетные написания одних и тех же слов, варианты слов в словосочетаниях, оставшиеся без интерпретации, но являющиеся альтернативными написаниями известных слов, нарушение единообразия написания одной и той же морфемы, разные написания основ числительных и морфологических показателей числительных, ложные этимологические связи, порождающие квазиморфологические написания, и нарушение единообразного написания грамматических показателей. Доклад Д.Д. Доржиева (Улан-Удэ) "Старописьменные языки монгольских народов" посвящен истории старописьменного монгольского, старокалмыцкого и старобурятского языков и письменностей. Т.А. Козырев (Новосибирск) в своем докладе "Особенности лексики тюркских языков Южной Сибири (на материале лексико-семантической группы эмотивных глаголов)" рассматривает особенности состава и дистрибуции в тюркских языках Южной Сибири – алтайском, тувинском и хакасском – группы глаголов, выражающие эмоциональное состояние, обосновывает

сохранение в них древнетюркского состояния. Н.И. Л е т я г и н а (Санкт-Петербург) – "К изучению тувинской гидронимии" – исследует отапливательные основы наименований водных объектов в аспекте их лексических значений. На основании лексико-семантического анализа гидронимов в работе выявляются субстратные топонимы Саяно-Алтайского нагорья. Автор доклада "Консонантная структура звуковой цепочки монгольского языка как показатель его типологической близости к некоторым тюркским и монгольским языкам" Ю.А. Т а м б о в ц е в (Новосибирск) на базе фоностатистического анализа монгольских и тюркских языков, включающего анализ артикуляторных баз языков и частот встречаемости согласных и гласных, выявил звуковые мозаики языков. Их сравнение показало фоностатические расстояния как между монгольскими языками, так и между монгольскими и тюркскими языками, что имеет определенное значение для исследования алтайской гипотезы. В своей работе "Центральноазиатско-северокавказские топонимические связи как этнографический и лингвогеографический факт" Х.Л. Х а н м а г о м е д о в (Махачкала) выделяет географические названия Северного Кавказа, апеллятивные основы которых восходят к монгольским языкам. На примере заимствований в топонимической лексике прослеживается история миграционных процессов на территории Евразии. Выявлению общего и частного в лексических пластах монгольских и тюркских языков, обозначающих части человеческого тела, был посвящен доклад Н u g j i l t u (Хухэ-Хото, Китай) "The search and analysis of the apparatus of human body in turkish and mongolian". А.Ж. Ш е р и е в (Ош) – "Лексические параллели в кыргызском и монгольском эпосах" – рассматривает лексемы, общие героическим эпосам киргизского и монгольского народов, таким как "Манас", "Гэсэр" и "Джангар". В частности, охвачены следующие пласты лексики фольклора: антропонимы, термины государственного и социального устройства, оценочная лексика и термины родства. Доклад Ж.Б. Б а д а г а р о в а (Улан-Удэ) "Дагурско-бурятские языковые связи" рассматривает возможность таких связей, которые могли иметь место в рамках отдельной общности после распада общемонгольского праязыка. Автор обращает внимание на наиболее характерные сходные элементы в данных языках. Сходства выявлены на всех уровнях языковой системы: в фонетике, морфологии и лексике. В докладе Б. Д а в а д а г б ы

(Хухэ-Хото, Китай) "Тюрк, монгол хоер хэлэнэй хамтын элементхээ" речь идет о наличии общих лексических и морфологических элементов в монгольских и тюркских языках. В частности, суффикс *-аалин*, *-ээлин*, *-оолин* имеет тюркскую параллель в тофаларском языке: *-аалын*, *-ээлин*. Как в тюркских, так и в бурятском языках он выражает обобщенную совокупность и является свидетельством древних контактов тюркских и монгольских народов.

Языку памятников письменности народов кочевых цивилизаций также посвящена серия докладов. Характеристике сочинения "Улигер-ун далай" ("Море притч"), которое печаталось до революции в дацанах и пользовалось большой популярностью среди бурятского населения, посвящено сообщение Ц.О. Б а л с у н а е в а и Л.Д. Ш а г д а р о в а (Улан-Удэ) «"Улигер-ун далай" как отражение нравственной культуры степных кочевников». В нем в художественной форме раскрываются этические воззрения буддизма, направленные на воспитание в мирянах высоких нравственных качеств. Набожные кочевники искренне верили в истинность учения Будды о перерождениях, карме и в своей повседневной жизни стремились строго соблюдать заповеди Благословенного, ставшие основой формирования нравственной культуры степных кочевников. Особенности синтаксиса бурятских летописей посвящен доклад Л.Б. Б а д м а е в о й (Улан-Удэ) "О специфических синтаксических конструкциях бурятских летописей". Материалом для доклада послужили бурятские исторические летописи на старомонгольской письменности конца XIX – начала XX века. Автор отмечает, что синтаксису данных произведений присущи все основные типы предложений, бытующие в монгольских языках, однако наиболее характерной особенностью является наличие в них длиннейших конструкций, которые она называет сложными синтаксическими комплексами. В сообщении Ю.Д. Б а д м а е в о й (Улан-Удэ) «Система наклонений в языке "Сокровенного сказания монголов" в сопоставлении с бурятским языком» анализируется грамматическая категория наклонения в языке древнего памятника письменности средневековой Монголии. Прослеживается развитие данной категории во времени, особенности ее функционирования в современном бурятском языке. Данный памятник письменности является объектом исследования еще двух авторов: М. С у м ь - я б а т о р а (Улан-Батор, Монголия) «Не-

которые итоги изучения "Сокровенного сказания монголов"» и Э.А. Тумахани (Улан-Удэ) «Особенности синтаксиса языка "Сокровенного сказания монголов"». В частности, первый затрагивает два аспекта: 1) варианты транслитерации монгольских слов в различных копиях памятника, в том числе и на квадратном письме; 2) изучение способов передачи средневекового монгольского языка китайскими иероглифами с учетом особенностей лексического состава памятника, представленных в нем словоформ и их слоговой структуры, дистрибуции слогов. Э.А. Тумахани рассматривает синтаксические явления, нехарактерные для современных монгольских языков: явление синтаксического согласования, широкое употребление древних форм в разных словосочетаниях, особые способы выражения членов предложения. Т.Б. Цыренова (Улан-Удэ) – "Становление системы деепричастных форм в доклассическом монгольском языке" – исследует особенности становления деепричастных форм на материале древних и средневековых монгольских языков.

Ряд докладов были посвящены современным проблемам монгольских и монгольского языков. В докладе Бадарчбаярсайхан (Кызыл) "Монголын Алтайн тувачуудын хэлний эгшиг авианы онцлог" рассмотрены особенности состава гласных фонем начальных, средних и конечных слогов монгольских по происхождению слов в языке тувинцев Цэнгэльской сомона Баян-Улэгэйского аймака Монголии в сопоставлении со старописьменным монгольским языком и с современным монгольским и бурятским языками. Анализ показал, что в тувинском языке сохраняются все особенности состава гласных этих слов, присущие монгольским языкам. Автор доклада Д. Бурнээ (Улан-Батор, Монголия) "О тибетско-монгольском слове Лувсанринчена (Ринчена Номтоева)" делает попытку определить лексикографическую ценность данного словаря. Он делает вывод, что словарь Лувсанринчена внес большой вклад в развитие не только лексикографической традиции монголов, но и в развитие монгольской переводческой мысли. В последнее время отдельными историками и лингвистами высказываются идеи о возврате к старомонгольской письменности. По мнению У.-Ж.Ш. Дондукова (Улан-Удэ) – "К вопросу о перспективах становления общемонгольского письменного языка" – данная затея обречена на неудачу. Автор выступает за то, чтобы развивать единый общемонгольский лите-

ратурный язык на основе кириллицы и с ориентацией на халха-монгольский язык. Анализ географических названий монгольского языка, проведенный О.Ф. Золотовой (Улан-Удэ) – "Отражение реалий в географических названиях (на примере топонимов монгольского языка)" – свидетельствует о том, что топонимикон может служить языковой моделью окружающего мира. Установлено, что топонимы обладают широким тематическим охватом, оказываются регистраторами различных реалий среды. Рассматривая функционирование онимов, Л.Ю. Кожевникова (Улан-Удэ) – "Функции онимов в художественном тексте" – выделяет их на трех лингвистических уровнях: языковом, речевом и собственно ономастическом. На этих уровнях она отмечает следующие функции онимов: номинативная, грамматическая (на языковом уровне), апеллятивная, коммуникативная, экспрессивная, дейктическая (на речевом уровне), делимитативная, дескриптивная, социальная функция (на специальном ономастическом уровне). Именам собственным также был посвящен доклад Е.В. Сундуевой (Улан-Удэ) "Онимизация предикативных конструкций в современном монгольском языке". В частности, она отмечает, что при онимизации целых предложений они теряют свою предикативность и в своем новом качестве предикативная конструкция денотирует конкретный предмет и функционирует в качестве одного члена предложения. Доклад С.М. Трофимовой (Улан-Удэ) "О статусе некоторых падежей в монгольских языках" посвящен вопросу о статусе падежа основы и именительного, двух винительных – оформленного и неоформленного, которые продолжают вызывать споры и до сих пор остаются нерешенными в монголо-ведении.

Проблемы современного бурятского языка являются объектом изучения ряда исследователей. Ю.Д. Абаева (Улан-Удэ) – "Принципы классификации частных значений императива в бурятском языке" – анализирует принципы классификации частных значений императива на базе эксплицитно заданных признаков. На основе сочетания трех бинарных классификационных признаков выделяется шесть частных значений: приказ, инструкция, разрешение, просьба, предложение, совет. Акты побуждения делются по интенсивности выражения волеизъявления и могут быть интерпретированы через оценочные высказывания. Целью исследования Л.Д. Бадамаевой (Улан-Удэ) "Некоторые проб-

лемы семантики бурятской медицинской терминологии" является семантическая характеристика бурятской терминологии на примере медицинской, выделение в ней тематических разделов и рассмотрение лексико-семантических процессов. Н.Б. Д а р ж а е в а (Улан-Удэ) – "Содержательная интерпретация бурятских сложноподчиненных предложений с диссидиальными союзами" – впервые в бурятоведении предприняла попытку подобной интерпретации. В результате ею выделены два типа сложноподчиненных предложений: 1) с синсемантическим (информационно несамодостаточным) опорным словом в главной предикативной единице; 2) с автосемантическим (информационно самодостаточным) опорным словом. Синтаксису также посвящено сообщение Д.С. Д о р ж и е в о й (Улан-Удэ) "К описанию моделей простого предложения в бурятском языке (предложение с именным сказуемым)". Ею в предварительном порядке выявлено восемь моделей простого предложения с именным сказуемым. В докладе Ж.Д. Д о р ж и е в о й (Улан-Удэ) "Некоторые вопросы и перспективы развития бурятской этнолингвистики" были представлены перспективы нового направления в бурятском языкознании, сформулированы цели и основные задачи, изложены возможные пути их решения. Кризисному положению бурятского языка посвящены два доклада: Г.А. Д ы р х е е в о й (Улан-Удэ) "Положение бурятского языка в Бурятии" и О.М. Х у б р и к о в а (Улан-Удэ) "Современный бурятский язык: состояние и тенденции развития". Автор первой отмечает, что принятие закона "О языках народов Республики Бурятия" не изменило в корне ситуацию, хотя можно сказать, что произошел психологический сдвиг в сознании людей, о чем, например, свидетельствует тот факт, что в настоящее время все меньше противников внедрения бурятского языка как предмета обучения в городских школах

и садах. Актуальной также остается проблема с бурятским литературным языком, назрела необходимость разработки Концепции языковой политики в области бурятского литературного языка. О.М. Хубриков также констатирует, что пока бурятский язык не соответствует рангу государственного, многие статьи законопроектов и постановления не исполняются. Значительные изменения в основном произошли в сфере образования. Доклад С.Л. Ч а р е к о в а (Санкт-Петербург) "Две функции суффикса -л в бурятском языке" посвящен очень важной в теоретическом аспекте грамматики теме разграничения словообразовательной функции самого активного и распространенного в монгольских языках суффикса -л, имеющего как именную, так и вербальную валентности. Автор предлагает свою гипотезу развития данного суффикса сначала как глаголообразующего, затем появления у него вторичной функции образования имен от глагольных основ.

Заслушав и обсудив доклады, секция приняла ряд рекомендаций, касающихся дальнейших совместных разработок лингвистов, занимающихся вопросами монголоведения, в целом алтайской компаративистики. Конференция "Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций" явилась одной из серии научных мероприятий, проводимых Сибирским отделением РАН и Академией наук Монголии. В дальнейшем сотрудничеству между научными учреждениями разных стран в области изучения истории и культуры народов Центральной Азии предполагается придать более широкие масштабы. Организация совместных комплексных экспедиций, научные командировки, обмен информацией – эти и другие формы сотрудничества поднимут на более высокий уровень решение задач, стоящих перед исследователями Центральной Азии.

Г.А. Дырхеева (Улан-Удэ)

27–29 сентября 2000 года в Силезском университете г. Катовице (Польша) состоялась очередная, четвертая конференция Международной комиссии по славянскому словообразованию. В работе комиссии приняли участие ученые из Австрии, Белоруссии, Болгарии, Германии, Польши, России, Сербии, Словакии, Франции, Чехии.

На церемонии открытия конференции, проходившей в зале "Парнассос" Силезской воеводской библиотеки, профессору И.С. Улуханову, председателю комиссии, был торжественно вручен сборник материалов инсбрукской конференции, посвященный ему в связи с юбилеем.

На заседаниях комиссии обсуждались проблемы взаимоотношений словообразования с другими способами номинации, прежде всего с семантической деривацией и заим-

ствованием. Ряд докладов был посвящен методике анализа различных единиц номинации, характеристике терминов, используемых в теории номинации, грамматическому, синтагматическому и парадигматическому параметрам единиц номинации, исследованию понятийных структур номинативных единиц.

Е.С. К у б р я к о в а (Россия) в докладе "О месте производного слова среди других единиц номинации" охарактеризовала предложенные ею процедуры выделения и сопоставления номинативных рядов, объединяемых на основе отнесения их членов к описанию/обозначению одной и той же ситуации или объекта. Сопоставлению были подвергнуты как единицы одного и того же номинативного ряда, так и совокупности рядов, представленные в различных языках.

В докладе А. На г у р к о (Польша) "Номен, номинация, номинализация" были проанализированы термины, указанные в его заглавии. Сопоставляя термины "номинация" и "номинализация", А. Нагурко отметила, что номинация является психолингвистическим актом, в котором существенное значение имеет аперцепция; продуктивность механизма номинации связана со структурой когнитивной системы. Номинализация является вторичным действием в тексте, однако эта операция не является чисто формальной, поскольку приводит к разному профилированию данного фрагмента действительности.

К. Б у з а ш и о в а (Словакия) в докладе "Синтагматический и парадигматический параметры единиц номинации" поставила вопрос о способах разграничения номинаций текста и номинаций лексикона. Справедливо считая, что частотность слова не является достаточно надежным критерием для включения или невключения данного слова в словарь, при определении статуса номинативной единицы, К. Бузашиова исходила из того, что в процессе возникновения нового наименования или нового значения наименования в тексте актуализируются комплексные словообразовательные единицы, выражающие парадигматические отношения в словообразовательной системе.

А. Л у к а ш а н е ц (Белоруссия) рассмотрел возможности привлечения грамматических параметров мотивирующего и мотивированного слов для описания и систематизации словообразовательной семантики, а также для выявления грамматических границ реализации словообразовательных формантов. На материале белорусских существительных с формантом -к(а) была продемонстрирована целесообразность раз-

граничения омонимии и полисемии словообразовательных аффиксов с учетом грамматических параметров. Грамматические параметры при образовании составных местоимений (взаимодействие систем частей речи – местоименных и знаменательных слов) принимались во внимание О.П. Е р м а к о в о й (Россия).

О примате семантики над формой в процессе образования славянских глаголов говорила в своем докладе Е.В. П е т р у х и н а (Россия). Предметом ее исследования было содержание понятий, передаваемых русскими, болгарскими и западнославянскими глаголами различных семантических групп, как правило многозначными. Е.В. Петрухина предложила анализировать эти глаголы с учетом правил инференции, исходя из регулярных комбинаций смыслов и общеславянских словообразовательных моделей.

Основная цель исследования, проведенного К. В а ш а к о в о й (Польша), заключалась в том, чтобы установить, как новообразования, появившиеся в последнее десятилетие в польском языке, понимаются его носителями, в какой степени словообразовательная структура помогает понять значения новообразований. Эти вопросы рассматривались в русле когнитивной семантики, применялись понятия "членимость" и "композиционность", анализировались понятийные структуры новообразований.

Значительное число докладов, прочитанных на заседаниях Комиссии, было посвящено проблемам синонимии и антонимии мотивированных слов, особенностям синонимических отношений, которые возникают между номинативными единицами различных уровней языка.

В докладе И.С. У л у х а н о в а (Россия) "Мотивированное слово в синонимическом ряду" были рассмотрены отношения между немотивированными и мотивированными синонимами – разнокоренными и однокоренными. Определены особенности разнокоренных синонимов, один из которых – мотивированное слово, другой – а) немотивированное слово; б) устойчивое сочетание. Описаны отношения непосредственной и опосредствованной мотивации между однокоренными синонимами.

Синонимические и квазисинонимические отношения между лексическими и словообразовательными средствами в активной грамматике русского языка были проанализированы в докладе И.Г. М и л о с л а в с к о г о (Россия). Рассматривая русские предиктные имена, характеризующие лицо,

и наименования, отличающиеся от данных имен только одним семантическим компонентом, он доказывал, что анализ таких предикатных имен должен быть многоуровневым.

О. Мартинцова (Чехия) анализировала в своем докладе синонимические и антонимические отношения, в которые вступают неологизмы в современном чешском языке, особое внимание уделив синонимии производных слов, обусловленной синонимией словообразовательных формантов.

Анализируя приемы русского поэтического словотворчества, В.Н. Винogradova (Россия) выявила особенности синонимических отношений, которые возникают между индивидуально-авторскими определениями-прилагательными и определительными конструкциями, свойственными общелитературному языку. Установлено, что определительные конструкции, вступая в синонимические отношения с определениями-прилагательными, способствуют "приращениям смысла" последних, часто их метафоризации.

Типы и способы номинации рассматривались в докладах Б. Крея, Х. Кальба, А. Никитевича, Б. Тошовича. Б. Крея (Польша) анализировал проблемы комплективирующей (заполняющей) мотивации в польском языке, особое внимание уделив вопросу о механизме заполнения, комплектации словообразовательной парадигмы. Предметом исследования Х. Кальба (Австрия) были способы номинации в сербском и хорватском языках, различия между этими языками на словообразовательном уровне. А. Никитевичем (Белоруссия) были изложены результаты исследования, ориентированного на описание словообразовательных гнезд русских глаголов в их взаимодействии с деривационно-родственными конструкциями более высокого уровня, на материале русских глаголов были рассмотрены различные типы аффиксации во взаимодействии с несловообразовательными типами номинации. Проблема повторной номинации в словообразовании было посвящено выступление Б. Тошовича (Австрия). Под повторной номинацией в словообразовании им понимается образование слов путем соединения двух корней (основ) одной части речи.

Взаимодействию словообразовательной мотивации с другими типами мотивации, а также проблеме лексикализации производных слов были посвящены доклады Ю. Фурдика, И. Онхайзера, М. Пастуховой, А. Яновской. В докладе Ю. Фурдика (Словакия) были проанализированы особенности

взаимодействия словообразовательной мотивации с разными типами лексической мотивации. Выявлены следующие типы лексической мотивации: 1) основная: а) элементарная, б) специализированная; 2) дополнительная: а) прагматическая, б) внешняя. О разных типах соотношения опосредствованной словообразовательной мотивации и мотивирующих парафраз у сходных по структуре русских, польских и чешских абстрактных существительных говорилось в докладе И. Онхайзера (Австрия). В докладе А. Яновской (Польша) были рассмотрены особенности семантики слов с метафорической мотивацией, проанализирована семантика и структура фразеологических сочетаний, выступающих в роли производящих основ в современном польском языке. Выделены два способа "стягивания" идиом в одно производное слово, охарактеризованы дериваты – сложения и сращения – опорными компонентами которых являются фразеологизмы. М. Пастухова (Польша) исследовала направление лексикализации словообразовательных структур в польском языке, в ее докладе были проанализированы лексикализованные существительные с тем, чтобы показать факторы, способствующие лексикализации: фонетические изменения, изоляция формантов, утрата мотивирующих слов.

О взаимозависимости между словообразовательными процессами различных типов и видами лексических объединений говорилось в докладах Д. Гортан-Премк, З.А. Харитончик. Анализируя референциальную значимость дериватов различной структуры, Д. Гортан-Премк (Югославия) указала на необходимость семантического анализа дериватов с разной словообразовательной структурой, входящих в одну и ту же лексико-семантическую группу. Сходные мысли были высказаны З. Харитончик (Белоруссия), которая в своем докладе "Лексические поля и процессы номинации" показала, что существует корреляция между транспозиционной, модификационной или мутационной природой регулярного словообразовательного процесса, типом словообразовательной модели и видом лексических объединений.

Проблеме влияния процесса заимствования на словопроизводство в языке-реципиенте были посвящены доклады Е.А. Земской, К. Клещовой, Е.И. Коряковцевой, Л. Селимского. Анализируя функции словообразования в языке русского зарубежья, характер заимствования производящих основ и словообразовательных формантов, Е.А. Земская (Россия) вы-

делила несколько типов слов-гибридов, широко используемых в речи эмигрантов, отметила как наиболее активные экспрессивную и номинативную функции словопроизводства. Характеризуя в своем докладе роль заимствования в преобразовании словообразовательной системы польского языка, К. Клещова (Польша) рассмотрела те явления и тенденции, возникновение которых объясняется воздействием иноязычных производных и непроизводных слов (тенденция к дополнительной семантизации структур, активизация префиксального именного словообразования, изменение характера глагольной перфективации, распространение квази-дериватов и др.). Изложив результаты наблюдений над эволюцией глаголов с заимствованными основами и имен действия с заимствованными формантами в истории русского языка, Е.И. Корякова в Цева (Россия) проанализировала условия влияния заимствований-гибридов на развитие исконных словообразовательных типов и на перестройку словообразовательных категорий, включающих в свой состав словообразовательные типы с продуктивными формантами иноязычного происхождения. В докладе Л. Селмского (Болгария) были проанализированы особенности процесса калькирования, определен статус калек в словообразовательной системе болгарского языка, предложена методика их анализа в синхронном и диахроническом аспектах.

Синхронно-диахроническому анализу были подвергнуты отдельные словообразовательные процессы и явления в докладах

30 января – 2 февраля 2001 г. в Институте славяноведения РАН прошла международная конференция "Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст". Конференция была организована лингвистами из Института славяноведения, которые и приняли в ней наиболее активное участие: так, из семнадцати сотрудников Отдела типологии и сравнительного языкознания Института (руководитель – Т.М. Николаева) в конференции приняли участие четырнадцать человек, включая авторов присланных тезисов, а из десяти сотрудников Отдела этнолингвистики и фольклора (руководитель – С.М. Толстая) – пять человек.

Для участия в конференции в Москву были приглашены исследователи не только

Г.П. Нецименко, М. Феррана, С. Менгель. Г.П. Нецименко (Россия) были указаны причины активизации всех видов словообразования в языке публичной коммуникации в последнее десятилетие. Установлено, что основными причинами являются: 1) необходимость максимального насыщения компактно выраженной информацией коммуникативных каналов, 2) усиление влияния разговорного языка. М. Ферран (Франция) изложил результаты сопоставительного синхронно-диахронического исследования русских глагольных приставок и изоморфных предлогов, проследив развитие их значений в истории русского литературного языка. В докладе С. Менгель (Германия) анализировались особенности словообразовательных и номинативных структур в переводах церковных песнопений с немецкого языка на русский, которые были сделаны священником С. Тодорским в Халле в 1729–1735 гг.

В своем заключительном выступлении председатель Комиссии И.С. Улуканов от имени всех присутствующих поблагодарил К. Клещова, профессора Силезского университета, за прекрасную организацию работы Комиссии, заседание которой проходило в творческой атмосфере.

Тексты докладов, прочитанных на четвертой конференции Международной комиссии по словообразованию, будут опубликованы издательством Силезского университета в 2001 году в виде сборника под заглавием "Słowotwórstwo i inne sposoby pomianacji".

Е.И. Коряковцева (Москва)

из многих городов России (Санкт-Петербурга, Краснодара, Екатеринбург, Калининграда), но и из Литвы, Украины, Чехии, Франции, Италии, Австрии, Канады. К конференции был издан двухтомный сборник тезисов, число авторов которых заметно превышало число участников, выступивших с докладами. Среди исследователей, приславших тезисы, но по ряду причин не выступивших на конференции, – Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров, А.Б. Пеньковский, А.А. Гиппиус, Т.В. Топорова, С.Л. Иванова, М.А. Дмитровская, О.Г. Ревзина, Л.Г. Невская, А.В. Юдин.

Во вступительном докладе, открывшем первое заседание, Т.М. Николаева (Москва) подчеркнула, что сама идея проведения конференции возникла у Организационного комитета (Т.М. Николаева – председатель, Т.В. Цивьян, С.М. Толстая) в

связи с рядом исследований, появившихся в последние годы. Это и работы В.Н. Топорова о семантической ауре и возможной интерпретации некоторых имен, значимых для русской культуры, и идеи известной французской исследовательницы Ф. Бадер о необходимости разгадать потаенную герменевтику имен древних правителей, и, наконец, появление интересных книг о существовании, развитии и угасании особого семантического ореола вокруг некоторых имен – наиболее показательным примером здесь можно считать монографию А.Б. Пеньковского об имени *Нина*.

По словам Т.М. Николаевой, одной из основных задач конференции было понять, чем отличается неясная, но несомненная семантика имени собственного от семантики так называемых предметных имен, к настоящему времени уже достаточно полно и детально описанной рядом семантических школ – при этом уникальность конференции состояла в том, что ее нельзя было назвать ни ономастической, ни этимологической, ни описывающей формальные структуры, в традиционном понимании. На рассмотрение участникам конференции были предложены следующие темы:

I. Герменевтика имен – древние свидетельства;

II. Имя в контексте общей теории;

III. Библейские имена и традиционная культура;

IV. Между именем и безымянностью, между именем собственным и нарицательным;

V. Имя в художественном тексте;

VI. Судьба имени в тексте;

VII. Имя в традиционной культуре.

В большинстве докладов, прочитанных по теме **"Герменевтика имени – древние свидетельства"**, речь шла о размытости границы между именем и именовании в древних традициях. Т.Я. Елизаренкова (Москва) рассказала об имени в "Ригведе". Постоянные эпитеты богов, выступающие в роли их собственных имен (например, 'щедрый' – *maghávan* – эпитет Индры и одно из его имен), а также употребление имен некоторых мифологических персонажей в качестве нарицательных существительных (*agní* – 'огонь, костер', *mitrá* – 'договор, друг' и т.д.) позволили исследовательнице сделать вывод об отсутствии твердой границы между именами собственными и нарицательными в "Ригведе".

Т.А. Михайлова (Москва) выступила с сообщением о женском персонаже,

обозначенном в древнеирландских нарративных текстах как *Этайн/Этне*. По словам докладчицы, все персонажи, названные в ранней традиции таким образом, не имели собственного имени, но лишь кодировались особым именем *ан-и-ан-и-е-м*, которое указывало адресату текста на их сверхъестественную природу. Само же именование *Этайн*, как полагает исследовательница, развилось из сложения дейктических основ: **an-t-an-* ("та-вог-та", "вог-та") – в кельтских языках это явление считается достаточно распространенным.

Отсутствие четкой границы между собственными и нарицательными именами в текстах, связанных с мифологической традицией, подчеркивалось и в докладе А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского (Москва) о роли имени в организации и разрушении мифа. Рассмотрев "Младшую Эдду" как памятник, отражающий встречу мифологического и немифологического мышления, авторы доклада показали, что имя собственное является здесь средством приравнять божество к человеку, свести мифологическую историю к истории человеческой. Именно вопрос о том, божество или человек скрываются за именами собственными в данном памятнике, был определен исследователями как один из центральных в "Младшей Эдде".

Двухкорневые антропонимы как темы и сюжеты в балтийских языках стали темой сообщения С. Вальянтаса (Шауляй). В докладе был рассмотрен корпус личных имен, отражающих фрагменты индоевропейской героической поэзии – круг тем, свойственных индоевропейскому представителю "второй функции" (по Ж. Дюмезилю): война, борьба, войско, власть и т.д.

Имена собственные в истории языкознания и в современных лингвистических концепциях стали предметом обсуждения участников конференции, рассказавших об именах **"в контексте общей теории"**. А.В. Циммерлинг (Москва) сделал доклад об именах собственных как логико-семантических функциях в теоретических моделях Дж.Ст. Милля, Е. Куриловича, А. Гардинера, М.И. Стеблина-Коменского, Б. Рассела и С. Крикке, а темой сообщения Е.В. Вельмезовой (Москва) стали имена собственные в ряде эволюционистских концепций начала века.

Доклад Н.Н. Запольской (Москва) был посвящен собственным именам библейских персонажей в славянских грамматических трактатах XIV–XVII вв. Исследовательница показала, что

при установках дидактического характера авторами грамматик выбирались библейские имена-образцы (ср. нем. *das Muster*). В ходе же исторического развития библейское антропонимическое пространство постепенно переосмысливалось в историческое, а затем и в бытовое – что не могло не повлечь за собой и понижение статуса соответствующих имен (*Петр – Петька – Петька* и т.д.).

Н.Г. Брагина (Москва) рассказала об анализе имен лиц, включающихся в общественную культурно-языковую память в определенной референтной соотнесенности с рядом культурных концептов.

К сопоставительному анализу антропонимов в русском и болгарском языках обратились московские исследователи Т.Н. Молошная и Г.И. Шатуновский. В первом докладе рассматривались личные имена с суффиксами субъективной оценки, а во втором – возможности употребления собственных имен с неопределенными местоимениями в русском и болгарском языках.

Возможность сохранения образа как конкретно-чувственного представления в семантической структуре имен собственных стала темой сообщения М.Э. Рут (Екатеринбург).

Б. Гошович (Грац) сделал доклад о процессе рассеивания семантики имени при превращении его в глагол: это явление было названо исследователем дисперсией имени в глаголе.

О некоторых выявляемых современными исследователями особенностях антропонимической системы русского языка, отличии ее от систем других европейских языков и значении этого для межкультурной коммуникации рассказала Л. Сальмон (Болонья).

Большая часть сообщений была посвящена именам собственным в художественных текстах, а также судьбе и эволюции имен в культуре.

И. Фужерон (Париж) и Н.В. Васильева (Москва) избрали темой своих докладов авторский выбор между именем и безымянностью как выражение определенной позиции, занимаемой писателем по отношению к персонажам. В первом сообщении было проанализировано несколько рассказов В. Гроссмана, а во втором – творчество М. Кундеры. Об имени и значимом его отсутствии шла речь и в докладе Н.В. Злыдневой (Москва) об эволюции отношения имя / подпись художника.

Доклад Е.А. Яблокова (Москва) был посвящен имени *Роза* в творчестве А. Платонова, Н.Н. Перцова (Москва) рассказала о нескольких типах антропонимов в словотворчестве В. Хлебникова, а М.-А. Паолини (Рим) обратилась к игре З. Гиппиус-критика с псевдонимами.

Т.В. Цивьян (Москва) сделала сообщение о некоторых принципах выбора имени в художественном тексте. Для иллюстрации своих теоретических построений исследовательница приводила многочисленные примеры из произведений Н.В. Гоголя, к антропонимическому пространству которого обратилась и К. Соливетти (Рим).

Интересная схема возможного анализа имени в художественном повествовательном тексте была предложена О.Е. Фроловой (Москва), применившей ее для описания антропонимов в прозе А.С. Пушкина.

Несколько докладов было посвящено семантической истории имен в русской культуре. Так, Т.М. Николаева рассказала об аксиологии имен *Вера*, *Надежда* и *Любовь*, а Е.В. Душечкина (Санкт-Петербург) – об имени *Светлана* и эволюции его культурных коннотаций. Авторы обоих сообщений подчеркнули факт постепенного понижения аксиологии соответствующих имен в отечественной культурной традиции: поэтическая *Светлана* – героиня известной баллады В.А. Жуковского – в наши дни превратилась в вульгарную и необразованную *Светку*, а "милая, добрая хорошая" *Любовь* (А.П. Чехов), *Любовь* – "прекрасная дама" (А.А. Блок) – в *Любку*, подобно тому, как таинственная *Нина*, царившая в русской литературе первой половины XIX века (см. упоминавшееся выше исследование А.Б. Пеньковского) – в песенную *Нинку*. Конечно, как подчеркнула Т.М. Николаева, в ту или иную эпоху аксиология имени определяется множеством разных факторов, однако найти объяснение очевидному снижению статуса имен *Светлана*, *Любовь*, *Нина* и т.д. в современной России пока нелегко.

Имя как эмблема в литературной полемике об историческом и культурном пути России, охватившей русское интеллектуальное общество начала XIX в. ("карамзинисты" против "шишковистов") стало темой доклада Л.О. Зайонц (Москва).

Сообщение Т.Н. Свешниковой (Москва) было посвящено анализу собачьих кличек, представленных в отечественных

каталогах собачьих выставок за несколько последних лет.

Многие участники конференции избрали темой докладов **имена в традиционной народной культуре**. В целом ряде сообщений речь шла о магии имени, имянаречения и социальной функции имени в народной культуре. В докладе об "ономастической магии" в славянской традиции С.М. Толстая (Москва) выделила несколько ритуальных функций имени, совпадающих с назначением соответствующих магических ритуалов. Как подчеркнула исследовательница, все эти функции (благопожелательная, защитная, "отгонная" и злокозненная) в принципе могут осуществляться любыми именами, однако имеется и особая категория "магических имен", отличающихся в данном случае повышенной эффективностью. Это "семантические" имена, заключающие магические свойства в своей языковой форме; "странные" (редкие и уникальные) имена; "прецедентные" имена — имена, принадлежавшие какому-либо конкретному лицу из родственного или более широкого окружения ребенка, или же имена лиц, имевших высокий престиж в глазах социума; и наконец, "мертвые" имена, имена умерших членов семьи или рода.

Повествованиям о значимости выбора имени для новорожденного в болгарской традиции был посвящен доклад И.А. Седяковой (Москва). В народных представлениях имянаречение связывается с желанием продолжения рода, с "культром" крестных родителей, с почитанием христианских святых и церковных календарных праздников. В связи с этим докладчица выделила три основных мотива, раскрывающих значимость имени в архаической картине мира болгар: выбор имени равнозначен выбору судьбы; следование определенным традиционным правилам выбора имени поощряется и приносит носителю имени удачу, тогда как несоблюдение правил без выполнения при этом надлежащих ритуальных действий отрицательно влияет на ребенка и даже может вызвать его смерть.

Используя богатый материал календарной обрядности, М.М. Валенцова (Москва) рассказала об употреблении личных имен в функции апеллятивов.

С.Е. Никитина (Москва) выступила с докладом об именах духоборцев и молокан. Как было подчеркнуто в докладе, духоборцы, независимо от возраста, до сих пор называют друг друга только уменьшительными именами, которые являются зна-

ками принадлежности к "большой семье" одного тесного социума. В то же время, полные имена без отчеств (практически все — традиционно православные) кажутся духоборцам грубыми и неуважительными — что можно считать своеобразной перверсией, по сравнению, например, с привычками большинства жителей современной России. В отличие от духоборцев, молокане часто дают детям и библейские имена. При этом многие американские молокане среднего и молодого поколения имеют два имени: одно ("американское") — для профанной жизни, а другое ("русское") — для духовного общения.

В сообщении Е.Е. Левкиевской (Москва) речь шла о сохранении корпуса имен христианских святых у восточных славян в XX веке, когда эти имена стали элементом исключительно устной традиции. При этом соответствующие православные тексты подвергались значительным изменениям, а имя клишировалось и переводилось из сакрального кода в материальный. Этот процесс сопровождался возникновением новых текстов о наиболее известных святых, где их имена переосмысливались с точки зрения иных культурных контекстов. При этом реальные исторические лица часто могли связываться с персонажами легенд и преданий через посредство имен (император *Николай II* / *Св. Николай Чудотворец* и т.д.), что влекло за собой зарождение новых легенд и мифологем.

Несколько докладов было посвящено анализу имени в текстах народной культуры.

Л.Н. Виноградова (Москва) выступила с сообщением о личных именах в демонологических поверьях славян. В частности, докладчица подчеркнула, что название по имени как один из способов номинации мифологических персонажей в демонологических верованиях свидетельствует прежде всего об антропоморфизации обозначенных образов. Этот феномен может быть связан, с одной стороны, с характерным для архаического мышления стремлением перенести человеческие свойства на объекты окружающего мира, а с другой — с представлениями об инкарнации душ умерших людей. Докладчица рассказала и об интересных примерах использования имен собственных как охранительного средства.

В центре внимания А.А. Плетневой (Москва) стоял вопрос о языке лубка, вплоть до настоящего времени не изученный лингвистами в должной степени. Как показала докладчица, употребление

имен собственных в лубочной традиции может многое сообщить о представлениях читателей лубка о мире и истории, сам же мир лубка, по сути, оказывается таким же секуляризованным, как мир народной культуры и литературных традиций.

О семантике имени и сюжете в агиографии рассказала М.С. В л а д ы ш е в с к а я (Москва). Проанализировав имена персонажей, варьирующиеся в различных версиях "Жития св. Георгия" и "Чуда о св. Георгии и Змии", исследовательница связала данные сочинения с рядом раннехристианских памятников – сочинений эсхатологического характера (таких, в частности, как Апокалипсис и "Пистис София"). Тем самым было показано первостепенное значение семантики имени в агиографии для выявления историко-литературных корней сюжета.

Темой сообщения О.В. Беловой (Москва) стали имена собственные в полеских этимологических легендах на библейские сюжеты, а также в связанных с ними народных поверьях. Исследовательница отметила, что введение новых, не ожидаемых заранее имен в народные "библейские" легенды далеко не всегда является простой случайностью. Напротив, этот феномен свидетельствует о сложной синкретической структуре "фольклорной Библии", где одни сюжеты тесно связываются с другими, а этиологические легенды соотносятся с областью календарных верований или обрядовой ритуальстики.

А.Л. Т о п о р к о в (Москва) сделал подробное сообщение об ономастике Олонецкого сборника заговоров XVII века. Как было показано в докладе, антропонимическое пространство сборника структурировано следующим образом: христианские персонажи (Христос, Богородица, называемые по именам святые) связаны с небом, а фольклорно-языческие – со сверхъестественным миром (остров или камень в океане) или же с традиционно "чужим" для народной культуры природным пространством (земля, река, лес).

В.Л. К л я у с (Москва) проанализировал бытующий у потомков старообрядцев ("семейских") Забайкалья цикл песен с

самым популярным и частотным женским именем в русской народной традиции – *Маиша*. Исследователь подчеркнул, что в фольклорном дискурсе имя уже само по себе является как бы свернутым сюжетом или целым циклом сюжетов и мотивов, что, в частности, позволяет фольклористам в полевой работе использовать собственные имена в качестве приема напоминания о том или ином тексте при опросе информантов-исполнителей.

Об имени *Фома* в русских пословицах (*Фома* как одна из "масок" театра традиционной культуры; *Фома* как имя, приобретшее характер мифологемы – ср. "маски" *Семен* и *Макар*, описанные В.Н. Топоровым) сделал сообщение Ф.Н. Д в и н я т и н (Санкт-Петербург). Исходя из тезиса о билатеральности языкового знака в тексте, докладчик выделил несколько смысловых линий в богатой традиции этого имени, а также особо подчеркнул значимость анализа звуковой компоненты имени для полноценного его описания.

Е.Л. Б е р е з о в и ч (Екатеринбург) рассказала о топонимах как объектах этнолингвистического исследования. В докладе было выделено три группы топонимов, различающихся по характеру языковой манифестации этнокультурной информации: топонимы с легко прочитываемой культурной символикой, локализованной на уровне внутренней формы имени; названия, в которых культурная символика коннотирована и обнаруживается при изучении особенностей денотативной соотнесенности имени; наконец, имена, культурная семантика которых может обнаруживаться только при анализе всего корпуса топонимов, указывающих на типичную позицию называющего (номинатора) при ориентации в окружающем пространстве.

Закрывая обсуждение докладов, председатель Организационного комитета конференции Т.М. Николаева поблагодарила участников за интересные сообщения и выразила надежду на то, что сборник тезисов конференции положит начало большой коллективной монографии.

Е.В. Вельмезова (Москва)

1. Рукописи представляются в двух экземплярах: текст и подстрочные примечания обязательно должны быть напечатаны на машинке или на компьютере через два интервала. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес, телефон.

2. Примеры в журнале принято давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой), а значения их в кавычках.

3. Библиография в журнале оформляется следующим образом:

3.1. Список использованной литературы дается в конце статьи по алфавиту фамилий авторов и оформляется так:

– "Код работы" (фамилия и инициалы авторов, год выхода цитируемой работы), тире, название работы. В случае, если авторов больше двух, допустимо указывать только одного автора плюс выражение типа «и др.» или «et al.».

– Если это монография, то после точки указываются место и год издания, например:

Успенский Б.А. 1994 – Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994.

– Если это статья, то после двойного слэша (//) указывается журнал (допустимы при этом стандартные сокращения) или выходные данные сборника, например:

Трубецкой Н.С. 1990 – Общеславянский элемент в русской культуре // ВЯ. 1990. № 2, 3.

– Если это сборник или иное аналогичное издание, то "кодом" является одно из двух:

а) фамилия и инициалы редактора (или редакторов; допустимы сокращения как и в ссылке на авторскую работу, см. выше) с указанием "ред." (для других языков – ed., hrsg. и т.п.) и год;

б) сокращенное название и год.

В обоих последних случаях вслед за ключом после тире указывается полное название работы, а после точки – место, запятая, год издания, например:

Greenberg J. ed – Universals of human language. V. 1. Method and theory. Stanford (California), 1978.

Universals. 1978 – Universals of human language. V. 1. Method and theory. Stanford (California). 1978.

3.2. В тексте ссылки на литературу даются в квадратных скобках; фамилия (и инициалы автора, если это необходимо во избежание недоразумений), год публикации работы с указанием цитируемых страниц (если это существенно). Например [В.В. Иванов 1992: 34], [W. Jones 1890]. Если в библиографии упоминаются несколько работ одного и того же автора и года, используются уточнения типа: [W. James 1890a]. Под этим же кодом упоминается данная работа в списке литературы.

3.3. Подстрочные примечания, которые сохраняются наряду со списком использованной литературы, имеют сквозную нумерацию.

4. Непринятые рукописи не возвращаются.

5. Статьи, опубликованные или направленные в редакции других журналов, не принимаются.

6. Автором публикуемых статей направляется копия наборного экземпляра, который является окончательным вариантом сдаваемого в набор материала; корректура авторам не высылается.

Статьи, оформленные не в соответствии с указанными выше правилами, к рассмотрению в журнале "Вопросы языкознания" не принимаются.

**СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ
ПЕРИОДИЧЕСКИХ И ПРОДОЛЖАЮЩИХСЯ ИЗДАНИЙ, ПРИНЯТЫХ
В ЖУРНАЛЕ "ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ"**

- БЕ – Български език
ВДИ – Вестник древней истории
ВИ – Вопросы истории
ВСЯ – Вопросы славянского языкознания
ВФ – Вопросы философии
ВЯ – Вопросы языкознания
ЕИКЯ – Ежегодник иберийско-кавказского языкознания
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗВО РАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИАН СЛЯ – Известия АН СССР. Серия литературы и языка
ИКЯ – Иберийско-кавказское языкознание
ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук (Росс. АН),
АН СССР
ИЯШ – Иностранные языки в школе
РЯНШ – Русский язык в нац. школе
РЯШ – Русский язык в школе
СБНУ – Сборник за народни умотворения
СТ – Советская тюркология
ФН – Доклады высшей школы. Филологические науки
ADAW – Abhandl. der Deutschen (Berliner) Akad. der Wissenschaften. Klasse für Sprachen, Literatur
und Kunst
AfsIph – Archiv für slavische Philologie
AGL – Archivio glottologico Italiano
AKGW – Abhandl. der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen
AL – Acta linguistica
AmA – American anthropologist
ANF – Arkiv för nordick filologi
AO – Archiv orientální
APAW – Abhandl. der Preussischen Akad. der Wissenschaften. Philosoph.-hist. Klasse
BCLC – Bullétin du Cercle Linguistique de Copenhague
BPTJ – Biulétyn Polskiego towarzystwa językoznawczego
BSLP – Bullétin de la Société de linguistique de Paris
BSOS – Bulletin of the School of Oriental studies
BzNf – Beiträge zur Namenforschung
CAJ – Central Asiatic Journal
CFS – Cahiers F. de Saussure
CJ – The classical journal
FPhon – Folia phoniatica
FuF – Finnisch-ugrische Forschungen
GL – General linguistics
HR – Hispanic review
IF – Indogermanische Forschungen
IJ – Indo-Iranian journal
IJAL – International journal of American linguistics
JA – Journal asiatique
JASA – Journal of the Acoustical society of America
JEGPh – Journal of English and Germanic philology
JL – Journal of linguistics
JP – Język polski
JRAS – Journal of the Royal Asiatic society

JSFOu – Journal de la Société finno-ougrienne
 JФ – Јужнословенски филолог
 KZ – Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen
 LaPh – Linguistics and Philosophy
 Lg – Language
 LIn – Linguistic Inquiry
 LM – Les langues modernes
 MM – Maal og minne
 MSFOu – Mémoires de la Société finno-ougrienne
 MSLP – Mémoires de la Société de linguistique de Paris
 MSOS – Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin
 NSS – Nysvenska studier
 NTS – Norsk tidsskrift for sprogvidenskap
 PBB – Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur
 PMLA – Publications of the Modern Language Association of America
 RES – The Review of English studies
 RÉG – Revue des études grecques
 RÉSI – Revue des études slaves
 RF – Romanische Forschungen
 RKJL – Rozprawy Komisji językowej Łódźk. t-wa naukowego
 RKJW – Rozprawy Komisji językowej Wrocławsk. t-wa naukowego
 RLing – Russian linguistics
 RLR – Revue de linguistique romane
 RO – Rocznik orientalistyczny
 RS – Rocznik slawistyczny
 SaS – Slovo a slovesnost
 SDAW – Sitzungsberichte der Deutschen Akad. der Wissenschaften, Phil.-hist., Klasse für Sprachen,
 Literatur und Kunst
 SL – Studia linguistica
 SMS – Sbornik matice slovenskej pre jazykozpyt, národopies a literárnu históriu
 SPAW – Sitzungsberichte der Preussischen Akad. der Wissenschaften
 StO – Studia orientalia
 SWAW – Sitzungsberichte der Wiener Akad. der Wissenschaften
 TA – Traduction automatique
 TCLC – Travaux du Cercle linguistique de Copenhague
 TCLP – Travaux de Cercle linguistique de Prague
 TIL – Travaux de l'Institut de linguistique
 TPhS – Transactions of the Philological society
 UAJb – Ungarische Jahrbücher
 VR – Vox Romanica
 WW – Wirkendes Wort
 ZAS – Zentralasiatische Studien
 ZCPh – Zeitschrift für celtische Philologie
 ZDA – Zeitschrift für deutsches Altertum
 ZDMG – Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft
 ZDPh – Zeitschrift für deutsche Philologie
 ZMaF – Zeitschrift für Mundartforschung
 ZNS – Zeitschrift für neuere Sprachen
 ZPhon – Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft
 ZRPH – Zeitschrift für romanische Philologie
 ZSL – Zeitschrift für Slavistik
 ZSLPh – Zeitschrift für slavische Philologie

CONTENTS

A.A. Z a l i z n j a k, V.L. J a n i n (Moscow). The Novgorod Codex of the first quarter of the XI century – the oldest book of the Rus'; M.N. B o g o l i u b o v (St.-Petersburg). Iranian etymologies (in connection with the publication of the first volume of "The etymological dictionary of the Iranian languages" by V.S. Rastorgujeva and D.I. Edel'man); A.K. M a t v e e v (Ekaterinburg). The Merian problem and linguistic cartography; M.V. Z a v j a l o v a (Moscow). Investigation of speech mechanisms in bilingualism (based on associative experiments with Lithuanian – Russian bilingual speakers); R.Z. M u r j a s o v (Ufa). Some problems of contrastive aspectology; **Reviews:** V.D. D e v k i n (Moscow). Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 10 Bänden; N.A. K u p i n a (Ekaterinburg). *M.V. Kitaigorodskaja, N.N. Rozanova*. The speech of the Moscovites: communicative and cultural aspects; M.M. M a k o v s k i j (Moscow). *V.V. Levitskij*. Etymological dictionary of the Germanic languages; V.S. B a j e v s k i j (Smolensk). *N. Pavlovič*. A dictionary of poetic symbols; A.I. D o m a š n e v. *W. Schmidt*. Geschichte der deutschen Sprache; **Chronicle features.**

Технический редактор *О.Н. Никитина*

Сдано в набор 29.06.2001 Подписано к печати 21.08.2001 Формат бумаги 70 × 100 ¹/₁₆
Офсетная печать. Усл.печ.л. 13,0 Усл.-кр.-отг. 23,2 тыс. Уч.-изд.л. 15,6 Бум.л. 5,0
Тираж 1466 экз. Зак. 2496

Свидетельство о регистрации № 0110167 от 4 февраля 1993 г.
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Отделение литературы и языка РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон 201-25-16
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6
Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2; 952000 – журналы